

Николай Волынский

**Наследство
последнего
императора**

Николай Волынский

**Наследство последнего
императора**

«Автор»

2007

Волынский Н.

Наследство последнего императора / Н. Волынский —
«Автор», 2007

«Наследство последнего императора» Николая Волынского – книга о звеньях цепи важных исторических событий. О жизни и тайне смерти Николая Второго; о драмах эпохи революций и гражданской войны; о страшной исторической трагедии уже наших дней; о тогдашней и нынешней беспощадной борьбе за наследство русского царя. Но, прежде всего, это книга о живых людях...

© Волынский Н., 2007

© Автор, 2007

Содержание

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА XX ВЕКА	5
КНИГА ПЕРВАЯ	9
Часть первая	9
1. СМЕРТЬ ПРЕТЕНДЕНТА	9
2. ЗОЛОТО ИМПЕРИИ	28
3. ЕЛЬЦИН УБИВАЕТ ЛОШАДЬ	35
4. КОРОЛЬ ГЕОРГ V В РОЛЛС-РОЙСЕ	45
5. БИЗНЕС ЕЛЬЦИНА	50
6. ГЛАС ВОПИЮЩЕГО	62
7. ОТЪЕЗД ИЗ ЦАРСКОГО СЕЛА	65
8. ПОДРУГА МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА	119
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Николай Воынский

Наследство последнего императора

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА XX ВЕКА

Редкость в наши дни – роман: радость и счастье, горе и злосчастие во множестве судеб далекого прошлого и наших дней.

Знайте, уважаемый читатель, я вам искренне сейчас завидую. Потому что вам предстоит в первый раз прочесть книгу, которую вы в настоящую минуту держите в руках. Именно первые впечатления всегда особенно сильны, глубоки, красочны. Второе чтение – уже нечто другое: здесь приоритет мысли, а не сердечного чувства.

Впрочем, есть на земле книги, с которыми каждый раз встречаешься словно впервые – настолько они неисчерпаемы. Их хочется перечитывать постоянно, и каждый раз открываешь для себя что-то новое. Таких книг на всю нашу планету Земля, на всю историю цивилизаций, к удивлению, совсем немного – всего около полутора-двух тысяч. И в первую очередь, это произведения великой русской литературы, которые для человека с сердцем и совестью становятся фактами его собственной биографии – учебниками жизни, друзьями, которые никогда не изменят и не предадут, никогда не оставят – в беде и одиночестве, в радости и в счастье.

Сейчас наша литература переживает, без преувеличений, черные дни. Нас заваливают горами омерзительных поделок, преисполненных грязи, матерщины, воспевания насилия, преступности, калоедства, наркомании и животного секса. И это происходит в стране, давшей миру литературу, которая по воздействию на человечество имеет такое же значение, как философия, скульптура и архитектура античных времен и как искусство и наука европейского Ренессанса.

И потому нередко странным и неожиданным становится появление нормального произведения русской литературы. Вот таким неожиданным кажется и роман «Наследство последнего императора». Так сейчас в России почти перестали писать. Хотя, может быть, и пишут, но кто печатает?

«Наследство последнего императора» внешне – книга о звеньях цепи важных исторических событий. О жизни и тайне смерти Николая Второго; о драмах эпохи революций и гражданской войны; о страшной исторической трагедии уже наших дней; о тогдашней и нынешней беспощадной борьбе за наследство русского царя...

Но, прежде всего, это книга о живых людях. Она повествует, в первую очередь, о вещах вечных – о жизни и смерти, о любви и ненависти, о верности и предательстве, о человечности и мерзости, о великодушии и подлости... Написана она в жанре, почти забытом сегодня. Роман пребывает нынче в состоянии полного упадка. Впрочем, не будет ошибкой определить «Наследство последнего императора» и как исторический художественно-документальный детектив, поскольку и эти признаки имеют место, но, на мой взгляд, не являются главными.

Роман «Наследство последнего императора» интересен и потому, что впервые после 1918 года на русском языке появилось остросюжетное произведение, в котором живо, увлекательно, но одновременно на основании бесстрастных документов и свидетельств рассказывается об одной из величайших тайн XX века. То есть к арсеналу художественных средств добавлены сухие юридические составляющие.

Перед нами разворачивается жестокая и бескомпромиссная драма эпохи. Точнее, две драмы, поскольку роман построен на двух параллельных фабулах. Первая – давнее прошлое,

она охватывает в первой части трилогии период 1905–1918 годов столь недавнего, но уже прошлого века. Вторая линия – 90-е годы, время катастроф и предательств. Первая линия повествует о борьбе за обладание последними представителями династии и их золотом. Вторая – о борьбе за их останки и опять же... за романовское золото.

Автор романа Николай Волинский – литератор, публицист, до сих пор больше известный, прежде всего, своими острыми аналитическими статьями в газете «Правда», где он проработал больше двадцати лет. Из них последние двенадцать занимался расследованием тайны семьи Романовых. Сегодня в его распоряжении уникальная и в чем-то сенсационная информация, практически не известные массовому читателю и даже многим специалистам материалы экспертиз, которые обошла стороной известная ельцинская госкомиссия по «идентификации царских останков». И теперь понятно, почему. Собранные автором материалы взрывают изнутри официальную версию убийства и захоронения Романовых. Проведя собственное расследование, Николай Волинский был первым из журналистов центральной прессы, кто заявил однозначно: «екатеринбургские останки Романовых» – фальшивка. Это было сказано задолго до того, как возникли сомнения в том же и у Русской Православной Церкви. Задолго и до того, как группа японских ученых во главе с доктором Тацуо Нагаи убедительно отвергла официальную версию происхождения костей, захороненных под видом останков членов царской семьи в соборе Петропавловской крепости Петербурга. Японцы выяснили, что ДНК костей, выдаваемых за «императорские», не совпадает с ДНК образцов крови племянника Николая II – Тихона Николаевича Куликовского-Романова, а также образцов пота и крови самого императора.

Так что «Наследство последнего императора» – это еще и история открытий и прозрений, фальсификаций и обмана, жестоких кровавых игр сначала вокруг живых Романовых, а теперь вокруг мертвых.

Шаг за шагом, по крупицам, автор реконструирует события, как далекого прошлого, так и близкого настоящего. В его распоряжении не только юридические доказательства, экспертные заключения, но и неожиданные свидетельства. Неоценимую помощь в расследовании Н. Волинскому оказала О. Н. Куликовская-Романова, вдова самого близкого родственника императора Николая II – его родного племянника Тихона Николаевича Куликовского-Романова, недавно скончавшегося в канадском городе Торонто. С Ольгой Николаевной автор встречался неоднократно. Большое значение имели и контакты автора с нынешним главой Дома Романовых Великим князем Николаем Романовичем, который, кстати говоря, по своим убеждениям не монархист, чего вроде бы следовало ожидать, а республиканец.

Но вот документ заканчивается. И тогда вступает в силу метод художественной реконструкции действительности. То есть вслед за Юрием Тыняновым автор заявляет: «Там, где заканчивается документ, начинаю я». Так что в романе сосуществуют и дополняют друг друга правда факта и правда искусства.

А уж если реальный исторический персонаж почти столетие для историков и литераторов – загадка, то вдвое хочется узнать о нем побольше. Так впервые на страницах художественного произведения появился комиссар Яковлев – личность таинственная и многомерная. Удивительно: почти девяносто лет русская литература словно не замечала этой исторической и, добавлю, трагической фигуры. И вот нечаянная встреча с Василием Васильевичем Яковлевым, пытавшимся вырвать царскую семью из рук сибирских и екатеринбургских левых большевиков и вывезти ее в Москву, а, может, и дальше. Самое интересное, что был Яковлев в этом деле личным порученцем Ленина и выполнял его задание – таковы исторические факты.

Так что роман «Наследство последнего императора» интересен еще и тем, что в нем содержится новое историческое знание, и это тоже сильная сторона книги. Оказывается,

твердые цены на хлеб, разорительные для крестьянства, установил не Сталин, как нам твердили и твердят, а царское правительство. Вскоре хлеб стал с рынка исчезать, что ускорило наступление Февральской революции. Именно Временное правительство ввело *продразверстку* – ту самую, которую в 1922 году большевики, пройдя период военного коммунизма, заменили продналогом – первая мера НЭПа. И смею утверждать, что если бы она не была отменена, то мы жили бы сегодня не в разоренной Эрэфии, а в сильном и процветающем Советском Союзе.

С удивлением обнаруживаешь в книге и свидетельства о том, что в августе-сентябре 1917 года «Временные», в основном, кадеты, спешно готовились заключить сепаратный договор с немцами (для отвода глаз – с Австрией, которая, как известно, была теснейшим союзником Германии), да вот большевики в октябре помешали. Много интересного, а иной раз и потрясающего узнаешь и из документальных свидетельств деятелей Русской Православной Церкви. Кому известно, например, о том, что Николай II готовил восстановление Патриаршества и всерьез готовился... сам стать Патриархом?

Святой Иоанн Кронштадтский, митрополиты Антоний Вадковский и Антоний Храповицкий, оклеветанный старец Григорий Распутин, первый глава Временного правительства князь Георгий Львов, его преемник Александр Керенский, адмирал Колчак, король Великобритании Георг V, Ленин, Свердлов, Троцкий, Сталин, Горбачев, Ельцин, глава правительства Англии Маргарет Тэтчер, президент США Уильям Клинтон – перед нами целая галерея исторических лиц, участвующих в реальных исторических событиях.

Первая книга романа, которую вы держите в руках, заканчивается в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге в доме инженера Ипатьева. Кажется, все мы давно знаем, *что* это было, *как* это готовилось и чем кончилось. Но выясняется, что знаем не всё. Перед нами новые загадки, проблемы и тайны.

Во второй книге мы узнаем, что же на самом деле произошло в ту ночь и позже, как велось расследование тайны семьи Романовых разными следователями в 1918–1921 годах и в наше время. В частности, открывается разгадка, что случилось с Цесаревичем Алексеем и Великой княжной Анастасией. Именно под этими именами появилось множество самозванцев уже в 1918 году. Почему так рано? Почему никто не назвал себя Великой княжной Ольгой, Татьяной или Марией Романовой? Ведь обстоятельства происшедшего в доме Ипатьева были строжайше засекречены. В самом деле, не могли же *все* самозванцы заранее знать, что только через 70 лет нам скажут, что в екатеринбургском могильнике недостает останков именно Алексея и Анастасии! Мы также узнаем о стараниях фальсификаторов, сначала соорудивших «екатеринбургский могильник», а теперь утверждающих, что нашли останки Алексея и Марии, которые, впрочем, по признанию следователя Генпрокуратуры В. Соловьева, по состоянию своему не годятся в качестве материала для научных экспертиз. Ну им, фальсификаторам, никаких экспертиз не надо.

И, наконец, в третьей книге мы узнаем, кто же на самом деле была загадочная Анна Андерсен-Чайковская-Манахэн, которая почти сорок лет утверждала, что она и есть спасшаяся Анастасия. А ведь ее признали и некоторые из Романовых, и бывших царских приближенных и слуг. Образцы ее почерка, форма ушей и другие важные физические признаки почти полностью совпадали с аналогичными атрибутами исчезнувшей Великой княжны. А как быть с прямым свидетельством Сергея Лаврентьевича Берии (сына легендарного наркома) и его матери Нины Теймуразовны о встрече с Великой Княжной Анастасией в Москве? Сыну Берии, выдающемуся конструктору-ракетчику, авторитетному и уважаемому ученому, незачем было придумывать исторические байки. Да и Нина Теймуразовна Берия была человеком высоких моральных качеств, чрезвычайно щепетильна и точна во всем и на выдумку, тем более дурацкую, просто не способна. В семье Берии-отца понимали важность, а нередко и опасность каждого сказанного слова.

Что ж, начнем читать!
Александр Михайлов,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института Русской литературы
(Пушкинский Дом)
г. Санкт-Петербург.

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть первая

1. СМЕРТЬ ПРЕТЕНДЕНТА

В ГОДУ 1992-м мая 29 дня в Санкт-Петербурге, который всего год назад был Ленинградом, в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора собралось человек полтора ста народу. Такой толпы в последние 200 лет стены собора еще не видели. Большинство собравшихся мужчин – в одинаковых черных мешковатых костюмах, белые рубашки, черные шелковые галстуки «анаконда» или бантики «кис-кис». Дамы тоже в трауре. Некоторые из них, по правилам Православной церкви, были в платочках. Одна повязала себе голову носовым, и его светлое пятно было видно издалека. Остальные – жены демократов или сами демократки – тогда еще оставались атеистками. Это лет через пять они враз и чуть ли не поголовно превратились в верующих. И как только в столичных и питерских церквях и соборах обычной принадлежностью стала видеокамера «Betacam», «новые православные» зачастили в храмы с подругами, с мужьями – «новыми русскими», впрочем, большей частью как раз не русскими. Платочки оставили и стали показывать по телевизору всей России свои умопомрачительно модные шляпы от Диора, от Кардена и даже от Валентино.

Поначалу они отстаивали службу, держа свечки в правых руках. Потом газеты им подсказали: правая рука дана христианину, дабы он осенял себя крестным знамением. Свечи тут же переключались в нужные руки. Осеняться «новые православные» научились удивительно быстро, хотя в основной массе своей не были и не могли быть крещеными, а значит и христианками. И большинство их мужчин в младенчестве прошли совсем другой религиозный обряд – обрезание. Тем не менее, крестились новые православные вполне удовлетворительно – троеперстие ко лбу, к пупку, потом правое плечо, левое. Скоро научились становиться на колени, причем, не только дамы, но и господа тоже. Больше всех в этом деле преуспел, кажется, всемирно известный виолончелист Мстислав Ростропович. Он как входил в церковь, так сразу падал на колени, словно подрубленный, чем неизменно, будто в первый раз, пугал неразлучную свою жену – всемирно известную певицу Галину Вишневскую (лучшее в Европе колоратурное сопрано, между прочим!), бывшую «девчонку-хулиганку из Кронштадта», как она сама себя называла. Очевидно, еще с тех, кронштадтских времен с лица Вишневской и до сих пор не сходит умеренно-хулиганская, презрительно-нагловатая гримаска.

Впрочем, крестные знамения и падения на колени «новых православных» демократов – все это потом, потом!.. Лет через пять–шесть. А тогда...

Тогда в Великокняжеской усыпальнице сильно пахло ладаном, дорогим американским одеколоном, французскими духами и немного – коньяком. В воздухе зависло тихое жужжание разговоров, действовало оно усыпляюще. Но никто не спал и даже не дремал. Толпу оживлял петербургский мэр Собчак. Он порхал от одного гостя к другому. Тяжело уставившись в лоб собеседнику своими сильно косящими глазами, с одним он заводил короткую беседу, с другим шутил и первый смеялся своим остроумам; подойдя к третьему, бросал отточенные реплики; с вежливым молчанием внимал четвертому... Он был почему-то в темно-малиновом смокинге и при белой «кис-киске», хотя причина, по которой здесь собралась публика, была не праздничной – даже совсем наоборот.

От мэра ни на шаг не отходила его супруга. Своим траурным платьем из черного итальянского муара, который переливался всеми цветами радуги, она вызывала у дам судорожную зависть. На голове у нее был зеленый, замысловато повязанный тюрбан – ее любимый головной убор, из-за которого самый тогда скандальный тележурналист Невзоров, невежда, циник и страшный ругатель, назвал ее Дамой в тюрбане. Прозвище прижилось.

Глаза у жены мэра были узенькие и распухшие, нос покраснел и тоже распух. Она поминутно прикладывала к нему маленький вышитый платочек и шмыгала в него так часто, что у постороннего человека не оставалось сомнений: ее мучит не простуда, а большое личное горе. Однако горе, а, может, и не горе, приключилось не с ней, а с другими, из-за чего и собралось в соборе так много народу.

Хоронили одного из отпрысков российской императорской фамилии, русского аристократа – князя императорской крови Владимира Кирилловича Романова. Он родился в Финляндии в 1917 году, между Февральской и Октябрьской революциями, и прожил за границей всю жизнь. И вот с тех пор, по прошествии почти семидесяти пяти лет, впервые в городе, который все это время называли колыбелью трех революций и цитаделью социализма, погребали представителя династии, правившей Россией более трех столетий и закончившей свое правление бесславно и позорно. Для того чтобы погребение князя Владимира Кирилловича стало возможным в соборе Петропавловской крепости, памятнике истории культуры, президент Ельцин издал специальный указ, в котором была такая фраза: «Похоронить Великого Князя и Наследника Престола Российского в Семейном Петропавловском соборе в Кругу Его Августейшей Семьи». Между тем, соборная Императорская и Великокняжеская усыпальницы были императорскими, то есть государственными, а вовсе не семейными, не романовскими. Да кто сейчас об этом знал? А если и знал, то не помнил.

И теперь мэр города Питера не скрывал, что очень гордится собой, потому что именно ему удалось надавить на Ельцина и организовать похороны в бывшей столице империи и, главное, в соборе. На указе еще не высохли чернила ельцинской толстенной паркеровской авторучки с золотым пером 96-й пробы, а Собчак уже подрядил некоего американца, звать Таболтом Рубином, свежеепеченного владельца восьми шикарных магазинов на Невском проспекте. Мэр лично выдал Рубину сертификат с заказом – приобрести в Италии, в знаменитой Карраре, близ Тосканы, плиту лучшего в мире мрамора для княжеского надгробия. На солнечном свете этот изумительный камень кажется живым – словно пульсирует изнутри. Известно, что великий Микеланджело Буонаротти признавал только каррарский мрамор.

За работу город заплатил Рубину хорошо. Собчак не стал скряжничать и утвердил авансовый отчет Рубина, который вывел сумму в долларах, равную годовой прибыли всех его магазинов на Невском вместе взятых.

В этой жизни князю императорской крови Владимиру Кирилловичу Романову решительно не везло.

Все началось с решения его отца – великого князя Кирилла, который на смертном одре объявил сына «единственным и законным Наследником Российского Престола».

Это было роковое решение. Остальные Романовы – дальние и близкие родственники – объявили «указ императора» Кирилла ерундой. В ответ «император» добился аудиенции у Папы римского и предложил, чтобы Папа официально, от имени Римско-католической церкви, признал права его сына на трон Российской империи вполне обоснованными. Надежда у князя была только на Рим. Он прекрасно понимал, о чем и заявил Папе, что Русская Православная Церковь, как в России, так и за рубежом наверняка откажется это сделать. Без церкви же в таком деле, как право на императорскую корону, не бывает. Папа согласился пойти навстречу и заметил, что уже почти две тысячи лет ни один монарх в Западной Европе не может считаться таковым без миропомазания – своего рода экспертизы ОТК. Корону

можно получить, в конечном счете, только из рук хранителя ключей Святого Петра, то есть от Папы. Даже Наполеон Бонапарт, у ног которого лежала вся Европа и который в грош не ставил мнение Ватикана, был вынужден съездить на коронацию в Рим, чтобы получить корону непосредственно из рук понтифика. Правда, при этом он не позволил Папе завершить коронование: выхватил корону из его рук и сам возложил ее себе на голову.

Сертификат качества, точнее, папский рескрипт, где подтверждалось, что Владимир Кириллович является не только Наследником, но еще и «Единственным Местоблюстителем Российского Престола, а также Регентом», Папа Павел VI выдал соискателю через неделю. Пообещал помочь и с коронацией. Тут уж большая романовская родня, словно с цепи сорвалась: объявила «Наследника» не просто узурпатором, а еще и вероотступником, ставшим на путь Гришки Отрепьева, который тоже пытался отдать Святую Русь в лапы папистов.

На своем экстренном съезде родственники в две минуты, единогласно, словно коммунисты на съезде КПСС, заявили, что вопрос о престолонаследии в России может решать только Земский Собор, и применили к еретику самую жесткую, самую болезненную, а главное, необратимую репрессивную кару: отлучили Владимира Кирилловича от Дома Романовых, главой которого он провозгласил себя уже по собственной инициативе буквально за день до этого печального события...

Между тем «Наследник и Местоблюститель Российского Престола, а также Регент» и несостоявшийся Глава Дома Романовых жил не просто плохо. Он нищенствовал. Не имел ни профессии, ни ренты, ни каких-либо еще постоянных источников дохода. Единственное, что Владимир Кириллович умел и чему предавался с неугасимой страстью, – целыми днями разбирал и собирал различные часовые механизмы. Правда, однажды попытался поработать – еще до второй мировой войны.

Тогда Владимир Кириллович с супругой и отцом своим Кириллом жил в Мадриде. Когда к власти пришел Франко и наладил самые тесные отношения с Гитлером, отец и сын Романовы решили открыть свое дело – поставлять в Испанию из Германии запчасти для немецких автомобильных двигателей. Дело обещало перспективы, но все погубила спешка. Работать ежедневно, целеустремленно, постепенно, по маленькому шагу приближаясь к цели, оба не умели и не хотели. В самом деле, что может звучать нелепее: «Российский Император: продажа карбюраторов»! Или: «Наследник Цесаревич – специалист по распределительным валам»... Жизнь слишком коротка, богатеть надо быстро. Поэтому уже в первой партии товара, пришедшего на имя августейших бизнесменов из Германии, оказались не запчасти, а моторы для «БМВ» и «Хорьха» в полном сборе, на ввоз которых в Испанию Романовы разрешения не имели. «Императора» и «Наследника Цесаревича» жандармы немедленно арестовали и обвинили в контрабанде. Сидеть бы им лет десять-пятнадцать в фашистской тюрьме, да вмешался каудильо. Все-таки члены династии, императорская кровь, пострадали от большевиков и, по определению, враги его главного врага – красного диктатора Сталина. Будущий генералиссимус сеньор Франциско Франко приказал отца и сына из тюрьмы выпустить, но вид на жительство у обоих отобрал и велел депортировать для начала одного «Императора» за пределы страны в семьдесят два часа. «Цесаревичу» он велел дать отсрочку, пока его отец не найдет пристанище.

Кирилл Владимирович собрался меньше чем за сутки и рванул из Испании, куда каудильо не передумал. И вот тут-то обрушились на «Кирилла I» казни египетские. Ни одна из европейских стран не пустила «Российского Императора» к себе: газетчики постарались, раздули дело о немецких моторах на всю Европу. Лишь через полтора месяца мытарств и мучений Кириллу удалось зацепиться за Лихтенштейн. Великий Герцог Лихтенштейнский разрешил Романовым пожить у себя, но только инкогнито.

В Лихтенштейне Романовы пробыли недолго: началась война. Немцы вошли во Францию, и «Императорская» семья благополучно переехала в Фонтенбло, под Парижем. Получив немецкие аусвайсы, они спокойно досидели до конца войны и после разгрома Гитлера двинулись в Америку, где увидели истинный рай по сравнению с измученной Европой. Благодаря войне, Америка не просто разбогатела. Она сказочно разбогатела. Типичный гешефт тех времен: корпорация «Catod Ltd», крупнейший производитель аккумуляторов, одной рукой посылает тушенку русским, а другой продает Гитлеру свои самые мощные в мире танковые аккумуляторы, причем открыто, даже не потрудившись организовать поставки через третьих лиц. Общественное мнение Америки их не осуждало: бизнес.

«Императорская» семья, направляясь за океан, рассчитывала, что в Америке, где народ более простодушен, необразован и глуп, нежели в Европе, им легче будет вписаться в новую жизнь и подняться на вершину социальной лестницы – пусть даже на первое время пока в эмигрантских кругах. Но их ждало неприятное открытие: публика почти не обратила на них внимания. Всех затмила тогда Анна Андерсен-Чайковская. Она находилась в зените своей удивительной славы. Еще довоенный берлинский суд признал ее великой княжной Анастасией Николаевной Романовой, подлинной дочерью императора Николая II, которая выжила после расстрела, спаслась от большевиков и сумела бежать из РСФСР. Некоторые из членов Дома Романовых ее признали, в том числе и те, кто дружил с Анной, как ее называли сестры и брат, еще с детства, например Глеб Боткин, сын царского лейб-медика. Некоторое время даже Великая княгиня Ольга, сестра Николая Второго, робко утверждала: да, возможно, это Анастасия, хотя, как знать, может, и не она... Но «император» Кирилл еще десять лет назад, после того уникального судебного решения в Берлине, публично назвал Анну Андерсен самозванкой, более того – воровкой, укравшей сначала честное имя его погибшей любимой племянницы. А теперь она с помощью своих преступных немецких покровителей нацелилась на жалкое имущество, оставшееся после бедного Ники. Встречаться с ней, вступать в публичную полемику Кирилл, разумеется, отказался. «Ну конечно! Какой же кот, укравший мясо, захочет встречаться со строгой, но справедливой хозяйкой? – презрительно заявила Анна-Анастасия. – Березовый прут для вора у меня всегда наготове. И скоро дяде Кириллу придется дать мне отчет за все – и за узурпацию титула, и за свое предательское поведение в 1917 году. И отвечать ему придется гораздо раньше, чем он думает».

Прут, приготовленный для вороватого кота, пока оставался без применения. На повторном процессе, в США, суд города Вашингтона, округ Колумбия, рассмотрев иск Анны Андерсен об идентификации личности, не признал ее Великой Княжной Анастасией Романовой. Однако и обращения в тот же суд Кирилла Владимировича, требующего подтвердить его императорские полномочия, оказались напрасными. От такой бесполезной жизни Кирилл вскоре умер.

Сын его Владимир Кириллович объявить себя очередным «Императором» Российской империи побоялся, хотя условия изменились: теперь местные власти ему гарантировали, конфиденциально, разумеется, положительное решение суда того же города Вашингтона, округ Колумбия, о признании его Императором Российским Владимиром I. При условии, что пятьдесят процентов от наследственных капиталов, если таковые обнаружатся, будут внесены в бюджет приютившей его страны, куда Владимир Кириллович приехал за свободой. Но не хватило духу у «Цесаревича» объявить себя императором. Так и проходил всю жизнь в «Наследниках» – буквально до гробовой доски. Женился он на бывшей супруге английского банкира Кэрби – Леониде Георгиевне, которая считалась и до сих пор считается какой-то представительницей древнего грузинского рода Багратиони. В 1958 году у них родилась дочь Мария. Семья жила на колесах, разъезжая по родственникам и знакомым, иногда выступая

перед публикой в разных странах, а последнее время совершала челночные поездки между Испанией, США и Россией вплоть до смерти Владимира Кирилловича в 1992 году.

Князь в тот несчастный год отдыхал в Америке, в Майами, где в последние годы пляжи были плотно завалены тушами «новых русских» бандитов и банкиров, в основном, еврейского и кавказского происхождения. Секретарь князя, который служил Владимиру Кирилловичу за харчи, организовал ему встречу с «молодыми русскими капиталистами», как они себя называли. Бандиты весело раскупили билеты ценой от 800 до 1000 долларов за место и пожертвовали еще около ста тысяч баксов наличными герою дня. Встреча получилась. Были слезы радости и внезапно вспыхнувшего взаимного обожания.

Они лились и на сцене и в зале. Князь рассказывал, как он страдал от большевиков и от поганого генералиссимуса Франко. Под конец бандиты, а особенно, их женщины, совсем расчувствовались, когда князь признался, что любит Россию и готов послужить ей в любом качестве. Кто-то крикнул: «В любом – не надо!» Зал принялся скандировать: «Царем! Царем!» Здоровенный бандюган с бочкообразным животом, явившийся на встречу в полосатых семейных трусах, рухнул перед Кирилловичем на колени и взревел: «Батя! Ты наш царь! Вертайся на хату!»

Князь всплакнул, прижал руки к сердцу, открыл рот, пытаясь сказать еще что-нибудь дополнительное о своей любви к России. Но неожиданно язык перестал ему повиноваться: закороченел, будто князь только что съел ведро мороженого. Он снова открыл рот, но неожиданно сник, отвалился на левый подлокотник кресла... И так с открытым ртом умер.

Назначенный час погребения все никак не наступал, пчелиное гудение разговоров то усиливалось, то ненадолго затихало. И вновь оживлялось там, куда порхал петербургский мэр. По этому жужжанию можно было издалека определить маршрут движения Собчака по усыпальнице.

Официальные похороны в Петропавловском соборе члена династии было событием исключительного политического значения. Сами по себе его похороны в стране, где еще вчера любой, даже самый дальний родственник династической семьи считался почти официально государственным врагом СССР, ни о чем особенном не говорили. Но взятые в совокупности с новыми и еще вчера невозможными реалиями жизни после краха советской власти могли сказать наблюдательному и вдумчивому человеку очень о многом. В первую очередь о том, в какой жестокий этап своей истории в очередной раз вступила Россия. Самым верным сигналом скорых обвальных перемен стало внезапное и жульническое переименование Ленинграда в Санкт-Петербург. Нашлись тогда, однако, и среди либеральных демократов вольнодумцы. Вечный свадебный генерал Герой Социалистического Труда академик Лихачев в интервью самой респектабельной по тем временам главной коммунистической газете «Правда» заявил, что ежели Верховный Совет Российской Федерации отменит решение съезда Советов от 1924 года о присвоении городу имени Ленинград, то автоматически восстанавливается имя Петроград, которое город получил по указу императора Николая II как раз перед первой мировой войной – такой вот патриотический акт накануне боевого соприкосновения с германцами. Народ должен был видеть, до какой степени царь с царицей ненавидят этих поганных колбасников. Отменить же царский указ о Петрограде даже современный и невиданно демократический Верховный Совет Российской Федерации не имеет права.

Тем не менее, престарелый вольнодумец, позволивший себе по привычке удовольствие иметь собственное мнение лишь тогда, когда это было для него абсолютно безопасно, вдруг заявил, что будет, тем не менее, голосовать, как мэр Собчак, – за Санкт-Петербург.

Не смолчал и кумир демократов Солженицын: присылал из своей Америки в Ленгор-исполком телеграммы пачками (копии: Москва, Кремль). Знаток обустройства новой России предлагал свои варианты: «Свято-Петроград» и даже «Свято-Невоград», поскольку немецкое слово «Петербург», да еще после труднопроизносимого «Санкт» оскорбляет его патристические уши. Но теперь его уже никто не слушал – даже самые верные поклонники. Советская власть была свергнута, и Солженицын никому оказался не нужен. Ленинградцы превратились в непостижимых умом «санкт-петербуржцев», то есть в «святых» жителей Петербурга.

... Наконец привезли священника и дьякона. Теперь все действующие лица на месте. Сюжет под названием «Похороны Великого Князя Владимира Кирилловича» приготовились отснять десятка два репортеров – местных и зарубежных. Местные, кстати говоря, могли остаться вообще без материала. В собор им удалось проникнуть с огромным трудом. Накануне события секретарь князя вдруг объявил, что только родственники и свита Владимира Кирилловича обладают исключительными правами бесплатно запечатлеть на пленку исторический процесс закапывания Августейшего трупа. Остальным придется за это право платить: семья князя ограничена в средствах и не может разбрасываться прибыльным сюжетом направо и налево. В конце концов, Собчак уломал начальников княжеской свиты, резонно заявив, что для родственников князя и его приближенных сейчас в России важна любая реклама. Здесь она дороже любых денег. Да и нет в новой российской прессе вообще такой традиции – платить героям своих публикаций, а уж их наследникам тем более. Наоборот, с недавних пор уже крепко укоренилась совсем другая традиция. В Руссиянии журналисты теперь сами берут деньги со своих героев, причем очень большие, особенно на телевидении – по цене рекламы. Особенно дорого стоит скрытая реклама. Свитские испугались и отступили.

И сейчас вся снимающая и пишущая публика нетерпеливо переминалась с ног на ногу, ожидая начала.

Покойный лежал в роскошном, из цельного дуба, лакированном гробу, украшенном золотыми кистями. В полутьме отсвечивали четыре серебряные ручки по бокам. Это был гроб марки «Аль Капоне» – так уже успели прозвать в народе такие гробы.

Из нутра своего последнего прибежища князь источал на публику ароматы бальзамических благовоний. Такая роскошь местной публике и не снилась. Советских граждан всю жизнь заколачивали в простые сосновые ящики, обитые кумачом. Разница могла состоять лишь в размерах ящика или в качестве и цене обивки. Гости из туземных не могли отвести глаз от сверкающего «Аль Капоне» и стояли около него, словно зачарованные. Некоторые украдкой шупали изумительный сундук, гладили его гладкие пузатые бока, трогали серебряные ручки.

– Во как надо! Вот как у людей хороню. Сыграть в такой ящик – одно удовольствие. А советская власть даже приличный гроб за семьдесят лет придумать не могла! – громко бросил реплику джентльмен лет пятидесяти, жуликоватого вида – худой, красноносый, с золотой фиксой во рту. Он был в дорогом английском костюме для миллиардеров из скромного темно-синего коверкота в тончайшую полоску. Костюмчик был изрядно помят и весь в мелком пуху, словно его владелец накануне ночевал в курятнике.

«Где я видел этого необычного, этого удивительного, этого оригинального человека?» – задумался Собчак, внимательно рассмотрев сначала нечищенные, стоптанные ботинки фиксатого джентльмена, потом его физиономию – в продольно-поперечных морщинах, сизую, мятую, словно старая советская пятирублевка. И внезапно вспомнил. Это был знаменитый вор в законе Владислав Кирпичев, воровское «погоняло» (кличка) – «Кирпич». Из своих сорока девяти лет Кирпичев больше тридцати провел по тюрьмам. Теперь он уважаемый предприниматель, у него большой магазин на Литейном проспекте в двадцати мет-

рах от Главного управления внутренних дел. Он торгует по сказочно низким ценам компьютерами – крадеными и контрабандными. Год назад Кирпич обеспечил Собчаку на выборах мэра, а Ельцину на выборах президента сто процентов голосов избирателей специфического избирательного округа – «Крестов», знаменитой питерской тюрьмы.

«Как же я мог забыть?» – удивился Собчак: ведь он собственноручно подписывал Кирпичу приглашение на сегодняшние похороны. Да... Разве всех упомнишь? Каждый день помощники приводят к мэру десятки незнакомых, нередко странных, но очень нужных нынче людей.

Около гроба уже несколько часов стояла в бессменном карауле вдова князя Леонида Георгиевна Романова, она же Багратиони-Мухранская, она же Кэрби – по предыдущему своему мужу, банкиру. Нести вахту ей было невыносимо тяжело: на скелет давил собственный обширный вес – больше ста десяти килограммов. Леонида Георгиевна со скорбным вниманием вглядывалась в каждого, кто подходил к ней выразить соболезнования. А когда замечала направленную на нее телекамеру, то медленно и выразительно крестилась прямо в объектив. Она с досадой подумала, что будет плохо выглядеть в телевизоре – измученная, в желто-коричневых морщинах, под глазами черные мешки. Густые жесткие волосы под черным платочком нечесаны, и это видно издалека. «А – пусть! Так даже лучше», – наконец решила вдова. Зато на экранах телевизоров ее печаль можно будет разглядеть без труда.

Выслушивая сочувственные слова, Леонида Георгиевна отвечала гостям очень проникновенно, с грустной благодарностью. И те, кто видел ее впервые, отмечал, что внешне она никакая не русская эмигрантка и даже не грузинская. В ее произношении слышалось что-то родное, и некоторые гости в первые минуты принимали Леониду Георгиевну за обычную советскую еврейку, приехавшую хоронить мужа не из Майами, а из Одессы, – возможно, с Молдаванки или с Пересыпи, где она торгует с уличного лотка ранними помидорами или баклажанами «мантана», маринованными по рецепту местных понтийских греков.

Присмотревшись к телевизионщикам, Леонида Георгиевна с неудовольствием отметила, что среди них отсутствует негодяй Невзоров. Бешеная популярность его программы «600 секунд» обеспечила не одной бездарности стремительный политический успех, забивший впоследствии зеленым долларовым фонтаном: в нынешней Руссиянии понятия политическая карьера и бешеные деньги связаны накрепко. Без Невзорова местные демократы никогда не смогли бы столь легко, быстро и весело ликвидировать советскую власть в Ленинграде, потом в Москве. Демократы выступили тогда единой мощной партией – «Народным фронтом». Его отцы-основатели объявили, что «Народный фронт» создан, прежде всего, в поддержку горбачевской перестройки. И не соврали: за какие-то месяцы «НФ» смолот в порошок КПСС, а за ней КГБ и, наконец, СССР. Невзоров и Собчака подсадил в кресло мэра несколькими мощными толчками, а затем занялся избием депутатов демократического Ленсовета – политических друзей Собчака, ставших за одну ночь его врагами: они попытались установить хотя бы символический контроль над мэром.

Но вдруг знаменитый репортер в январе 1991 года переметнулся в стан неприятеля и подружился с «красными», правда, называя себя просто патриотом. И все остальные патриоты, хоть «красные», хоть «белые», «желто-черно-красные», заявил он, – есть все «наши». Это произошло после того, как он побывал в Прибалтике и увидел, насколько квалифицированно ЦРУ, опираясь на местную пятую колонну, ностальгирующую по Гитлеру, организовало сначала в Вильнюсе, потом в Риге антигосударственный переворот. Самое главное, что раскрыл репортер, – откуда взялись жертвы «восстания» против Советов: их загодя припасли мятежники, расстреляв невинных людей из автоматов Калашникова и заявив впоследствии, что их убили советские солдаты, которым, кстати, в те дни вообще не выдавали боекомплекта. Так Невзоров очутился в тесной связке с коммунистами, из которых он еще совсем недавно каждый вечер в телевизоре делал котлетки.

Своим неожиданным покраснением Невзоров был полностью обязан Юрию Титовичу Шутову – главному помощнику-референту Собчака. Когда демократы окончательно прекратили финансировать изменника Невзорова, Шутов через подставных лиц стал давать ему деньги. Теперь Невзоров каждый вечер каялся и заявлял в телевизоре, что если бы он сразу рассмотрел истинное нутро демократов, то скорее отрубил бы себе руку, нежели хоть единым словом их поддержал. «Это клопы! Я их сразу не разглядел, – так отзывался он о своих бывших соратниках и друзьях. – Давить клопов – теперь моя работа!» Тем не менее, даже самый распоследний клоп из демократического лагеря считал для себя большой удачей попасть в «600 секунд» – пусть оплеванным и облитым помоями. Невзоров по-прежнему своим старым врагам был нужен больше, чем новым друзьям.

Именно Невзоров первым в России дал в эфир интервью с Владимиром Кирилловичем, – еще два года назад. Беседа вышла примитивной, глуповатой, раздражающе прямолинейной. Но после нее Владимир Кириллович стал знаменитостью. В России о нем узнали, его стали привечать и давать ему деньги. А в том интервью Невзоров, кстати, заявил, что демократической России очень нужен царь. И убеждал князя, что тот должен обязательно баллотироваться в самодержцы. Именно *баллотироваться* – ключевое слово было произнесено. Князь сразу согласился: да, если русский народ захочет и позовет его, то Владимир Кириллович не будет долго испытывать терпение своих подданных и мучить их ожиданием. Он готов в любое время вернуться в Зимний дворец. Назвать Кремль конечной точкой своего возвращения Владимир Кириллович побоялся: там еще сидел Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев Михаил Сергеевич, который со своей мнительностью и неутолимой жаждой власти, мог неправильно понять князя и решить, что Владимир Кириллович собрался выкинуть главного красного демократа из Кремля. Вот если бы вместе с народом и Горбачев его позвал – тогда другое дело. Тогда можно соглашаться и на Кремль.

Невзоров продал интервью крупной французской телекомпании «Антенн-2». Вышел большой скандал. Вся заграничная русская аристократия смеялась. Члены Дома Романовых плевались и выпустили специальный манифест, в котором в очередной раз напомнили всему свету, что романовская ветвь кирилловичей никаких юридических и моральных прав на российский престол не имеет. Вспомнили члены Дома Романовых и вероломную измену, на которую пошел его отец Кирилл Владимирович в Февральскую революцию, о чем раньше помалкивали. Оказывается, в мартовские дни семнадцатого Великий Князь бегал в Петрограде с митинга на митинг, удивляя всех красным бантом на отвороте своей адмиральской шинели, и восторженно кричал вместе с толпой: «Долой самодержавие!» Он привел к Таврическому дворцу, где Государственная Дума как раз была занята формированием Временного правительства, на службу революции батальон Гвардейского флотского экипажа, которым тогда командовал. Своей выходкой Кирилл потряс даже самых ярких республиканцев. Всегда невозмутимый председатель Государственной Думы Михаил Родзянко изумился и заявил Кириллу: «Князь, князь, – вас сюда не звали: ваше место не здесь!» Через несколько дней, по постановлению Временного правительства, боевой генерал Корнилов Лавр Георгиевич, кумир патриотической молодежи, исполнил позорную жандармскую акцию, на которую не решился бы ни один нормальный русский офицер. Прославленный генерал лично арестовал в Царском Селе императрицу, уже бывшую, Александру Федоровну вместе с детьми, которые болели корью и лежали в горячке. Впоследствии генерал прозреет и даже попытается в августе скovyрнуть масонское Временное правительство. Но он опоздает.

На другой день после исторического ареста Императрицы Кирилл прислал в Царское своих гвардейцев. Точнее, он выполнил решение матросского комитета, которые решили, что арестованная мать непременно сбежит вместе с тяжело больными детьми. Однако хотел того комитет или нет, но его матросы спасли Александру Феодоровну и детей от верной гибели: собравшаяся разъяренная толпа была готова разгромить дворец и растерзать его обитателей.

Александра была тронута до слез – она очень хорошо понимала, что могут ждать члены династии от демократической революции. Книги по новейшей истории она читала, а судьбой короля Людовика Шестнадцатого и его супруги Марии-Антуанетты, обезглавленных революционными французскими демократами, в последнее время интересовалась особенно. Небольшой гравюрный портрет Марии-Антуанетты даже висел на стене в собственной канцелярии последней русской императрицы. Почему? Предчувствие?

Отряд прибыл ночью. При свете костров бывшая государыня обошла строй матросов, перепоясанных пулеметными лентами, вооруженных винтовками Мосина с примкнутыми трехгранными штыками, на которые падали отблески дворцовых огней. Она пожала каждому матросу руку: «Я всегда знала, была уверена, что вы нас защитите, что вы нас не бросите! Родные, дорогие! Дети мои! Я ведь навсегда остаюсь вашей матерью, как и всему нашему русскому народу!» Приказала раздуть все дворцовые самовары, чтобы гвардейцы отогревались чаем. «Какие прекрасные люди, какие настоящие русские люди! – без конца повторяла императрица. – Я всегда любила русских людей больше, чем своих мерзких бывших родственников и соотечественников!»

Утром Александра Федоровна первым делом выглянула в окно. Во дворе не было ни одного прекрасного русского человека. Только дымились головешки костров. Двоюродный брат отрешенного императора Великий князь Кирилл Владимирович отчего-то раздумал и приказал отряду вернуться в Петроград. Этого эпизода Романовы тоже не простили кирилловичам. Так что и по этой причине никто из Дома Романовых на похороны не приехал...

По другую сторону гроба стояла дочь покойного Мария Владимировна, которую князь незадолго до смерти назначил быть Великой Княгиней и Местоблюстительницей Престола Российской Империи. С таким же успехом он мог назначить ее королевой Австралии или императрицей Африки. Ни одно государство в мире не могло признать ее даже в роли Местоблюстительницы хотя бы по одной причине: давно уже не было ни Престола, ни Империи, даже Советской – пусть без Польши и Финляндии. В опереточной роли Марию Владимировну принимали только в демократической антимонархической России.

Мария Владимировна была в особенном траурном платье и переливалась черно-синим, как скворец. Ей было уже за сорок. В черных глазках Марии Владимировны светился живой ум. Сразу было видно, что она редко теряет присутствие духа, лучики в уголках ее глаз свидетельствовали о чувстве юмора. И вообще, Мария Владимировна была весьма миловидной и даже привлекательной толстушкой. Таких женщин в России называют «булочками». Она недавно развелась со своим мужем Францем-Вильгельмом Гогенцоллерном, принцем Германского императорского дома – тоже существующего лишь в воображении его членов. Развод ее в публичной, приглашенной на погребение, уже обсудили, тема вызвала острый интерес к ней части молодых людей и мужчин постарше. Подходя к гробу и шепча какие-то сочувственные слова, они с усердием прикладывались к пухлой, пахнущей дорогим кремом ручке Марии Владимировны, и Местоблюстительница награждала каждого ослепительной улыбкой. А одного из целующих даже медленно погладила по голове, после чего он попытался приложиться к ручке еще раз, однако, Мария Владимировна мягко, но решительно свою ручку отняла. Стоя у гроба, она непрерывно улыбалась, отчего к началу отпевания в ее лице стало проступать что-то дебильное.

Около нее стоял сын Георгий, смуглый жирный подросток лет тринадцати. С возрастом он, безусловно, станет толстяком, как его бабушка и мать. Демократическая российская пресса уже называла его мальчика «Наследником Российского Престола», на что остальные Романовы отвечали в своей прессе насмешками, иногда руганью. «Мальчик Георгий Михайлович, – утверждали ругатели, – никакого отношения к Престолу Российской Империи не имеет. Во-первых, он рожден в мезальянсе, во-вторых, по Русскому Закону о Престолонаследии, он не может иметь никаких прав, поскольку его настоящая фамилия Гогенцоллерн, и

потому мальчик может претендовать только на германский престол, столь же реальный, как и российский». Мария Владимировна в пику ругателям и насмешникам распространила через прессу заявление, что она, несмотря на все интриги завистников и врагов, будет готовить сына в императоры, тем более что Ельциным и Собчаком дело якобы уже решено: монархия будет введена в России сразу после успешной и окончательной демократизации. А пока Мария Владимировна определила «Великого Князя Георгия Михайловича» в петербургское Нахимовское училище. Он уже сейчас должен готовиться к профессии царя. Самые достойные русские цари традиционно имели хорошую военную подготовку.

Но тут на страницах газет и на экранах телевизоров явился некто Романов-Дальский Николай Алексеевич. Он рассказал о себе, что является самым подлинным и непосредственным внуком Императора Николая II, сыном настоящего, а не фальшивого Наследника – Цесаревича Алексея Николаевича, чудесным образом спасшегося после расстрела в Екатеринбурге. Дальский подтвердил, что Царь Российский, действительно, должен быть профессиональным военным. Но Георгий Михайлович еще когда им станет – зачем ждать? А Романов-Дальский уже давно военный, более того, сегодня его чин – генерал-адмирал. Такой чин Романов-Дальский получил от некоего тайного монашеского ордена, который опекает его, настоящего хозяина российского престола, с момента его, хозяина, зачатия. Право Дальского на генерал-адмиральские погоны подтвердило и советское правительство, заявлял Николай Алексеевич, потому что он, Романов-Дальский, многие годы работал начальником советской контрразведки по всей Прибалтике. Документов, подтверждающих столь необычное место работы и такую странную должность, нигде не нашлось. На что Дальский отвечал: он был настолько засекречен, что о его существовании не знали даже в ЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ – от Дзержинского до Крючкова. Только Андропов что-то подозревал, но, разумеется, хранил тайну и не открыл ее даже Брежневу. Перед телекамерами «подлинный, а не фальшивый» внук царя появлялся в каком-то странном мундире – гибриде из военной формы советского адмирала и царского генерала.

Вскоре Дальский решил, что пора короноваться, что и сделал, причем, в Костроме, где почти четыре века назад принял корону зачинатель династии Михаил Федорович. Римский Папа Дальскому не понадобился. Корону какого-то мутно-латунного цвета, похожую на ту, которую в сказках Андерсена носит крысиный король, водрузил ему на голову никому не известный священник – толстый и вида весьма густопсового.

Теперь генерал-адмирал обрел уникальный статус. Незнакомым он представлялся просто: «Романов-Дальский, русский царь» и вручал визитку, в которой, действительно, профессия владельца обозначалась коротко, одним словом: «Царь». Но на том дело и стало. Никто Романову-Дальскому престол не предлагал так же, как никто не собирался принимать Георгия Михайловича в нахимовское – начальник училища публично заявил, что такого толстяка он не возьмет: пусть сначала сбросит вес, иначе однокашники задразнят бедного Жорика до смерти. Видно было, что вес мальчика с тех пор только увеличился, но вряд ли он сейчас думал об училище или о таком абстрактном понятии, как Русский Престол. Его лицо было залито настоящими слезами, он страдал искренне и глубоко: видно, очень любил дедушку.

Зазвенело кадило. В тесном помещении распространился сладкий аромат ладана, дьякон загудел колодезным басом 73-й псалом Давида: «Для чего, Боже, отринул нас навсегда? Возгорелся гнев Твой на овец пажити своей? Вспомни сонм Твой, который Ты стяжал издревле...»

Присутствующие дружно закрестились. Собчак стал на колени и аккуратно, несильно, стукнул лбом о мраморный пол, его примеру нехотя последовали два чиновника мэрии.

Только два человека не крестились, не вздыхали, не били лбы о мраморные плиты, а вели неторопливую тихую беседу. Один – известный парижский издатель Никита Глебович Струве, владелец русского эмигрантского издательства «Симка-пресс», которое послед-

ние четверть века осуществляло наиболее мощные и успешные операции в психологической войне против Советского Союза. Его собеседником оказался Юрий Титович Шутов – живая легенда города Ленинграда, а потом и Питера.

При советской власти Шутов закончил кораблестроительный институт (почему-то именно из этого вуза в последние годы советской власти выходили в большом количестве видные партийные и советские функционеры). Работал Шутов в городском статистическом управлении, защитил кандидатскую диссертацию, вступил в КПСС. Руководящие товарищи заметили молодого энергичного коммуниста и призвали на партийную работу в горком КПСС. Здесь он проявил недюжинные организаторские способности, чем вызвал тайную и мучительную зависть партколлег. И теплым летним вечером одна из мелких партийных крысок, с которой Шутов сидел в одном кабинете, предложила отметить шутовский день рождения. Дело было рискованное. Тогдашний первый секретарь обкома Романов, хоть и сам закладывал за воротник, но в Смольном объявил сухой закон.

«Посидим минут десять и разбежимся», – пообещала крыска и конспиративно пронесла в Смольный две бутылки коньяка и дешевый торт «Шоколадный принц». Так и сделали: выпили по две рюмки и разбежались. На следующее утро, когда Шутов переступил порог своего кабинета, в нос емушибанул острый запах гари. Оказалось, ночью здесь состоялся пожар – небольшой, но пожарную команду вызвать все-таки пришлось. Обгорел только стол Шутова. Причиной пожара, как установило следствие, была непогашенная сигарета, брошенная в корзину для бумаг. Шутову окурочек принадлежать не мог: он за всю жизнь не выкурил ни одной сигареты. Но в тот же день Шутова с треском вышибли из горкома, а через месяц водворили в «Кресты». Дело против него о порче государственного имущества городская прокуратура сфабриковала в рекордно короткие сроки, судебный процесс длился пять минут, и был Шутов приговорен сразу к четырем годам заключения.

Для него, как и для любого другого партработника, это означало абсолютный и необратимый жизненный крах.

Отправили его на «химию» в колонию под Кингисеппом. На выходные разрешалось ездить домой. Через два года Шутова за примерное поведение выпустили, а еще через два он таинственным образом исчез не только из Ленинграда, но и из СССР. Говорили, что кто-то видел его в Федеративной Республике Германии, а потом в Южной Африке. Как его, судимого, с волчьим билетом, выпустили за границу да еще в капиталистическую страну, – до сих пор остается полной загадкой.

Шутов появился в Ленинграде так же неожиданно, как и скрылся. Он поспел к смене вех: в конце 80-х он оказался очень нужным кадром, поскольку непосредственно попадал в категорию мучеников большевистского режима. Собчак с огромной радостью взял страдальца к себе персональным помощником. Но Шутов понадобился первому и последнему, кстати, мэру Ленинграда вовсе не из-за своей романтической биографии. Собчак оказался абсолютным невеждой в управлении городом. Впрочем, он и не собирался осваивать это трудное искусство. Для этого у него был Шутов с его ценным опытом партаппаратчика.

Струве и Шутов стояли с краю толпы – в нескольких метрах от окна усыпальницы. Русский парижанин – холеный, в габардиновом костюме цвета кофе с молоком (Кристиан Диор, 8 400 новых франков); безукоризненная бородка *a la Maupassagne* аккуратно расчесана, лысина надушена одеколоном «Rastignaque» (120 франков). Свечку Струве держал, как полагается, в левой руке, крестился редко, но очень проникновенно. У Шутова видок был такой, словно его всего лишь час назад выпустили из «Крестов» после многолетней отсидки. Круглая голова с выпуклым крутым лбом упрямо острижена наголо. Взгляд пронзительно-оценивающий и нагловатый одновременно. Костюмчик он купил, очевидно, еще студентом и выглядел так, словно его штаны и пиджак долго и с удовольствием жевала корова. А вот ботиночки Шутов носил итальянские, из настоящей кожи, штучные (\$300 за

пару). Дорогой клубный галстук душил его мощную шею, и Шутов время от времени отпускал узел, а потом машинально затягивал его.

– Что же вы не креститесь, Юрий Титович? – вкрадчиво спросил Струве. – Или коммунистическое прошлое не позволяет?

– Не позволяет, – буркнул Шутов. – Хотя в детстве был крещен, как, очевидно, и вы. Но всегда полагал, что вера – штука интимная, не для балагана, не для рекламы и не для телевизора. Пусть даже рядом с покойником.

– А куда деваться от телевизора, особенно когда хоронят знаменитость... – заметил Струве.

– ... И когда хоронящие тоже хотят стать немножко знаменитостями. Или пытаются с помощью телятника убедить народ в том, во что он никогда при нормальных условиях не поверит, – согласился Шутов.

– Вот как? Не одобряете, что Ельцин крестится? Или что ваш босс превратился в православного? – усмехнулся Струве. – Говорят, на Пасху он Всенощную отстоял, земные поклоны отбивал так усердно – паркет в Спасо-Преображенском соборе звенел.

– Его дело. Мне все равно, – отрезал Шутов.

Они помолчали.

– Скажите, Юрий Титович, а кто эта? – Струве указал бородкой в сторону узкого арочного окна.

Там спиной к свету стояла, опираясь на палку, невысокая худая старуха. Она с самого начала заняла это место, откуда можно было наблюдать за всеми, оставаясь в тени.

– Вы должны ее знать! – удивился Шутов. – Это же графиня Новосильцева... Лариса Васильевна. Живет... – Шутов на мгновение задумался. – Живет в Париже на набережной Кэ д'Орфевр, номер дома не помню... в собственной квартире, занимает половину этажа, есть консьержка... телефон... центральное отопление, ванна... Окна на север.

– Господи! Надо же – не узнал... – пожал плечами Струве. – В самом деле – графинька... Вы что – хорошо с ней знакомы? Бывали у нее?

– Вовсе нет.

– Откуда же такие подробности?

– Сам не знаю, – Шутов пожал плечами. – Где-то прочитал или кто-то рассказывал. Само, наверное, запомнилось.

– Так вы знаете, что Новосильцева – дочь публичной ммм... дамы и большевистского комиссара?

– Это вы так про ее мать? – удивленно повернулся к нему Шутов. – У нас Евдокию Федоровну Новосильцеву – так... графиню... в девичестве фон Ливен... – да, именно ее – осведомленные люди считают весьма интересной личностью. Точнее даже – героической личностью. Достойная женщина, русская патриотка. Лучшая разведчица Генерального штаба царской армии.

– А эти сведения у вас откуда?

– Тоже где-то читал.

– И опять само запомнилось? – усмехнулся Струве.

– Конечно, само! – заверил Шутов. – Или кто-то рассказывал... Да уж не вы ли?! Да, вы и рассказывали!

– Господь с вами! У меня, конечно, уже есть определенный склероз, но не до такой же степени. Да и видимся мы с вами всего второй раз в жизни. Что-либо забыть о нашей встрече или перепутать трудно, – укоризненно покачал головой Струве. – Значит, по-вашему, мамаша – женщина достойная... А вот в наших кругах ходит и такое мнение: изменница, нарушила присягу, данную Государю, спуталась с одним из палачей его семьи.

В ответ Шутов хохотнул так громко, что на него неодобрительно оглянулись.

– А ваши предки, в частности, дедушка ваш, достойный Петр Бернгардович, знаменитый профессор земли русской, – он разве не изменил Государю? – шепнул он своему собеседнику в надушенное ухо. – Когда приветствовал и прославлял Февральскую революцию? Или еще раньше – когда в числе первых активно распространял в России марксизм? Между прочим, активнее, чем Ленин: тот в те времена еще только пиво пил в Женеве и в Цюрихе. А Петр Бернгардович Струве в России и свои книжки писал о пользе марксизма, сочинял статьи против самодержавия, студентов смущал, интеллигенцию... Царь выслал его даже за границу.

– Тогда были другие обстоятельства, – раздраженно ответил Струве.

– Обстоятельства всегда, во все времена – одни и те же: всю жизнь мы обязаны выбирать, постоянно взвешивать «за» или «против». И всегда речь идет об одном и том же, – жестко заявил Шутов.

– То есть? Что вы имеете в виду?

– Или вы за народ – за его всегда бедствующее в России и всегда обманутое большинство. Или за его меньшинство – всегда жиреющее на крови большинства, всегда отвратительное и всегда преступное, – с неожиданной злобой тихо произнес пострадавший от Советской власти помощник ленинградского мэра. – Ваши предки сделали свой выбор в октябре семнадцатого. Вы – тоже, хотя и гораздо позже.

– Да что это с вами? – удивился Струве. – Чем не угодил? Тем, что мой родитель, а потом и я всю жизнь посвятили борьбе за освобождение русского народа, Святой Руси от коммуно-жидовской диктатуры? А вы – уж не обижайтесь, милый друг, Юрий Титович, – вы этой диктатуре прислуживали. Ну, и как она вас отблагодарила? Вам понравилось в «Крестах»? Или вы были в ГУЛАГе?

– Никита Глебович, я ведь очень вас уважаю, – сказал в ответ бывший зэк. – Я очень ценю и уважаю ваши старания, ваши благородные попытки спасти от кровавых большевиков русский народ. Заодно и меня, конечно, как частицу народа, – хочу верить – тоже хотите спасти от диктатуры, которой вы дали только что столь емкое определение. Я прочел почти все книги, которые выпустил ваш отец, а теперь издаете вы. Я читал ваши статьи и эссе о России. И не обижайтесь, пожалуйста, но я скажу вам правду. Полагаю, что в школе или там в лицее у вас по истории была двойка, ну, может, тройка с минусом. Вы не знаете России. Вы не знаете и нас, ваших бывших соотечественников. Проблему той самой, как вы изволили выразиться, – «коммуно-жидовской диктатуры» – радикально пытался решить еще Сталин: частью в тридцать седьмом году, частью в сорок девятом. Правда, поработал плохо, в чем мы с вами и убеждаемся теперь каждый день. И вот та самая диктатура, только под другим названием – назовем ее «демократура» – снова захватила в России власть. Правда, под другим флагом – под полосатым, а не под красным. Не в флаге, конечно, дело. Они могли выступать и под черным, с черепом и костями, – никакого значения не имеет. Важно другое: они сегодня запустили те же механизмы разрушения страны, что и в семнадцатом – с поправкой на особенности исторического момента. А вы почему-то оказались на их стороне.

– А вы на чьей? На чьей стороне референт Собчака? – тихо возмутился Струве.

– На своей собственной. Я сейчас просто служу в государственном аппарате. Делаю конкретную работу. И вроде бы справляюсь, раз мне платят хорошую зарплату. За работу платят, а не за отсутствие или наличие каких-либо политических убеждений.

И Шутов демонстративно повернулся к собеседнику спиной.

«Ну какой же хам! – подумал Струве. – Причем хам – красный, враг. И не скрывает этого. Как это Собчак его до сих пор держит около себя?» Он почувствовал, как в нем нарастает желчная ненависть к красному хаму – к его наглým манерам, сиплому голосу, к его резонерскому безапелляционному тону, к его измятому костюму. Но что поделаешь – самое

доверенное лицо мэра. И, пожалуй, единственный исполкоме реальный человек, который хоть что-то понимает в управлении городом и способен принимать решения.

Струве знал, о чем думал. После победы демократов в России он побывал в Мариинском дворце, где размещается Ленсовет. С ужасом увидел шатающихся по коридорам или открыто распивающих коньяк в стерильных начальственных кабинетах толпу иностранных людей в замызганных джинсах, бородатых, с грязными волосами до плеч, от некоторых издали сладковато пахло марихуаной. Он увидел людей, которые распоряжались теперь промышленностью, в том числе и военной, гигантского города, его системами жизнеобеспечения, коммунальным хозяйством, транспортом, продовольственным снабжением. Правда, Струве немного успокоился, познакомившись с новым самым большим, просто гигантским, управлением исполкома, где распоряжались городским имуществом. Здесь свое дело знали: дележка государственного имущества шла ежедневно и в большом темпе.

– А правда, что вы пишете разоблачительную книгу о своем боссе? – вдруг спросил Струве.

Шутов застыл на секунду.

– Врут, собаки! – ответил он как можно пренебрежительнее.

Священник и дьякон запели молитву на древний византийский лад, который больше тысячи лет сохраняется Русской Православной Церковью, снова зазвенело кадило. Служба кончилась.

Настал миг гражданского прощания. К гробу подошел мэр. В усыпальнице разлилась тишина. Все знали профессора Собчака как настоящего златоуста и с интересом приготовились его слушать. Но речь его оказалась на удивление короткой.

– Вот ушел еще один великий князь, еще одно воплощение ума, интеллекта, разума и мудрости России, – сказал Собчак, не принимая во внимание тот факт, что покойный никогда в России не жил и вспоминал о том, что он русский, лишь когда называл свои титулы. – Какая потеря для народа! – и профессор процитировал Лермонтова: – «И...и если посмотришь... с холодным вниманьем вокруг»... -

Собчак замолчал, потому что неожиданно обнаружил, что больше ничего из этих стихов не может вспомнить. Такого с ним еще не бывало. Пауза длилась минуты три. После чего мэр потряс слушателей неожиданной концовкой своего по-спартански выразительного выступления: – «Если посмотришь вокруг»... то увидишь, что кругом одни черносотенцы, коммунисты и евреи. Угнетенные евреи, конечно! – поспешно добавил он.

Наступило недоуменное молчание. Публика застыла, с трудом усваивая сказанное. Только Шутов нагло хмыкнул в тишине. Он отметил, что и старуха у окна саркастически усмехнулась. Жена мэра поспешила снять всеобщее состояние неловкости и недоумения и дала сигнал к прощанию. Первой подойдя к гробу «Аль Капоне», она поцеловала покойника в надушенный желто-синеватый лоб. К гробу образовалась беспокойная очередь. Струве и Шутов не двинулись с места.

– Вы мне должны – просто обязаны! – больше рассказать о графиньке Новосильцевой! – шутиливо потребовал Струве. – Что она здесь делает? Вы же все знаете – и что здесь происходит, и что в мире!

– Милый Никита Глебович, откуда же мне все знать! – воскликнул Шутов. В усыпальнице возник гомон, и они тоже заговорили нормальным тоном. – Не знаю я, например, почему вы называете Новосильцеву «графинькой».

– Так всегда называли ее мать. Но точно так же называли в свете и ее бабушку, и прабабушку. Прабабка, говорят, была любовницей Государя Николая Павловича, при этом будучи старше него в два раза. Но выглядела в два раза моложе... Такая у них порода – маленькие женщины, на вид хрупкие, но силой, нравственной и физической, волей не уступят иному мужчине.

– Мужчине, – вежливо поправил его Шутов.

– Да, конечно, мужчине – спасибо, – чуть поклонился Струве. – Знаете, – доверительно сказал он, – дома, то есть там, в Париже, все вроде знаешь, ошибок в языке не делаешь. А здесь, у нас в России, иногда смущаюсь. Будто сдаю экзамен по иностранному языку.

Но Шутов не принял протянутую руку доверия, мало того – плюнул в нее.

– Так ведь он для вас и есть иностранный, – безжалостно отметил он.

Струве замолчал, раздумывая, обидеться или не обратить внимания на очередную хамскую реплику. Обидеться, значит, проявить слабость. Промолчать – значит, дать Шутову понять, что презирует его. Струве выбрал презрение, которое продолжалось всего несколько секунд, потому что Шутов снова заговорил:

– Честно говоря, я не знал, что ее прабабка Дарья Христофоровна фон Ливен была любовницей Николая Палкина. А вот то, что она была родной сестрой графа Бенкендорфа – того самого, начальника Третьего отделения Тайной канцелярии Его Величества, шефа жандармов, я обнаружил только недавно. А чем еще интересны женщины фон Ливенов-Бенкендорфов?

– У них, наверное, физиология особая. Вероятно, гипофиз вырабатывает повышенное количество гормона роста, – охотно продолжил Струве как ни в чем не бывало, словно и не обижался только что на красного хама. – В двадцатипятилетнем возрасте они консервируются и такими выглядят до сорока. Потом в сорок лет снова консервируются – и так до шестидесяти... А там уже до девяноста доживают и никто не догадывается, сколько им на самом деле.

Шутов молча разглядывал старуху.

– У нее, кажется, есть еще одно наследственное приобретение, – произнес он. – Та самая Дарья Христофоровна фон Ливен-Бенкендорф была профессиональной шпионкой и работала на своего брата в Лондоне, добывала уникальную политическую информацию. Умела при необходимости и интриговать в среде членов британского парламента... Агентесса влияния высшего класса.

– Нет, я все-таки уверен – вы знаете все! И, конечно, то, что она здесь делает! – заявил Струве. – И вы также знаете, что я знаю, что вы знаете все! И не вздумайте отпираться! – шутливо погрозил он Шутову пальцем.

– Ни в жисть, ваше высокоблагородие! – с дурашливым испугом заверил Шутов. – Но может, продолжим уже за банкетным, точнее, за поминальным столом?

– Но для этого вы должны сесть рядом со мной!

– Найдем возможность, – пообещал Шутов. – Банкет – пардон! – поминки организованы, по требованию мэра, очень демократически: каждый будет устраиваться, как хочет. Можно сидеть, где угодно, можно стоять, можно лежать по-древнеримски.

Струве почувствовал, что его неприязнь к Шутову снова нарастает каждую секунду и скоро может стать невыносимой. Придется терпеть. Нельзя из-за ерунды портить отношения с одним из самых влиятельных людей в этом городе. Чутье старого журналистского тигра ему подсказывало: Новосильцева здесь неспроста. И Шутов, безусловно, знает о ней что-то весьма интересное и важное.

Шутов действительно кое-что знал о Новосильцевой. Например, ему было прекрасно известно, что Новосильцева Лариса Васильевна после смерти матери в Париже жила замкнуто, в эмигрантских кругах почти не появлялась, в различных эмигрантских союзах, движениях и фондах не участвовала, в Церковь ходила всего три раза в год – на Рождество, Пасху и Троицу, у исповеди не бывала вовсе. Когда в Париж вошли немцы, она осталась, и ее часто видели в компании высоких эсэсовских чинов. Посему после бегства немцев Новосильцева должна была неминуемо подвергнуться позорной гражданской казни и в лучшем случае – стрижке налысо. Но вдруг вмешался сам генерал де Голль. Неожиданно к дому

Новосильцевой на набережной д'Орфевр подъехал почетный кортеж с мотоциклетной охраной. Графинька уселась в черный ситроен с внутренней обивкой красного бархата, сиденьями красной кожи. Дверь автомобиля услужливо придерживал и захлопнул сам министр внутренних дел, который увез ее в Версаль. Там де Голль наградил дочь русских эмигрантов, путавшуюся с бошами, орденом Почетного легиона, а за что – официально не сообщалось. Но слухи шли. Якобы молодая графинька Новосильцева была личным агентом будущего президента Франции, который почти всю войну просидел в Лондоне, руководя оттуда по радио Сопротивлением, в то время как воевавших участников Резистанса во Франции немцы расстреливали пачками. Но их расстреляли бы еще больше, если бы не эта маленькая русская парижанка. Говорили и даже в каких-то газетах писали также, что у Новосильцевой, кроме де Голля, был еще один «любовник» по линии шпионажа – сам Лаврентий Берия, начальник советской тайной полиции.

В России Новосильцева появилась неожиданно – когда всплыла тема поиска и обречения останков семьи и приближенных последнего российского императора Николая II. Останки якобы обнаружил в болоте под Свердловском помощник тогдашнего советского министра внутренних дел Гелий Рябов, который по службе писал речи и книги за своего шефа Николая Щелокова. Как только о находке под Свердловском, скоро снова переименованном в Екатеринбург, появились первые публикации, туда, на Урал, куда почти сто лет не было ходу ни одному иностранцу, вдруг прилетел государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Джеймс Бейкер собственной персоной. Ссылаясь на устное разрешение самого президента Ельцина, высокопоставленный американский чиновник потребовал от местных властей предоставить ему всю информацию о скелетах, в то числе и ту, которая, как утверждал американец, хранится в сейфах местного управления КГБ. Какие-то почерневшие кости американцу показали, правда, на расстоянии, издали. Но сейфы свои открывать не стали. Начальник свердловского УКГБ заявил, что распоряжение Ельцина открыть сейфы до них еще не дошло. Вот как только дойдет – откроют. Причем, немедленно! Делегация от Ельцина Бейкер не дождался и через день улетел – на персональном ТУ-144, который предоставил главе Госдепа США русский президент.

Через два дня после отлета Бейкера в Свердловске появилась Новосильцева. От самого Питера ее сопровождали Владимир Антонов, историк, лидер националистического движения «Русский патриот», и некий москвич Иван Иванович Иванов – темная личность, о которой Шутову подробностей узнать не удалось, но и того, что узнал, ему было достаточно. В Екатеринбурге Иванов несколько раз ходил в управление КГБ – свободно, как к себе домой, и четыре дня сидел в тамошнем архиве. После чего Новосильцева и ее спутники собрались и поехали в Пермь. Там она провела пять дней в гостинице «Россия», выбираясь в сопровождении Антонова только вечером на пятнадцатиминутную прогулку перед сном. Иван же Иванович снова засел в компетентных органах, куда приходил к восьми утра и уходил после часа ночи. И вот сегодня Шутов узнает, какие документы изучал Иван Иванович и что интересного в них он нашел.

Наступил кульминационный момент. Гроб закрыли крышкой, завинтили серебряными болтами, но заколачивать не стали. Всегда можно развинтить. «Зачем это? – почему-то подумал Шутов. – Уж не обманывает ли нас покойник? Через пару часов восстанет, явится на собственные поминки и выпьет рюмку водки за упокой своей души?» Представив себе эту картинку, он хмыкнул и стал потихоньку пробираться ближе к выходу.

Снова зазвучала музыка, но теперь из переносного магнитофона «sanyo», который кто-то поставил рядом с могилой князя. Под куполом Великокняжеской усыпальницы разлился «Реквием» Моцарта в исполнении хора Свешникова. Могильщики с трудом протиснули гроб в проем в каменном полу и теперь закладывали белоснежной мраморной плитой, на которой было выбито:

***Его Императорское Высочество
Благоверный Великий Князь
Владимир Кириллович
Родился в Борго 1917 года Августа 30-го дня
Скончался в Майами 1992 года Апреля 21-го дня***

Стукнул камень. Плита точно стала на место. Наступила тишина. Шутов подавил в себе хулиганское желание заплодировать: спектакль закончился вовремя и без накладок.

Леонида Георгиевна, чуть живая от усталости, что-то шепнула на ухо склонившемуся к ней Собчаку.

– Да! – громко ответил он ей. – Сейчас! – и обратился ко всем: – Товарищи! Нет, пардон, – господа! Дамы и господа! – уточнил он. Ему кто-то подал мегафон. Искаженный голос мэра пронесся визгливыми волнами под сводами усыпальницы: – Вдова и родственники нашего дорогого покойного друга просят всех присутствующих, а также тех, кто не мог попасть в это помещение, но имеет пригласительные билеты, пожаловать на поминальный ужин в конференц-зал музея этнографии. Там будут столы. Повторяю: вход строго по пригласительным билетам или специальным аккредитационным пулам. После третьего звонка в банкетный зал никого пускать не будут. Это я вам говорю как мэр! У меня будет там порядок.

Толпа зашумела и оживленно потекла к выходу.

– М-да, – сказал Струве, догнавший Шутова, – похоронили-то беднягу князя через сорок дней после кончины. Где же сейчас его душа? – и шепнул Шутову на ухо. – И какое он не императорское высочество, никакой не великий князь. Самозванец он...

Шутов равнодушно отмахнулся.

Скромный, на пятьсот персон, стол был накрыт в большом, гулком и безумно холодном лекционном зале музея, где стены облицованы черным мрамором. Из-за этого казалось, что гости собрались для поминок в одном гигантском склепе. Старые и очень старые заграничные русские еще помнили рассказы своих отцов и дедов о хлебосольной дореволюционной Москве, о лукулловых пиршествах в «Яре», «Балчуге» или «Славянском базаре», где в винных картах, подаваемых гостю, числились 200–300 марок коллекционных вин ежедневно. Но даже они были потрясены обилием и разнообразием поминального стола. А их советские, а нынче антисоветские соотечественники такого не видели даже в кино. Потом очевидец рассказывал, что видный демократ Пинхус Филипповский, крепкий сорокалетний толстяк с купеческой бородой, едва не упал в обморок, не сумев душой и разумом спокойно охватить поминальное великолепие. В демократе Пинхусе, очевидно, еще глубоко сидел скромный советский человек. Впрочем, к хорошему привыкаешь быстро. Всего через три с лишним года после поминок слабонервный демократ станет владельцем суперсекретного научно-производственного объединения «Гелиос», работавшего на советский космос и обгонявшего по качеству разработок в области оптики своих коллег из NASA лет на пятнадцать. Новый русский капиталист купил уникальное предприятие за чемодан желтых пустых бумажек – ваучеров. Их правительство Ельцина раздало всем россиянам по одной штуке – они олицетворяли ту долю общественной собственности, которую клептократическое государство отвалило каждому отдельно: берите теперь на ваучер все, что нравится, и ни в чем себе не отказывайте. Ваучеры изобрел некто Чубайс – институтский приятель Пинхуса Моисеевича, оттого народ прозвал бумажки «чубайсами».

На одну бумажку от госсобственности ничего не отрежешь. Скупить побольше подавляющая часть населения была не в состоянии, поскольку при Советах воровала фантастически мало. Посему владельцы продавали свои «чубайсы» скупщикам по дешевке. Цена бумажки сложилась твердая: один «чубайс» – одна бутылка водки.

Немного потратившись на водку, новые русские, вернее, как было сказано, в основном, нерусские – ничтожная кучка в пятьсот-шестьсот человек на всю страну расхватили самые лучшие, самые наукоемкие заводы и фабрики, самые богатые нефтяные скважины, золотые прииски и много еще хорошего из того, что более семидесяти лет считалось неотъемлемой народной собственностью.

У Пинхуса Моисеевича, впрочем, не все сразу пошло гладко. Ему удалось купить у граждан, свихнувшихся от реформ, лишь половину необходимого количества ваучеров. Остальные у него прямо из-под носа выхватывали кавказские и татарские конкуренты. Была опасность, что владельцем «Гелиоса» станет грузинский толстяк-аспирант Каха Бендукидзе, который только что за два мешка «чубайсов» стал владельцем Уралмаша – самого мощного в Восточном полушарии Земли военного машиностроительного предприятия, которым когда-то руководил Николай Рыжков – позже глава Совмина при Горбачеве. И тогда приятель Пинхуса из комитета по госимуществу доверительно посоветовал не гоняться за ваучерами, а просто заказать за наличные недостающую половину на фабрике Гознака. Так Пинхус стал крупным капиталистом.

После приватизации «Гелиос» продолжал работать на космос, но теперь не на русский, а на американский, точнее на NASA – государственное управление по авиации и космическим исследованиям. И уже за первый год демократ Филипповский разбогател настолько, что мог, по примеру древнеримского императора Домициана, выписывать себе на обед из стран Северной Африки удивительную рыбу султанку. Смысл в том, чтоб доставить султанку к столу живой. Умирая, она покрывалась узорами необычайно богатой расцветки, что доставляло пресыщенным едокам дополнительные гастрономические удовольствия.

Выходя из собора вместе со Струве, Титыч мельком взглянул на Новосильцеву. Старуха по-прежнему неподвижно, как статуя, каменела у окна и равнодушно глядела на проходящих, словно сквозь пыльное стекло. Однако Шутову показалось, что на него самого Новосильцева глянула внимательно и с интересом. Он готов был поклясться, что старуха ему даже подмигнула.

Она уходила из собора последней. Опираясь на изящную палку черного дерева, с бронзовой инкрустацией, Новосильцева медленно двигалась по восточной аллее Петропавловской крепости. Графиньку бережно поддерживал под локоть неразлучный Антонов. Они прошли к Петровским воротам. Там у мостика их ждал старенький москвич-412.

– Ну что, похоронили? – спросил их водитель. – Что-то долго. Я уж решил, что они завтра продолжат.

– Иван Иванович, дорогой, простите, что задержалась – не моя вина, – сказала Новосильцева, осторожно садясь в машину на заднее сиденье. – Похоронили. Вы, родной мой, наверное, проголодались?

Она говорила по-русски легко и чисто, без характерного франко-немецкого акцента, который всегда был свойствен почти всей русской аристократии и в эмиграции передавался от поколения к поколению.

– Нет, Лариса Васильевна! – улыбнулся Иван Иванович, полный невзрачный человечек неопределенного возраста. – Я, как учит теперь телевизор, съел сникерс и – порядок!

– Никогда не ешьте сникерсов! – строго приказала старуха. – Никогда не ешьте в России иностранных продуктов. Запад все свои помойные ведра опорожняет на здешние прилавки.

– Так своих же, отечественных, сникерсов нет, – с печалью вздохнул Иван Иванович.

– А зачем они вам? Ешьте конфеты фабрики имени Крупской. «Мишку на Севере», например.

– Где-то я подобное уже слышал... – усмехнулся Иван Иванович. – Да – Мария-Антуанетта... Когда ей доложили, что простой народ голодает, потому что у людей нет хлеба, она страшно удивилась: «Зачем же голодать? Нет хлеба – пусть едят пирожные!» Вы

бывали в наших продовольственных магазинах? Такая пустота была только во время блокады. Хорошо еще, что Собчак ввел карточки.

– Да, – вздохнула графиня. – Сталин отменил карточки, Ельцин с Собчаком ввели... Что вы сотворили со страной? Где был ваш хваленый комитет государственной безопасности, почему вы не исполнили своих служебных обязанностей? Ваша контора на весь мир наводила ужас. А тут за один день совершила акт массового предательства...

– Я-то, положим, свой служебный долг выполнил и выполняю, – обиженно возразил Иван Иванович. – Вот другие, генерал Калугин, например...

– Генерал Калугин – самый обычный изменник. Такие есть везде. Но чтобы вся мощная спецслужба разбежалась, поджав хвост! Такого в мировой истории, кажется, еще не было... Но простите старуху. Меня вывела из себя эта банда на похоронах. Надо же: как много мерзавцев может поместиться на таком небольшом пространстве, как усыпальница!

– Куда, Лариса Васильевна? – спросил Антонов, садясь впереди.

– Мы ведь собирались к вашему... к тому человеку? Кажется, я его вычислила... невозможно не заметить. Или без звонка неудобно?

– Он готов вас видеть в любое время дня и ночи, – сказал Иван Иванович. – Едем прямо сейчас.

– Тогда вперед! – скомандовала Новосильцева.

Старенький москвич неожиданно взревел своим, явно не москвичевским, мотором, рванул с места и стремительно влился в поток автомобилей, плывущих в сторону Троицкого моста. Они пересекли Марсово поле, развернулись вокруг памятника Суворову и выехали на набережную Робеспьера.

– Есть небольшой хвостик, – озабоченно сказал Иван Иванович, глядя в боковое зеркало. – Сейчас отсечем. Не оборачивайтесь, Лариса Васильевна, они вас хорошо видят.

Иван Иванович въехал на Литейный мост в сторону Финляндского вокзала. На середине моста он вдруг резко отвернул влево, чудом вклинился во встречный поток автомобилей, обогнал трамвай и остановился впереди него перед светофором. Идущий за ним потрепанный форд-эскорт попытался повторить маневр, но не вписался в поворот и врезался в бок тяжелого джипа шевроле.

Завизжали тормоза, шевроле остановился. В его задний бампер тут же влетел мерседес-600, в мерса ударил идущий за ним ауди, у которого от сильного удара открылся капот, сорвался с креплений, плавно перелетел через перила моста и исчез в Неве.

Из шевроле вышли двое быков – накачанных парней с одинаково тупыми рожами, одинаково остриженных под табуретку, и направились к форду. Один из них держал в руках черную короткую и толстую палку – электрошокер.

Москвич тем временем въехал на Шпалерную, взял влево и помчался в сторону Смольного собора.

В эти же минуты Шутов медленно ехал в своем стареньком вольво на свою конспиративную квартиру. До встречи оставалось еще полчаса. О квартире никто не знал, даже жена. Приобрел он ее на подставное лицо. Здесь Шутов отдыхал и проводил тайные встречи. Но, главное, писал книгу – ту самую, о которой спрашивал Струве.

Его вопрос застал Шутова врасплох, мало того – ошеломил и страшно испугал. Никто, кроме него самого, не знал о книге, которая должна стать бомбой убойной силы. А Струве, оказывается, знал. Значит, тайны уже нет. Есть внезапно возникшая опасность. «Скверно. Что-то нехорошее произойдет». На какую-то тысячную секунды в его мозгу мелькнула яркая картинка: он за рулем спортивного феррари, скорость двести пятьдесят километров в час, а впереди, в двух метрах, внезапно возникла бетонная стена, но затормозить уже невозможно.

Оставив машину в соседнем дворе, Шутов взбежал по черной лестнице на шестой этаж, разминая застоявшиеся мышцы. Подошел к квартирной двери, вытащил ключи из кар-

мана, поднес их к замку. Неожиданно его рука сама застыла в воздухе. Он еще ничего не успел понять, но подсознание уже приняло сигнал тревоги.

Шутов припал ухом к двери. Потом прильнул к дверному глазку, пытаясь что-нибудь разглядеть. И тут дверь резко распахнулась. Шутов, получив оглушительный удар по лбу, не удержался на ногах и медленно опустился на колени. Из квартиры выскочили двое. Один из них с профессиональной точностью ткнул Шутова под подбородок узким окованным медью носком ботинка, и он задохнулся, теряя сознание.

Он уже не видел и не чувствовал, как его втащили в квартиру, нанесли по голове четыре удара молотком, отчего пол в квартире сразу был залит черной кровью.

2. ЗОЛОТО ИМПЕРИИ

ДВА НОВЕЙШИХ контрминоносца «Дерзкий» и «Резвый» – только месяц после ходовых испытаний – почти бесшумно, крадучись, будто волчьи тени, вышли из финских шхер на свободную акваторию Балтики. Осенняя ночь 1915 года разлила густые чернила повсюду, но особенно не пожалела их для небес. Ночная тьма без остатка поглощала черные корпуса кораблей. Через час облака рассеялись, и сквозь чернила пробились звезды – тусклые и мелкие, словно острия английских булавок.

«Дерзкому» и «Резвому» предстояло за сутки достичь проливов Каттегат и Скагеррак и выйти из Балтики в Северное море, где полностью господствовали германские подводные лодки. Перископы вражеских субмарин торчали из воды чуть ли не через каждую милю. Ночью контрминоносцы пойдут по счислению, днем вся надежда за уникальные мореходные качества новейших русских кораблей. На сегодня это самые современные, самые лучшие суда в мире. Оба способны развивать скорость до 35 узлов, и догнать их не может никто.

За двое суток до выхода капитан 2-го ранга Трефолов и капитан-лейтенант Сипягин – близкий родственник министра внутренних дел, которого в 1902 году эсер Балмашев убил прямо на лестнице Мариинского дворца, – были вызваны к главкому флота адмиралу фон Эссену на флагман.

Николай Оттович чувствовал себя плохо. Он лежал в каюте на койке, прикрыв глаза, и сначала даже не повернул головы, когда вестовой доложил о приходе командиров.

– Прошу садиться, господа, – медленно открыв глаза, произнес он. – Коньяку? – и, не дожидаясь ответа, приказал вестовому: – Парфен, шустовского!

Фон Эссен болел уже месяц, но чем – непонятно. Корабельный врач Соколов 2-й поставил ему диагноз «бледная немочь». Словно в насмешку, прописал отдых – лучше на морском воздухе, усиленное питание. Коньячок исключить, можно в обед бокал вина, но только красного. Сон – не меньше девяти часов ночью и полтора-два часа днем.

– И никаких нервов! – подчеркнул Соколов 2-й.

Пациент прилежно выполнял все предписания, кроме двух последних. Морского воздуха вокруг хватало, иногда появлялся и аппетит. Никаких нервов? Хорошо бы. А сон... сон у фон Эссена пропал давно. Ему удавалось только ночью часа на два погружаться в тревожную дремоту. Силы, однако, не восстанавливались, усталость накапливалась все больше, и адмирал чувствовал себя день ото дня хуже.

Болезнь адмирала была особой, название ей медицина еще не придумала. Ему просто не хотелось жить.

Военная карьера талантливого русского флотоводца, потомка старинного немецкого рода, с самого начала складывалась удачно. Он любил Россию и никогда не считал ее второй Родиной – только первой и единственной. В кратчайшие сроки фон Эссен сумел превратить Кронштадт и Петроград в единую неприступную морскую цитадель. По его приказу восточная акватория Балтики и Финский залив были густо усеяны минами, а в фарватерах, морском

и речном, установили самые современные – с дистанционным электрическим управлением. Таких систем в других державах еще не было. К каждой фарватерной mine был протянут кабель. Стоит неприятельскому кораблю войти, в Кронштадте включают рубильник и мины сработают, причем не все, а лишь те, что оказались под корпусом конкретного корабля. Такая же система была развернута и на Черном море, заблокировав важнейшие порты. Там этим занимался ученик фон Эссена по минному делу – адмирал Колчак.

Фон Эссен был хорошим стратегом и поэтому безошибочно прогнозировал грядущую катастрофу. Революции не избежать, несмотря на то, что 17 октября 1905 года император подарил России ублюдочные и именно поэтому бесполезные демократические реформы. Больше ничего Николай II менять в России не хотел, так как считал, и вполне обоснованно, что дальнейшая либерализация, даже самая осторожная, погубит самодержавие, а вместе с ним и Россию как государство. Но без конституционных и социальных реформ, Империя тоже была обречена.

Поэтому фон Эссен и пришел к выводу, что революция неизбежна. Ее хотела вся Россия. К революции призывало наиболее просвещенное дворянство, которое находилось, прежде всего, под сильнейшим влиянием разрушительных статей графа Льва Толстого, обращенных против Синода и Самодержавия. В столице профессура, собирающаяся вокруг профессора-марксиста Петра Струве, автора «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии», изучала, усваивала и распространяла марксистские идеи, проповедовала социализм. Крестьяне все настойчивее требовали черного передела земли, которой они в большинстве своем так и не получили после отмены крепостного права. Но так как ни царь, ни его правительство не оставляли мужику никаких надежд, то крестьянство приступило к массовым «иллюминациям» – поджогу помещичьих усадеб. Сейчас им терять было нечего – столыпинские реформы разрушили крестьянскую общину и нанесли сельскому хозяйству сокрушительный удар, от которого оно не оправиться уже смогло. Деревня была разорена. И даже необычайно благоприятный, просто-таки волшебный 1913 год, когда во многих хозяйствах удалось собрать двойной урожай, ничего к лучшему не изменил. Революции требовали рабочие, потерявшие после 9 января 1905 года страх перед Государем Императором и вообще перед всяким начальством. Революции требовали мещане, студенты, писатели, художники, о ней как о неотвратимой необходимости твердили даже члены Дома Романовых. В обществе стало неприличным говорить что-либо положительное о царствующей династии. Стоило, например, писателю Николаю Лескову публично заявить о своих монархических взглядах, от него отвернулся весь Петербург, ему перестали подавать руку. В ту пору в обеих столицах рвали из рук иллюстрированный журнал «Пулемет», который в каждом номере «расстреливал» царя, царицу, их дочерей, которых якобы совратил Распутин...

В 1915 году Степан Белецкий, начальник департамента полиции и товарищ министра внутренних дел А. Хвостова, записал в своем дневнике: «Время, в которое мне пришлось состоять в должности товарища министра, было переходное. Война затянулась, надежды на скорое и победоносное окончание ее затуманились, патриотический порыв поостыл, частые наборы (в армию. – *Ред.*) влекли за собой раздражение в народных кругах; расстройство транспорта и падение рубля отразились, в связи с причинами политико-экономического свойства, на недостатках в крупных центрах предметов первой необходимости; кое-где начались бабьи голодные бунты, пораженческое движение в рабочей среде увеличилось, недовольство мероприятиями правительства усилило оппозиционное настроение больших общественных кругов, антидинастическое движение начало просачиваться в народные массы даже в таких местах, где и нельзя было ранее предполагать, как, например, в области Войска Донского...»

Свои предчувствия и догадки, сомнения и тяжкие выводы фон Эссен носил в себе. Обсуждать наболевшее с кем-либо он не хотел, да и запрещалось офицерам заниматься поли-

тикой. Если Империя рухнет, жизнь его, как считал фон Эссен, теряет всякий смысл. А Империя непременно рухнет.

Он долго молчал, глядя на офицеров. Ему хотелось спросить о боевом состоянии кораблей. Контрминоносцы были построены на Франко-Русском заводе, и заслуга фон Эссена в этом строительстве была немалая. Он тогда увлекся проектом и всей силой своего убеждения проталкивал его в Государственном совете, а потом и в правительстве. Машины «Дерзкого» и «Резвого» работали на мазуте, как и у их предшественника, – эсминца «Новик», уже успевшего повоевать и целый год побыть полновластным хозяином Балтики.

Кроме того, адмирал знал, что команда «Резвого» заражена большевизмом, а на «Дерзком» чуть ли не половина нижних чинов записалась в эсеры, даже боцманы и кондукторы. Фон Эссену не раз приходилось убеждаться, что экипажи кораблей, где коноводили большевики, обычно отличались повышенной стойкостью и дисциплинированностью. Но от эсеров всегда нужно ждать подлости. Случись на «Резвом» беспорядки, капитан-лейтенанта Сипягина, который заигрывает с нижними чинами, матросы непременно повесят первым. Или еще проще – утопят, как поступили с офицерами в 1905 году на взбунтовавшемся броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

Однако задавать вопросы у фон Эссена не было сил. Потом. Сейчас он должен дать распоряжения. Сегодня утром поступил секретный пакет из Могилева, из Ставки, за подписью начальника Генерального штаба М. В. Алексеева, и приказ должен быть выполнен любой ценой.

Парфен внес две рюмки коньяка. «Сухой закон! – насмешливо отметил Сипягин».

– Ставлю задачу, господа. Она довольно проста, – сказал адмирал. – Но пусть ее простота не порождает иллюзий. Дело чрезвычайной государственной важности. Задание исходит непосредственно от Государя... – он сделал паузу.

Оба командира тоже молчали, спокойно ожидая продолжения.

– В указанном квадрате вам надлежит выйти на рандеву с линкорами союзников «Гамильтон» и «Сент Джордж». Передадите им груз. Он уже ждет вас в Гельсингфорсе. После чего немедленно возвращаетесь в Кронштадт. Если получится, – добавил фон Эссен.

Наступила пауза.

– Похоже, вряд ли получится, ваше превосходительство, – усмехнулся трезвенник Трефелев и пригубил коньяк. – Германских подлодок за проливами – словно голландских сельдей в косяке.

– Да, – согласился фон Эссен. – Но шанс все же есть, господа. Подготовка вашего похода проведена основательная. Четвертые сутки подряд наши беспроволочные телеграфы искровками, а также разведывательные агентуры, наша и английская, аккуратно снабжают немцев сведениями «величайшей важности и чрезвычайной секретности» о том, что именно сегодня ночью из Дувра в Кале выходит королевский транспортный караван с оружием и продовольствием для Западного фронта. Германская подводная армада уже движется к Ла-Маншу. Так что на рандеву вы должны пройти.

– И вы, ваше превосходительство, считаете, что наша экспедиция таким образом достаточно обеспечена секретностью? По существу, а не только с помощью электрической болтовни? – спросил капитан-лейтенант Сипягин.

Вопрос был не уставной, мало того – бестактный. «Эсер, сукин сын!» – подумал фон Эссен, но ответил спокойно:

– Надеюсь, обеспечена максимально. С нашей стороны, – добавил он. – О вашем выходе, встрече с англичанами и о характере груза знают, не считая нас с вами, еще трое: государь, граф Фредерикс и генерал Алексеев. Что касается союзников, они заинтересованы не меньше нас в успешности вашей миссии... Груз ни в коем случае не должен попасть в

руки германцев. При возникновении такой опасности оба корабля должны быть немедленно затоплены.

Он помолчал, глубоко вздохнул и разгладил свою седую редющую бородку.

– Вы, – добавил фон Эссен, – ...вы повезете золото. Залоговое золото. Англичане уже этой осенью должны поставить нам на Восточный фронт винтовки, боеприпасы, консервы и четыре так называемых танка. Это новейшие самодвижущиеся бронированные аппараты, вооруженные трехдюймовыми пушками. Танки способны преодолевать бездорожье, пройдут там, где не может пройти артиллерия на конной тяге. Если фронт не получит оружия, к Рождеству он будет прорван. Уже сейчас снарядов на фронте всего на две недели, патронов – на месяц, солдаты воюют в сапогах на картонной подошве. Может, это золото спасет Россию.

– Господин контр-адмирал, – по-прежнему подчеркнуто наглым тоном обратился к фон Эссену Сипягин. – А вы-то сами уверены, что это золото предназначено для военных целей? Я имею основательное подозрение, что некоторые высокопоставленные крысы, хорошо известные всей России и вам лично, ваше превосходительство, уже решили бежать с государственного корабля!

– Господин капитан-лейтенант! – прервал его адмирал. Его тихий глуховатый голос внезапно наполнился мощной властью, так что Сипягин невольно поднялся, опрокинув недопитую рюмку. – Здесь не митинг партии социалистов-революционеров и не место для высказывания подозрений и других политических речей. Вы получили приказ – извольте его выполнить! И если понадобится, то ценой собственной жизни, как требует того от вас честь дворянина и офицерская присяга. Можете быть свободны. А вы, Николай Алексеевич, – обратился главком флота к Трефолеву, – задержитесь, пожалуйста.

Сипягин с медленной четкостью отдал честь, щелкнул каблуками, повернулся и вышел, слегка споткнувшись о комингс. Фон Эссен махнул Трефолеву рукой:

– Сядьте поближе, Николай Алексеевич. Парфен! – позвал он.

Вошел адмиральский денщик.

– Принеси и мне рюмку.

– Но ваше высокопревосходительство! – отшатнулся Парфен. – Господин контр-адмирал, Николай Оттович, батюшка! Ведь доктор не велели! – завопил он.

– «Не велели!» – передразнил его фон Эссен. – Обоим не велели! Мне – по хворобе. Тебе – чтобы я не соблазнялся. А от кого уже второй день ромом разит?

– Так я только пробку открыл – понюхал, чтоб проверить, – хитрая рожа Парфена излучала саму невинность. – Искал постное масло, ну и забыл, в какой оно бутылке. Вот проверил!

– Зачем тебе постное масло? Для таких хлопот у нас кок есть. Скажи мне еще, что ты не знал, конечно, что в этой бутылке ром.

– Откуда же мне знать, Николай Оттович? Я же не пью, ее проклятую! Только если вы рюмочку нальете, да вот доктор запретили.

– А коньяк нюхал?

– Боже упаси! – закрестился Парфен, – коньяк издалека в бутылке виден! Я только ром.

– Ладно, можешь и рюмку коньяку понюхать. Но не больше. И чтоб доктору не посмел донести, мерзавец! Ступай!

Парфен налил адмиралу рюмку и выскочил с открытой бутылкой в руке.

– Сейчас хорошо понюхает, – пожаловался фон Эссен. – Завтра придется новую открывать.

Он пригубил рюмку, поставил ее и откинулся в постели на спину. Помолчал.

– Дело идет к концу, Николай Алексеевич, – тихо произнес фон Эссен. – Не в этом году, так в следующем точно. Все прогнило. La finita! Конец тысячелетней Державе. Помолчите, капитан! – повысил он голос, заметив, что Трефолев хочет что-то сказать. – Вы все

знаете и понимаете не хуже меня. Вот Сипягин: я его терпеть не могу, я ему не доверяю – ему лично как человеку не доверяю – и его экипажу. А ведь он-то, по гамбургскому счету, прав. Вам доверяю. Но вы не правы. *Finita!* – повторил он. – Ну да все равно, пусть все летит к дьяволу, мы должны сделать свое дело, к которому приставлены и от которого нас никто не увольнял. Возьмите пакет, – приказал он, и Трефолев взял со стола толстый пергаментный конверт, перевязанный шелковым шнурком и скрепленный шестью печатями красного воска на обеих сторонах. – Здесь бумаги на коносаменты груза. Прошу лично проследить за погрузкой каждого ящика и доложить об исполнении искровкой. Хотя, наверное, из-за расстояния связь будет невозможной... Расписки получателя должны быть скреплены королевскими печатями. Получать груз будут не капитаны, а представители двух банков Великобритании. Особо отметьте себе: ящики, отмеченные государственным гербом, должен взять «Гамильтон», коносаменты с личным вензелем императора погрузите на «Святой Георгий».

– С личным вензелем императора? – удивленно переспросил каперанг Трефолев.

– Именно, – кивнул фон Эссен. – В ящиках с вензелем золото не государственное, а личная собственность Романовых. Двенадцать тонн. У них собственные прииски в Сибири, в Нерчинске. Разве не знали?

– Нет, Николай Оттович, – ответил Трефолев.

– Мало кто знал.

– Так значит, царствующая фамилия...

– Ничего не значит! – перебил каперанга фон Эссен. – Я же сказал: оплата оружия. И мне тоже самое было доложено... На эти деньги можно воевать полгода. Не исключая, что августейшая семья приложила свои сбережения к государственным и тем самым совершила, так сказать, патриотический поступок.

– В это верить весьма приятно, – сказал Трефолев.

– Будем верить, – вздохнул фон Эссен. – Николай Алексеевич, прошу вас... Вы должны вернуться, непременно, чтобы доставить эти документы в Адмиралтейство, а лучше бы мне в руки.

– Так точно, ваше превосходительство! – поднялся Трефолев. – Разрешите откланяться?

Адмирал вздохнул, потом приподнялся на койке.

– На дорожку, Николай Алексеевич!

Он с трудом встал с койки, осушил свою рюмку, обнял каперанга, трижды поцеловал его и перекрестил: – С Богом!

Оба контрминоносца проскочили Каттегат и Скагеррак благополучно, проскользнув мимо мыса Скаген двумя черными теньями. Десять лет назад, в японскую войну, все военные корабли в России красили в черный цвет. Поэтому в Цусимском проливе русские корабли представляли собой хорошую мишень, в отличие от японских, которые были защитного серо-стального цвета. Русским комендорам только и оставалось целиться по трубам вражеских кораблей. Да и то лишь, когда японцы достаточно дымили. Но японцы, как правило, дымили плохо. Они использовали в своих корабельных котлах лучшие сорта угля из кардиффских шахт – английского, дававшего много тепла и мало копоти. «Нейтральная и дружественная» Англия щедро снабжала Японию и углем и оружием. Топки русских кораблей приходилось загружать всякой угольной дрянью вплоть до торфа. Русский корабль находился еще за горизонтом, но его дымы уже были видны отовсюду.

В эту войну русские корабли уже покрывали серо-зеленой «шаровой» краской. Однако «Дерзкий» и «Резвый» сошли со стапелей иссиня-черными, словно вороненые. Такую краску им выбрали намеренно, с вызовом германцам: «Попробуй, догони!»

На всем пути следования море оказалось чистым. Похоже, грандиозная секретная операция русской и английской разведок удалась. Но уже на самом подходе к нужному квадрату,

из волн неожиданно показался сначала перископ, потом выплыла субмарина. Открылся люк, на ветру заполоскался кайзеровский вымпел. Потом подлодка «взяла стойку» – вышла на огневую позицию.

Русские корабли двигались кильватером – впереди «Дерзкий», за ним «Резвый» – с ходовой скоростью в 45 узлов. Германец двинулся наперерез «Дерзкому».

Подойдя на расстояние в полтора кабельтова, немец дал выстрел из правого торпедного аппарата. Но «Дерзкий» неожиданно застопорил ход и ушел влево. Торпеда исчезла за горизонтом.

Потерпев неудачу, германец стремительно приблизился к «Дерзкому» и пошел параллельным курсом. Русский корабль резко прибавил ходу – словно прыгнул вперед. Уже через три минуты дизели подлодки оказались на пределе. Она выпустила еще одну торпеду по «Дерзкому». И снова он легко от нее ушел. Немцы растерялись: таких бегунов они еще не видели. Лодка пристопорила ход. И тут в ее корпусе раздался адский грохот.

Это были последние в жизни звуки, которые услышали германские подводники. Вслед за грохотом наступила тьма, вода хлынула в корпус субмарины. Лодка, распоротая, словно гнилая ткань, форштевнем настигшего ее «Резвого», мгновенно погрузилась в воду.

Немцам в какой-то мере повезло. Еще через секунду после тарана сдетонировали торпеды, субмарину разорвало мощным взрывом на куски. Германский экипаж погиб мгновенно.

Выйдя на нужный квадрат, «Дерзкий» и «Резвый» бросили якоря. Наступила ночь – не мутная и тоскливая, как на Балтике, а яркая, веселая, зеленая, с голубовато-белой полной луной – такой яркой, что, казалось, на ней кто-то именно сегодня заботливо стер пятна, чтобы она светила сильнее.

Ближе к двум ночи на горизонте появились мерцающие точки топовых и бортовых корабельных огней, потом показались силуэты судов, которые быстро увеличивались, приближаясь к контрминоносцам. Однако вскоре они стали уходить в сторону. Трефолев крикнул в рупор вахтенному:

– Владимир Александрович, очевидно, англичане нас не видят. Дайте им сигнал «слепым огнем»¹ и запросите пароль.

На семафор «Резвого» ответили оба корабля и скоро приблизились – два огромных линкора, рядом с которыми контрминоносцы казались крошечными скорлупками.

– «Гамильтон» и «Сент Джордж» извиняются за опоздание, – сообщил Трефолеву вахтенный офицер лейтенант Овсеев. – Приглашают.

– Шлюпку, – ответил каперанг.

На «Гамильтоне» его встретили командиры обоих кораблей, здесь же были двое пожилых джентльменов – представители «Лондон-банка» и «Бэринг-бразерс-банка». Оба предъявили свои полномочия.

– Начнем, пожалуй, как предлагал Евгений Онегин, – произнес Трефолев по-русски.

Кажется, его поняли без перевода. Началась погрузка. Металлические ящики с рельефными двуглавыми орлами поступали в распоряжение сэра Хейли из «Лондон-банка», ящики с императорскими вензелями принимал сэр Голдстейн из «Бэринг-бразерс-банка». Ему пришлось трудиться больше своего коллеги: личного золота Романовых оказалось не двенадцать тонн, как сказал фон Эссен, а четырнадцать, в то время как государственного было всего шесть тонн. «На шесть тонн не разгуляешься», – подумал каперанг Трефолев. Теперь он не очень верил, что царь действительно решил потратить свои личные запасы ради Отечества. Но ему было все равно. Он, как и фон Эссен, тоже устал. Внезапно ощутил, что за спиной, оказывается, осталась японская война, Цусима, теперь вот идет бездарная нынешняя война,

¹ Дается через прожектор со специальной защитой, благодаря чему источник света не виден сбоку.

интриги большевиков на корабле, шпиономания среди офицеров... На прошлой неделе мичман Голохвостов застрелил лейтенанта Раттенау – прекрасного минера. Причем, Голохвостов в тот момент был совершенно трезв. Он кричал, что немецкое отродье Раттенау подавал шпионские сигналы носовым платком, когда «Дерзкий» стоял на рейде Кронштадта. Интересно, кто мог увидеть этот платок с кронштадтского пирса? Голохвостова это не интересовало. С трудом инцидент удалось замять, выдав его за несчастный случай. Голохвостова пришлось списать на берег. А Раттенау очень жаль. Какой он немец! Шесть поколений его предков жили в России.

Офицеров с немецкими фамилиями тогда убивали выстрелами в спину каждый день и в армии, и на флоте. Эти убийства стали чем-то естественным и обычным, особенно после того, как до войск дошли выступления одного из самых ярких думцев Павла Николаевича Милюкова – профессора в очках с простыми стеклами, которые он носил, видно, для солидности. Милюков твердил направо и налево, что в России повсюду немцы – изменники и шпионы, и первая среди них германская шпионка – императрица Александра Феодоровна.

Трефолев никогда не был монархистом и вообще при случае подчеркивал на людях, что политика так от него далека и так же не интересна, как невидимые спутники планеты Нептун. Но когда он в один из дней обнаружил на своем столе в каюте очередной номер «Пулемета», захватанный и затертый, – Трефолева охватило омерзение. В журнале была напечатана большая цветная литография, на которой мерзавец-художник изобразил царицу с Гришкой Распутиным в таком ракурсе, какого каперанг не видел даже на порнографических карточках, запрещенных в России, но открыто продававшихся в Париже. Журнал Трефолев выбросил в иллюминатор и тотчас же тщательно вымыл руки. И удивился, почувствовав, что ему стало немного жаль императора, императрицу, его детей, которых сегодня не обливал помоями только ленивый. «Интересно, – подумал он, – кто это пытается меня распропагандировать? Голохвостов подсунул, кроме него некому! Благодарит за то, что спас его от трибунала...»

К шести часам утра погрузка закончилась. Трефолев получил от англичан акты передачи и накладные, тщательно их проверил и приказал старшему офицеру Корневу защитить бумаги в клеенку и залить парафином. Попрощался с англичанами, вернулся на корабль. Пакет он положил себе за пазуху. Своему сейфу Трефолев решил не доверять.

«Дерзкий» и «Резвый» стремительно двинулись курсом зюйд-ост, потом вышли на ост и скоро скрылись за горизонтом. Королевские дредноуты медленно развернулись на восток. И в то время, когда «Гамильтон» и «Сент Джордж» уже приближались к устью Темзы, русские корабли вышли из пролива Зунд и двинулись дальше, идя параллельно друг другу. Это обстоятельство оказалось роковым. Три немецких подлодки внезапно всплыли по правому борту «Резвого», три – по левому борту «Дерзкого». Германцы открыли почти одновременно огонь из наличных торпедных аппаратов, бортовых пушек и пулеметов.

От первого же торпедного залпа корпус «Резвого» сразу переломился пополам. Из гюйбы разлома в небо хлынули столбы огня, дыма и кипятка из всех котлов. Стали рваться мины и снаряды. В считанные секунды «Резвый» со всем экипажем ушел под воду. Никто не выплыл живым.

«Дерзкому» повезло чуть больше: сначала германские торпеды прошли насквозь его носовую часть на уровне ватерлинии, и корабль на полном ходу стал зарываться в воду, но не тонул. Немцам пришлось добивать «Дерзкого» еще целых полчаса. Когда контрминоносец ушел под воду, представители цивилизованной и высококультурной германской нации принялись расстреливать русских, барахтающихся в воде. Немецкие моряки развлекались. На палубы лодок высыпали экипажи и стреляли по тонущим из револьверов, из карабинов, как по мишеням в тире. Тут же заключались пари, огорчались проигравшие и ликовали победители. «Японцы, конечно, варвары, – успел подумать каперанг Трефолев прежде, чем потерял

сознание. – Они не расстреливали нас под Цусимой, а спасали. И с уважением салютовали нам, своим врагам...»

Он последним из команды надел спасательный пробковый бушлат. При других обстоятельствах он, по обычаю русских военных моряков, предпочел бы остаться без спасательного плавсредства на корабле. Но сейчас у него на груди лежал залитый парафином пакет, который нельзя отправлять на дно. И еще Трефолев подумал: «Это была засада... Измена... Кто предал? Императрица?... Распутин?..» – и потерял сознание, контуженный немецкой пулей, которая ударила его в висок по касательной. Немцы стрелять в него больше не стали, решив, что он уже мертв.

Капитан Трефолев не знал и знать не мог, сколько часов он провел в воде, когда к его щеке прикоснулось что-то твердое и холодное. Потом груди коснулся острый крюк рыбацкого багра, зацепил его за китель, подтянул каперанга к шершавому борту шлюпки.

Каперанг с трудом открыл глаза. Сквозь мутную пелену он увидел, что на него глядят, перегнувшись через просмоленный борт баркаса, двое. Один – пожилой, рыжебородый, на голове желтая зюйдвестка, одет в непромокаемый плащ – такие носят английские и шведские рыбаки. Рядом с ним на капитана глядел во все глаза мальчик лет одиннадцати в такой же зюйдвестке, но маленькой, и в таком же непромокаемом плаще, который был ему велик.

– Who are you?² – спросил рыбак.

– I'm Russian sailor. Help me...³ – с трудом выдавил из себя Трефолев.

3. ЕЛЬЦИН УБИВАЕТ ЛОШАДЬ

СКВОЗЬ СОН президент Ельцин почувствовал, как по его ногам потекло что-то теплое и приятное. Потом что-то произошло с брюками. В них стало почему-то холодно. Ощущение комфорта и приятности пропало, сменившись раздражением. И ему захотелось брюки немедленно снять.

С трудом президент разлепил веки, сел и огляделся. Вокруг него стояла тишина. Сначала Ельцин не понял, где находится. Потом догадался: «Ага, самолет. Я в самолете. Моторы заглушены. Стало быть, приехали».

Но что-то в этой тишине ему не понравилось. Сквозь расплывающуюся муть он увидел, что перед ним стоит жена, губы ее были сжаты, в глазах застыли боль и печаль. Рядом с ней – его личный телохранитель и начальник охраны верный пес Коржаков. Этот криво улыбался и, встретившись взглядом со своим шефом, одобряюще ему подмигнул.

Ельцин посмотрел в иллюминатор и обнаружил за толстым стеклом не Шереметьево, а какой-то чужой аэродром. Над диспетчерской вышкой развевался незнакомый флаг. У черных выходных дверей стеклянного аэровокзала стояли несколько незнакомых мужиков под огромными зонтиками, которые держали над ними то ли полицейские, то ли военные.

– Что это там за кодла собралась? Куда мы приехали? – спросил президент у Коржакова. – В Домодедово?

– Там премьер-министр Ирландии Рейнольдс со свитой. Мы в Ирландии. Аэропорт Шеннон.

– А чего нас сюда занесло?

– Дозаправка. И визит вежливости. Все по плану.

Ельцин помолчал.

– Что ты на меня вылупилась, как Ленин на буржуазию? – рявкнул президент на жену: ему показалось, что она собралась заплакать.

² – Кто вы? (англ.).

³ – Я русский моряк. Помогите... (англ.).

Не отвечая, жена молча скользнула взглядом вниз. Он тоже глянул вниз. Гульфик и левая брючина были мокрыми и издавали знакомый терпкий запах его собственной мочи.

– Шта-а-а? Это Костиков меня облил? – спросил Ельцин, внезапно вспомнив, как он в прошлом году во время прогулки на теплоходе по Волге приказал бросить за борт своего пресс-секретаря. Тот начал читать стихи, подлец, как раз в тот момент, когда президента посетила мысль, а он все никак не мог высказать отяжелевшим от алкоголя языком. «Бросить гада за борт!» – наконец выжал из себя возмущенный президент, и пресс-секретарь мгновенно оказался в воде. Костиков даже не успел тогда закричать.

– Ты сам обмочился, – сказала жена и заплакала.

– Врешь! – но он уже понял, что жена не врет.

«М-да, угораздило, – подумал президент. – Не надо было смешивать виски с шампанским...» Он помолчал немного и вдруг решительно махнул своей трехпалой рукой:

– А, пропади оно все пропадом! Пошли, мужики, на выход!

– Ты с ума сошел?! – закричала жена. – Какой выход? Как ты людям покажешься в мокрых штанах?

– Это не люди, – возразил Ельцин. – Это иностранцы.

– Все равно не пушу! Только через мой труп!..

Послышался мягкий глухой стук о борт самолета: это снаружи подали трап к выходной двери. «И правда, может, не надо ходить? Еще, сволочи, на пленку заснимут, по телевизору покажут. Коммуняки будут вопить два года, радоваться... Опишутся... до штанов...» – засомневался Ельцин.

А вслух сказал, обращаясь к Коржакову:

– Ну что тут сделаешь – бабы! Кто их переспорит! Нет, я все-таки пойду!..

Он поднялся, кряхтя и ругаясь и морща нос от вони собственных брюк.

– Тут что – одежды для президента уже не найдется?! – зычно, словно и не было в нем, по крайней мере, пол-литра виски и двух бутылок шампанского, крикнул Ельцин. – Разгоню всех к чертовой матери, поувольняю бездельников! Коржаков! Ты что там копаешься?!

– Я здесь, Борис Николаевич! – бросился к нему Коржаков, сверкнув лысиной под тусклым плафоном салона. – Штаны! – с ненавистью крикнул он официанту. Но тот стоял, разинув рот, потом, спохватившись стал стаскивать с себя брюки.

– Да не твои, болван, а президентские!

– Н-н-е знаю... – пробормотал насмерть перепуганный официант. – У меня их нет...

– Наина Иосифовна!... – взмолился Коржаков к жене президента. – Да что же это такое? Неужели и штанов больше нет? Хотя бы запасных каких-нибудь?

– Есть. Но я не дам! – твердо ответила жена.

– Вот видите, Борис Николаевич! – обрадовано закричал шефу начальник охраны. – Нет штанов! А в трусах на улице холодно. Вы только посмотрите, там же ветер собачий! Дождь страшный хлещет! Одно слово – Ирландия. Да чтоб ее дождь намочил – страна алкоголиков!

– Как ты сказал? Алкоголиков? – внезапно заинтересовался президент. – Они что здесь – тоже водку пьют?

«Ну, дернула же нелегкая! – огорчился главный охранник. – Сейчас потребует выйти, добавить с ними, огорчение смыть!.. Что же делать?..»

– Это все болтовня, – сказал он твердо. – Пьют хуже наших, потому что все они – слабаки! С первой же рюмки с копыт валятся. С ними ни один приличный президент пить не будет!

– С первой же рюмки?.. – задумался Ельцин. – В самом деле, разве с такими слабаками можно пить? Опозорят на весь свет.

– Опозорят, падлы! – радостно закричал Коржаков. – Не ходите к ним, Борис Николаевич, тыфу на них, что мы там забыли!

– Нет! – неожиданно заревел президент. – Я все-таки выйду, покажу им, как надо пить! Пусть их тоже заснимут на телевизор. Пусть покажут – всем! Пусти! – он оторвал от себя ласково-стальные руки своего верного пса и попробовал подняться.

Тот понял, что теперь катастрофа неминуема. И спрятаться от позора будет негде. Даже в самом глухом сибирском деревенском углу. Даже в самом далеком уголке Земли. Вся планета будет скалить зубы и издеваться. Можно пережить все, если есть куда спрятаться. А куда бежать? Не на Луну же?! Что же делать? Коржаков крепче прижался к своему начальнику и богу, которого он, впрочем, давно презирал, хотя и продолжал по-своему любить. Даже в эту минуту он был готов умереть за него. Но только не пустить его на позор.

Тут неожиданно Ельцин ослабил хватку, захрипел, рухнул на диван, потом медленно сполз на пол, громко стукнувшись затылком о ковровую дорожку салона. Его лицо стало покрываться синевой.

– Врача! – закричал Коржаков. – Врача немедленно, иначе всех сейчас перестреляю!

Он никогда в жизни не кричал на подчиненных. Никогда и представить себе не мог, что способен, но это прорвалась радость: «Сердечный приступ! Откачаем! Главное, теперь никуда не пойдет!»

Врачи возились с президентом минут двадцать, ввели ему сосудорасширяющее и тут же седативное – в двойной дозе. Вскоре он медленно открыл глаза, узенькие и совершенно заплавленные,дохнул густым перегаром. Попытался встать.

– Куда, Боренька? Тебе нельзя! – прижала его к дивану своей грудью жена. – Не шевелись даже! У тебя же сердце!

– Сделайте меня здоровым, – жалобно простонал президент. – Сейчас же сделайте меня здоровым...

– Дома сделают, в Москве, – ласково заговорил Коржаков, – там вас они сделают совсем здоровым, а сейчас оставайтесь в самолете.

Президент все-таки приподнялся, посидел минуту, помолчал, посмотрел на свои брюки, которые продолжали издавать острую вонь, будто в ноздри кто-то тыкал мелкими иглками. И заплакал.

– Что же это такое?.. Что вы со мной сделали? – из его узких глаз двумя свободными ручьями полились слезы, а из носа сопли. – Позор! Позорище! Этого я вам ни-ког-да не забуду! – он произнес эти слова с такой же интонацией, с какой в 1993 году адресовал их Верховному Совету, перед тем как расстрелять его из танковых пушек интермитными снарядами – от живых людей остается только горстка пепла. И погрозил пальцем Коржакову, жене, потом всем остальным, рукавом вытер нос. Помолчал. В салоне повисла тишина. – Кто выйдет к этим алкашам? – уже спокойнее спросил Ельцин.

– Все в порядке, Борис Николаевич! – успокоил его Коржаков. – Вот Олежек уже галстук надел!

Заместитель премьер-министра Сосковец, не ожидая команды, приближался к закрытой двери салона, поправляя на ходу галстук. Летчики начали открывать дверь.

Президент опять замолчал и посмотрел в иллюминатор. За толстым стеклом бушевал дождь. Иллюминатор заливало, но, тем не менее, можно было разглядеть, что творилось у выхода на летное поле.

Вот Сосковец, без шляпы, без зонтика, быстрым шагом подошел к премьер-министру Рейнольдсу. Ирландец энергично потрянул руку русского коллеги, черные волосы премьера взметнулись. Оба чиновника похлопали друг друга по плечам, потом заговорил Сосковец, и оба при этом пристально вглядывались в самолет, а Ельцин пытался почесть в лица обоих:

что Сосковец сейчас врет ирландцу? Ельцин знал, что Рейнольдс его не видит, и хмуро показал ирландскому премьер-министру в иллюминатор фигу.

Постепенно лекарства дали себя знать, Ельцин отяжелел и вытянулся во весь рост на бархатном диване. Еще утром, на завтрак у своего коллеги и друга, американского президента, он был почти счастливым человеком, чувствующим себя хозяином всей планеты. Он прекрасно знал, что сексуальный маньяк Клинтон, как и желтомордый орангутанг Миттеран, жирный боров Коль, длиннозубая ведьма Тэтчер, а вслед за ними всякая шелупонь типа макаронника и мафиози Берлускони относятся к нему, президенту России, с насмешкой, которую уже и не скрывают. Это очень терзало Ельцина и служило источником разных печальных переживаний.

Время от времени он набирался куражу и демонстрировал своим коллегам – президентам, нынешним и бывшим, что он тоже не шестерка. Бывшего американского президента Ричарда Никсона, который заглянул в Россию как бы невзначай, на огонек, и первым делом поспешил встретиться с Зюгановым («Разнюхивают, заразы, замену мне ищут», – догадался тогда Ельцин), он подверг публичной порке перед телекамерами. И так жестоко, от души, что Никсон в глубоком огорчении тут же рванул к себе обратно, в свой дистрикт Колумбия. Через несколько дней дряхлый американский козел, так и не придя в себя от стресса, дал дуба. В другой раз он устроил выволочку самому Клинтону, который упрекнул Ельцина в том, что, дескать, его русский друг Boriss, вместо того, чтобы дать Чечне самостоятельность, как того требует мировая демократия, занялся истреблением мирного населения. Мол, если уж не можешь справиться с восставшими, так и скажи. Русская армия воевать не в состоянии. Только один способ, только один вид оружия оказался доступен и понятен русским генералам и главнокомандующему Boriss'у лично: пушечное мясо. И теперь Boriss Yeltzin пытается завалить чеченских боевиков трупами русских солдат, новобранцев, которые еще неделю назад держались за мамину юбку и сегодня даже еще не знают, как стрелять из автомата. За год в Чечне погибает в восемь раз больше солдат, чем погибло за все десять лет войны в Афганистане. Русских солдат в Чечне даже не кормят. Русские солдаты кормят себя сами. Грабят местное население, торгуют патронами: десять русских патронов – банка русской же тушенки. Понимают, что завтра этими же патронами чеченцы станут их убивать. Но если не торговать, нужно умирать с голоду сразу.

Ельцину принесли полный текст выступления Клинтона, он читал и скрежетал зубами. Вечером, поуспокоившись, заявил по телевидению:

– Тут друг Билл решил меня немного поучить. Ничего, пусть учит. Но если берется меня поучать, пусть не забывает, что у его друга Boriss'а есть еще ядерные ракеты – в случае чего и шандарахнуть можно.

Друг Билл, правда, не испугался, даже наоборот, поржал, как он это умеет. Ну, ничего, все-таки получил по носу.

Но сегодня днем на приеме в Белом доме все было по-другому. Русский президент просто купался в лучах доброжелательства и всеобщей любви. На ланч в узком кругу собрались крупные чиновники Белого дома, два-три министра, бывший госсекретарь Александр Хейг и нынешний Джордж Бейкер. Был глава банковской корпорации «Симантек», какой-то писатель и какая-то молодая женщина потрясающей красоты: Ксения Ксирис, русская графиня, дальняя родственница императора Николая II и князя Феликса Юсупова, убийцы Распутина. Каждый из приглашенных желал выпить с ним, поговорить по душам, спросить, уважает ли его русский президент...

Постепенно веки у Ельцина отяжелели, салон самолета поплыл куда-то вбок и вниз, и, погружаясь в цветной калейдоскопический водоворот. Ельцин успел подумать: «Что же это – я умер, что ли? Значит, правду в книжках пишут – сначала после смерти цветной водоворот,

потом темный туннель, потом свет в конце туннеля, как я обещал России после свержения коммунистов...» И тут он, действительно, промчался через туннель навстречу чудесному солнечному свету, который источал тепло, умиротворение и любовь.

Он погрузился в эти бесконечные волны щемящей любви, потом глянул вниз и увидел свое тело на самолетном диване – проспиртованное, грязное и вонючее. Увидел до мельчайших подробностей каждый седой волосок на голове, свою левую трехпалую руку, увидел свое сердце, его коронарные сосуды, забитые, словно цементом, холестериновой дрянью. Ему стало жаль себя: «Укатали сивку ... Пора на покой». Он хотел подняться еще выше, чтобы полностью и навсегда погрузиться в море любви. Но с удивлением обнаружил, что не может. Не пускала тонкая, словно паутина, но прочная, как гитарная струна, серебряная нить, привязанная одним концом к его полуразвалившемуся телу, другим концом – к нему самому. Мало того, она стала уменьшаться и властно потянула его вниз. Он влетел в свое тело, отметив его необычную бледность, и обрушился вниз, в темноту и так летел, пока не очутился в своей родной деревне Будки, заброшенной в сибирской глуши. На обочине пыльной дороги он увидел старую костлявую гнедую кобылу с огромным брюхом, стреноженную и привязанную за веревку к колу, вбитому в землю. Он узнал ее: это была дедова кобыла. «Жеребая», – догадался Ельцин. И приблизился к лошади. Та, испугавшись, отскочила в сторону, вырвала из земли кол. Но уйти ей не удалось. Запутавшись в высокой траве, гнедая кляча тяжело рухнула набок. И тут черная ярость охватила его: «Ах, так ты – бежать? Не слушаться? Меня не слушаешься, сволочь?!» Он схватил с земли булыжник и принялся бить упавшую лошадь – по шее, по голове, по глазам. С каждым ударом камень чавкал, кровь побежала ручьем, на голове лошади треснула шкура, и показалась бело-розовая кость. А он все бил и бил уже затихшее бездыханное животное – бил с оттягом, выхаркивая воздух, словно рубил дрова. И остановился лишь тогда, когда сквозь кровавый туман бешенства увидел, чтоб бьет не кобылу, а окровавленную пожилую женщину, крестьянку, – то ли собственную жену, то ли мать.

Она лежала, оцепеневшая и почти остывшая, на пшеничном поле, и кровь пропитывала сначала стебли, потом колосья, потом зерна стали кровавыми и затвердели. «Убил», – с удовлетворением отметил он и стал вытирать окровавленные руки о траву – кровь не оттиралась.

«Что за чертовщина приснилась? – подумал Ельцин, открывая глаза. – Что это я – на том свете, что ли, побывал?» Он попытался удержать в памяти увиденное, но цветная и яркая картина расплылась, растаяла, словно гнилое лоскутное одеяло, и он начисто и навсегда забыл видение. Остались только страх пополам с бешенством. Но постепенно и они отступили. И он снова уснул. Проснулся, когда самолет уже стоял на посадочной полосе, заглушив моторы.

– Глянь-ка! Журналиги уже здесь! – с досадой пробасил Сосковец. – Что будем говорить? – обратился он к Коржакову. Но тот уже исчез за бронированными дверьми салона связи. Здесь радист-шифровальщик соединил его с начальником группы охраны аэропорта Домодедово.

– Какая сволочь пропустила журналистов? – кричал он начальнику охраны, пожилому полковнику, у которого от каждого слова Коржакова артериальное давление поднималось на двадцать миллиметров.

– Так ведь приказа не пускать не было. У всех пропуска в порядке, – с трудом шевеля губами, выдавил из себя почерневший генерал.

– «Не было, не было!» – злобно передразнил его Коржаков. – Думать надо! У тебя что – между погонами голова или ночной горшок?

– Голова, – признался полковник.

– А я думаю, что горшок с дерьмом. И генеральские погоны рядом парашей находиться не могут.

– Так точно, не могут, – почти теряя сознание, согласился начальник группы. И, собрав последние остатки мужества, спросил: – Когда сдавать дела, Александр Васильевич?

– Какие дела? Что за дела ты еще выдумал? Ну и народ в моем ведомстве работает! Чуть дашь по рогам – дела бегут сдавать! – он перевел дух. И сказал извиняющимся тоном. – Ты, Сергеич, не сердись на меня... Не прав я. Телевизор смотрел? Репортаж из Ирландии показывали?

– Показывали.

– Ну вот видишь... И что говорили? Почему не вышел президент?

– Ничего не говорили. Сказали, что в Шенноне самолет президента встретил ихний премьер. С ним имел беседу вице-премьер Сосковец...

– Понятно, – и Коржаков отключил связь.

– Товарищ генерал! – сообщил ему радист. – Михаил Никифорович Полторанин на связи – по каналу один.

– Давай!

Полторанин, бывший ведущий корреспондент газеты «Правда» по отделу партийной жизни, учивший всю страну коммунизму, верно служил Ельцину, так же как и Коржаков, но по другой причине. Коржаков пришел к Ельцину из благородства, когда тот был один и изгнан, и предложил свою службу. Правда, рассказывая об этом эпизоде из своей жизни, Александр Васильевич из скромности умалчивал, что уже тогда знал: Запад сделал ставку на Бориса и бросит все свои силы, все ресурсы, всю мощь, вплоть до военной, чтобы хозяином Кремля стал человек, который был бы обязан Западу всем и отрабатывал свой долг исправно и до гробовой доски. Полторанин тоже давно понял суть человека, с которым его связала судьба, но бросить его не мог по другой причине: ему просто некуда было идти. Его ненавидели как бывшие коллеги-коммунисты, так и новые сокорытники-демократы. И те, и другие постоянно спрашивали Полторанина, когда же он лгал? Когда по зову души работал в «Правде»? Или когда, опять же по зову души, стал ее уничтожать, демонстрируя свой антикоммунизм – такой же дремучий, как коммунизм?

– Ну что там? – спросил он не здороваясь.

– Да опять нажрался, как скотина. Стыдно людям в глаза смотреть, – ответил Коржаков.

– Что говорить будем?

– Не знаю, – вздохнул Коржаков. Он помолчал. И тут его осенило: – Знаешь, надо валить все на меня! Президент устал, заработался... а тут разница во времени... В общем, заснул. А я поправил своими лакейскими ногами дипломатический протокол и запретил будить нашего родного, притомившегося... Из соображений личной преданности и в силу своей беспринципности.

– Хорошо, конечно, – сказал Полторанин. – Но никто не поверит. Пока, – он отключился.

Выйдя в салон, Коржаков увидел, что Ельцин сидит в той же позе на диване и с интересом разглядывает свои новые сухие штаны.

– Это чьи? – спросил он Коржакова. – Форменные?

– Да, форменные. Командир экипажа уступил. Пришлось ему сажать самолет в трусах. Говорит, что никогда еще не сидел за штурвалом без штанов.

Ельцин ухмыльнулся.

– Надо наградить мужика!... Героя... Героя России давать, наверное, многовато, но насчет ордена надо подумать. Выручил все-таки. Президента, а не кого-нибудь! Ленина надо бы ему или Трудового Красного Знамени.

– Так вы же отменили эти ордена, – напомнил Коржаков. – Дайте ему новый орден «За заслуги перед Отечеством».

– Можно, – согласился президент. – Нет, лучше я дам ему Андрея Первозванного. И ленту.

– Гениально, Борис Николаевич! – одобрил Коржаков. – Народу понравится.

– Вот видишь! Понравится, конечно!.. Еще бы: правильное решение президента – дать высший орден государства за штаны. Ах ты мерзавец! – неожиданно гаркнул Ельцин. – В тираж списать меня хотел? Думаешь, президент уже ничего не соображает? Думаешь, президент все мозги пропил? Хотел меня на посмешище с орденом выставить? Отвечай! – рявкнул Ельцин, наливаясь яростью. – Отвечай – так думал?

– Ну что вы, Борис Николаевич, никогда я так не думал, – запротестовал Коржаков. – Вы лучше в окно посмотрите.

Ельцин посмотрел.

– Уже собрались... гиены! – злобно произнес он и спросил уже спокойнее. – Что говорить будем?

– Валите все на меня.

– Правильно, – кивнул Ельцин, с усилием поднялся и нетвердой походкой направился к трапу.

К телевизионщикам он вышел, хитро улыбаясь, и даже успел похлопать по попкам двух молоденьких журналисток.

– Представляете, а?! – обратился он к прессе, не дожидаясь вопросов. – Вот шельмецы! Сели мы, понимаешь, в Ирландии, аэропорт Шеннон, там сам премьер-министр, мой коллега, можно сказать, по работе господин Рейнольдс вышел меня встречать – визит вежливости, памах... Стоит, бедный, ждет под дождем. А эти шельмецы – ну, может, я слишком сильно выразился... эти работнички, – он указал пальцем на Коржакова, – меня не разбудили! А теперь выкручиваются: «Президент устал, не хотели будить, президент должен отдохнуть!» Ну?! Как это называется? На то я и президент, чтобы не отдыхать!.. – тут его горло вдруг перехватил непонятный страх с яростью пополам, и Ельцин замолчал. Потом прохрипел: – Ну, я врезал, кому надо – как следует!..

Махнул рукой и направился к выходу.

Этот яростный животный страх теперь будет его душить все время. Особенно, по ночам, отпуская лишь ненадолго. И избавиться от него не помогут ни водка, ни лекарства, ни операция на сердце, ни экзотические лекари из Китая и Таиланда.

С трудом он влез в подкативший «ЗИЛ».

– В Кремль, – коротко приказал Ельцин.

– А может, сразу домой? – спросил Коржаков.

– Тебе что – заложило? Тогда я найду охранника помоложе – не глухого. Сказано в Кремль – поезжай!

В кремлевском кабинете он долго сидел в кресле в пальто и шапке. Потом сказал Коржакову:

– Чаю неси, горячего. С лимоном. Пить хочу...

И горестно вздохнул, принимая от Коржакова тяжелый серебряный подстаканник. Сделав глоток, повторил:

– Пить хочу... Что же это подлец Клинтон подсыпал мне в виски?

Коржаков не ответил, только медленно покачал головой. Ельцин усмехнулся:

– Подсыпал – уверен на сто процентов. Ну, скажи, разве я так напивался когда-нибудь?

– Да, Борис Николаевич, уж так не бывало, – Коржаков передернул плечами, вспомнив, как бывало. Если Ельцин перебирал, он это, как правило, признавал и останавливал пьянку или запой своими, порой неожиданными способами. Однажды возвращаясь с дачи в Зави-

дове, где они с Назарбаевым пили по-черному – русский президент таким образом извинялся, что развалил СССР без участия казахского, – он велел остановить свой членовоз около придорожного озера: заметил в нем полынью. Подошел к ней, разделся догола в тридцатиградусный мороз на глазах у назарбаевских жены и дочери и сиганул в прорубь. Плескался там минут десять, пока Коржаков с помощниками не вытащил президента силой. Но президент кочевряжился, не хотел одеваться, уворачивался, болтая причинным местом направо и налево. На следующее утро – как ни в чем не бывало: только легкий насморк прошиб. Да – так, как сегодня, Ельцин еще не напивался.

– Самое главное, ничего не помню, – пожаловался он. – То есть, всех помню – кто что делал. Задницу этой бабешки помню – хорошая попка, как волейбольный мячик без покрышки. А что они говорили и что я пообещал, ничего не помню.

– Вы пообещали Гольдману и Ксирис закончить дело с царем, которое начали в семьдесят восьмом году.

– А как я его начинал? – поинтересовался Ельцин. Ему внезапно стало холодно.

– Не знаю, – ответил Коржаков. – Этого я не слышал, потому что подошел позже. Слышал только – Гольдман сказал, что царь оставил в банках Лондона еще в ту войну, до революции двенадцать тонн золота.

– Шесть, – задумчиво поправил его Ельцин.

– Нет, двенадцать, – возразил Коржаков. – Шесть – это не то золото. То – государственное, собственность империи. Его царь передал в залог военных поставок. А двенадцать тонн – личное золото царя. Англичане золото взяли, но оружия не поставили. По идее и по закону, это золото у них надо отобрать. Кстати, не только англичане у нас стибрили столько, что можно было десять перестроек спокойно провести и сто демократизаций с реформами без того, чтобы народ подыхал с голоду.

– Ну, ты не очень-то с народом! – прикрикнул на него Ельцин. – Голодает... Где ты видишь, чтоб народ голодал? Выйди на Тверскую – ты когда-нибудь видел в витринах столько продуктов? Есть даже киви!

– Тверская не Кострома, – отмахнулся Коржаков. – И зарплаты там другие, вернее, совсем никакие... А что касается золота вообще – тут много интересного. Знаете, сколько у нас украли французы? После первой мировой войны?

– Много?

– Не то слово. Очень много. Девять эшелонов золота Ленин в восемнадцатом году отправил немцам – как контрибуцию. В уплату за Брестский мир. Рассчитывал, что мир продлится недолго и Советская Россия все получит обратно. Через восемь месяцев – осенью восемнадцатого – в Германии революция, кайзера скинули, немцы капитулировали перед союзниками, а когда дошло до репараций и возврата нам золота, оказалось что французы его захапали у немцев и отправили в подвалы парижского банка. Там оно и лежит.

– Почему же мы его не отберем? – спросил Ельцин. – А вот Черномырдин еще предлагает вернуть французам царские долги.

– Какие к черту долги, Борис Николаевич! – воскликнул Коржаков. – Они нам должны в сто раз больше! А сколько нашего золота у японцев? Еще колчаковского! Правда, япошки – народ цивилизованный, честный. Они готовы отдать. Но не частной компании или акционерному обществу, как предлагает взять золото Чубайс. А только российскому государству!

– Ну, государству... С этим государством знаешь как... Чуть зазеваешься, все разворуют.

– А Чубайс не разворует?

– Ты Чубайса не тронь, – строго сказал Ельцин. – Ты ничего не знаешь. На нем все держится. Чубайс – единственный гражданин России, кого приняли в Парижский клуб. Меня вот не приняли, не захотели, а Чубайса приняли.

Коржаков хотел сказать: «Чубайс им тащит больше!», но сдержался и вслух произнес:
– А еще Гольдман сказал...

Но Ельцин уже вспомнил, что еще сказал Гольдман...

* * *

Вот как вспоминает об этом эпизоде сам А. Коржаков⁴.

«...В тот сентябрьский день 94-го между президентами России и США шли обычные, в рамках визита переговоры. Встречу решили устроить в парке, перед музеем Рузвельта под Вашингтоном.

Погода выдалась на славу: дул легкий прохладный ветерок, солнце заливало ярко-зеленые ухоженные лужайки, обрамляющие дом. Ельцин и Клинтон с удовольствием позировали перед фотокамерами, И я тоже сфотографировал улыбающихся друзей – Билла и Бориса...

Сфотографировав Билла и Бориса еще раз, я вышел из столовой. Во мне росло раздражение, и хотелось немного успокоиться, созерцая окружающее благополучие. Я всегда чувствовал, когда радостное настроение Ельцина перерастает в неуправляемое им самим вульгарное веселье. Крепких напитков за завтраком не подавали, зато сухого вина было вдоволь. Не секрет, что на официальных встречах принято, дозировано принимать спиртные напитки: чокнулся, глоточек отпил и поставил бокал. Тотчас официант подольет отпительный глоток. Если же гость махом выпивает содержимое до дна, ему наполняют бокал заново.

Во время завтрака Борис Николаевич съел крохотный кусочек мяса и опустошил несколько бокалов. Клинтон еще на аперитиве сообразил, что с коллегой происходит нечто странное, но делал вид, будто все о'кей.

Из-за стола шеф вышел, слегка пошатываясь. Я от злости стиснул зубы. Вино ударило в голову российскому президенту, и он начал отчаянно шутить. Мне все эти остроты казались до неприличия плоскими, а хохот – гомерическим. Переводчик с трудом подыскивал слова, стремясь корректно, но смешно перевести на английский произносимые сальности. Клинтон поддерживал веселье, но уже не так раскованно, как вначале – почувствовал, видимо, что если завтрак закончится некрасивой выходкой, то он тоже станет ее невольным участником.

Облегченно я вздохнул только в аэропорту, когда без инцидентов мы добрались до самолета.

Когда шеф лег в своей комнатке, к нам подошла Наина Иосифовна и предложила мне перейти в общий салон, где обедали. Со столов уже убрали, и можно было прилечь, вытянув ноги на узких диванах.

Приглашение жены президента я принял с удовольствием – улегся на диване, накрывшись пледом и положив под голову пару миниатюрных подушек. Заснул моментально.

Вдруг сквозь сон слышу панический шепот Наины Иосифовны:

– Александр Васильевич, Александр Васильевич...

Я вскочил. Наина со святым простодушием говорит:

– Борис Николаевич встал, наверное, в туалет хотел... Но упал, описался и лежит без движения. Может, у него инфаркт?

Врачей из-за щекотливости ситуации она еще не будила, сразу прибежала ко мне. В бригаде медиков были собраны практически все необходимые специалисты: реаниматор, терапевт, невропатолог, нейрохирург, медсестры, и я крикнул Наина:

– Бегом к врачам!

⁴ Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., Интербрук, 1997.

А сам вошел в комнату президента. Он лежал на полу неподвижно, с бледным, безжизненным лицом. Попытался его поднять. Но в расслабленном состоянии сто десять килограммов веса Борис Николаевича показались мне тонной. Тогда я приподнял его, обхватил под мышки и подлез снизу. Упираясь ногами в пол, вместе с телом заполз на кровать.

Когда пришли врачи, президент лежал на кровати в нормальном виде. Начали работать. Была глубокая ночь. В иллюминаторы не видно ни зиг, под ногами океан. Через три часа у нас запланирована встреча в Шенноне.

Доктора колдовали над Ельциным в сумасшедшем темпе – капельницы, уколы, искусственное дыхание. Наина Иосифовна металась по салону, причитая:

– Все, у него инфаркт, у него инфаркт... Что делать?!

Охает, плачет. Я не выдержал:

– Успокойтесь, пожалуйста, ведь мы же в полете, океан внизу.

Все, конечно, проснулись. Начало светать. Я говорю Сосковцу:

– Олег Николаевич, давай брейся, чистенькую рубашечку надень, на встречу с ирландским премьером пойдешь ты.

Олег опешил. А что делать?! Нельзя же Россию поставить в такое положение, что из официальной делегации никто не в состоянии выйти на запланированные переговоры.

Доктора тем временем поставили диагноз: либо сильный сердечный приступ, либо микроинсульт. В этом состоянии не только по самолету расхаживать нельзя – просто шевелиться опасно. Необходим полный покой.

Сосковец сначала отказывался выйти на переговоры вместо Ельцина, но тут уже и Илюшин и Барсуков начали его уламывать:

– Олег, придется идти. Изучай документы, почитай, с кем хоть встречаться будешь.

У Олега Николаевича память феноменальная, к тому же он читает поразительно быстро.

Приближается время посадки, и тут нам доктора сообщают:

– Президент желает идти сам.

– Как сам? – я оторопел.

Захожу в его комнату и вижу душераздирающую картину. Борис Николаевич пытается самостоятельно сесть, но приступы боли и слабость мешают ему – он падает на подушку. Увидел меня и говорит:

– Оденьте меня, я сам пойду.

Наина хоть и возражала против встречи, но сорочку подала сразу. Он ее натянул, а пуговицы застегнуть сил не хватает.

Сидит в таком жалком виде и пугает нас:

– Пойду на переговоры, пойду на переговоры, иначе выйдет скандал на весь мир.

Врачи уже боятся к нему подступиться, а Борис Николаевич требует:

– Сделайте меня нормальным, здоровым. Не можете, идите к черту...

Меня всегда восхищало терпение наших докторов.

Приземлились. Прошло минут десять, а из нашего самолета никто не выходит. Посмотрели в иллюминатор – почетный караул стоит. Ирландский премьер-министр тоже стоит. Заметно, что нервничает. Олег Николаевич стоит на кухне, в двух шагах от выхода, и не знает, что делать.

Ельцин обреченно спрашивает:

– А кто тогда пойдет?

– Вместо вас пойдет Олег Николаевич.

– Нет, я приказываю остаться. Где Олег Николаевич?

Свежевыбритый, элегантный Сосковец подошел к президенту:

– Слушаю вас, Борис Николаевич.

– Я приказываю вам сидеть в самолете, я пойду сам.

Кричит так, что, наверное, на улице слышно, потому что дверь салона уже открыли. А сам идти не может. Встает и падает. Как же он с трапа сойдет? Ведь расшибется насмерть.

Тогда принимаю волевое решение, благо, что Барсуков рядом и меня поддерживает:

– Олег Николаевич, выходи! Мы уже и так стоим после приземления минут двадцать. Иди, я тебе клянусь, я его не выпущу.

И Олег решился. Вышел, улыбается, будто все замечательно.

Когда он спустился по трапу, я запер дверь и сказал:

– Все, Борис Николаевич, можете меня выгонять с работы, сажать в тюрьму, но из самолета я вас не выпущу. Олег Николаевич уже руки жмет, посмотрите в окно. И почетный караул уходит.

Борис Николаевич сел на пуфик и заплакал. В трусах да рубашке. Причем свежая сорочка уже испачкалась кровью от укулов. Ельцин начал причитать:

– Вы меня на весь мир опозорили, что вы сделали.

Я возразил:

– Это вы чуть не опозорили всю Россию и себя заодно.

Врачи его уложили в постель, вкололи успокоительное, и президент заснул...»

4. КОРОЛЬ ГЕОРГ V В РОЛЛС-РОЙСЕ

ИНЖЕНЕР Найджел О’Брайен повернул заводную ручку – раз, другой. Новенький двухместный роллс-ройс слегка осел на рессорах, мотор чихнул, выпустив из глушителя клуб сизого дыма, и умолк.

– Ваше величество, – сказал инженер, – вам следует нажать кнопку обогатителя – горючая смесь слишком концентрирована. Не зажигается. Свечи мокрые.

Георг поискал глазами. Вот, кажется, эта кнопка из черного дерева с золотым колечком, которую дворцовый шоффер Джонс назвал как-то «подсосом». Король нажал, тросик ушел внутрь приборной панели, отделанной черным, красным и сандаловым деревом.

– Теперь дроссель, – услышал он голос инженера.

Георг нажал педаль газа так, что всей подошвой сапога уперся в пол салона.

– Пробуем еще раз, – предупредил О’Брайен и снова крутанул заводную ручку.

Внезапно по всему автомобилю прошла дрожь, послышался хлопок, другой, и двигатель заревел, окутывая площадку загородного гаража густым черно-синим облаком. Король, впервые севший за руль, застыл в восторге, ощущая живую дрожь железной машины, которая только что была всего лишь двумя тысячами фунтов холодного мертвого металла.

– Отпустите газ, милорд! Уберите ногу с педали! – заорал О’Брайен. – Оглохли, что ли?

Король послушно убрал ногу, и рев превратился в ласковое мурлыканье. Инженер сел рядом, слева.

– Можно ехать? – спросил Георг.

– Пусть еще немного разогреется, – ответил О’Брайен, вытерев пот с веснушчатого лба белым полотняным платком. – А пока давайте повторим последовательность действий. Итак...

– Нажимаю левую педаль сцепления, чем отключаю мотор от трансмиссии, – начал король. –левой рукой отпускаю ручной тормоз...

– Нет, Ваше величество, – поправил его ирландец, – левой рукой вы включаете первую ступень силовой передачи тяги мотора на задние колеса! Тормоз потом.

– Да, прошу прощения... Сначала первую ступень силовой передачи... – король замолчал.

– После чего, – подсказал О’Брайен, – можно снять автомобиль с тормоза, медленно отпустить педаль сцепления и одновременно – подчеркиваю, одновременно! – и тоже медленно нажимать на педаль газа!

Георг кивнул.

– Тогда, полагаю, можно ехать, – разрешил инженер.

Король нащупал ногой педаль сцепления, потом взялся за рычаг ручного тормоза.

– Неправильно! Ведь только что сказал – неправильно! – раздраженно сказал ирландец. – Сначала передачу!

В другое время король отметил бы, что инженер слишком много себе позволяет, но сейчас он был поглощен сладким страхом от дрожи мотора, которая отзывалась во всех его костях и косточках. Он медленно и аккуратно выполнил все по инструкции.

– Ну, вот теперь уж точно можно ехать, – кивнул О’Брайен.

Король вдруг почувствовал, что весь покрылся потом. Он обнаружил, что его левая нога приросла к педали сцепления.

– Смелее, Ваше величество, поехали, – приободрил его инженер.

Король отпустил сцепление, машина дернулась, мотор чавкнул и заглох.

– Что случилось? Что-нибудь сломалось? – испугался король.

– Ничего не сломалось, Ваше величество. Слишком резко вы отпустили сцепление и слишком мало дали горючего газа в мотор. И то, и другое надо делать нежно. Очень нежно! – проворчал О’Брайен, выходя из машины.

Он завел мотор и вернулся.

– Вот хорошо немцы придумали, – буркнул инженер, – специальный электрический пускатель, стартером называется. Можно заводить автомобиль, не выходя из него. Едем!

Георг несколько раз глушил мотор, но все-таки с шестой попытки ему удалось тронуться с места. Он толчками двинулся на первой передаче к выезду.

– Не цепляйтесь так за руль, Ваше величество! – заметил инженер. – Вы его задушите.

– Задушю руль? – удивился король, обернувшись к О’Брайену.

– Да, и не сможете вовремя повернуть... Да смотрите же на дорогу, черт бы вас побрал! – рявкнул О’Брайен. – Только на дорогу! Правее! Нет – тормоз! Тормоз, я сказал!

Георг устался себе под ноги, на педали, лихорадочно вспоминая, какая из них тормозная. Но было поздно. Сначала раздался звон стекла, потом глухой металлический удар. Рамная машина выдержала. Ударившись о правый столб кованых ворот, роллс-ройс остановился. Разбилась только правая фара, бампер принял на себя оставшуюся силу удара.

Взбешенный О’Брайен выскочил из машины и бросился вперед. Осмотрев автомобиль, сделал длинный вздох.

– Радиатор цел, бампер тоже. Мотор не пострадал, – сообщил он.

Георг виновато хлопал глазами.

– Извините, Ваше величество, – проговорил инженер. – В такой ситуации... Переведите, пожалуйста, рычаг переключения передач на нуль.

Король с усилием включил нейтральную.

– Сцепление надо выжимать, сцепление... – проворчал О’Брайен и добавил: – Теперь уберите контакт.

Георг поворотом вертикального рычажка на панели выключил зажигание.

– Чуть нажмите акселератор, – О’Брайен несколько раз повернул заводную ручку. – Контакт!

– Да, контакт! – послушно отозвался король и повернул рычажок направо.

Мотор завелся мгновенно, но звучал он несколько по-другому, чем до удара. Инженер некоторое время прислушивался, слегка покачал головой.

– Прибавьте газу! Еще! Максимально!

Он слушал некоторое время ревуший мотор. Потом кивнул:

– Уберите ногу. Порядок. Дайте задний ход.

– Задний? – переспросил король. – Вы сказали, задний?

– А какой же? Куда вперед? Валишь ворота? Рычаг передач влево и назад!

Король медленно перевел рычаг. Передача включилась на удивление мягко.

– А дальше все согласно правилам, Ваше величество. Отпускаете сцепление и нежно прибавляете газу.

Король отпустил сцепление, но опять слишком рано. Автомобиль дернулся, однако, Георг успел прибавить газу. Роллс-ройс с ревом отскочил от ворот, едва не сбив дворецкого, который стоял с серебряным подносом в руках и наблюдал за поединком своего хозяина и автомобиля. Старик едва успел отскочить. Поднос вылетел у него из рук, звякнул под задним колесом и исчез.

– Стоп! – скомандовал инженер.

Георг ударил по тормозам, одновременно по сцеплению – автомобиль стал, как вкопанный. Мотор продолжал работать.

– Неплохо, – скупометил О’Брайен. – Теперь нейтральную. Отпустите тормоз. Нормально.

– Вы уверены? – осмелев, переспросил король.

– Да, – подтвердил инженер и сел рядом. – Как правило, у новичка езда задним ходом с первого раза не получается. Это успех. Поехали, Ваше величество...

Георг почувствовал себя счастливым. Он медленно, с абсолютным спокойствием мягко тронулся с места и аккуратно выехал за ворота.

Они проехали на первой передаче около ста ярдов.

– Теперь вторую! – приказал О’Брайен.

Король выжал сцепление, однако, газ отпустил недостаточно, мотор взревел, но только что родившийся шоффер, не теряя самообладания, успел перевести на вторую. Ройс чуть прыгнул вперед и пошел резвее.

– Прибавьте до пятнадцати миль в час, – послышался голос инженера.

Георг прижал педаль и – о чудо! – машина послушалась, словно живая. С непреодолимой силой она покатила еще быстрее, трясаясь на выбоинах грунтовой дороги.

– Теперь третью!

Король включил последнюю, самую быструю скорость, мотор заработал тише, однако, автомобиль двинулся еще быстрее, подняв за собой шлейф пыли. Так они ехали минут двадцать в молчании. Король, охваченный счастьем, упивался пением мощного мотора, чудом движения, как вдруг из придорожной канавы выбрался жирный белый гусь и стал посреди дороги, обрушив на приближающийся автомобиль град ругательств.

– Что делать?! – в отчаянии крикнул Георг.

– Увы. Теперь уже ничего, – усмехнулся ирландец.

Он несколько раз нажал грушу клаксона.

В последний миг гусь умело увернулся, и автомобиль только слегка задел его задним крылом. Гусь опрокинулся на спину, беспомощно перебирая черными лапами, но сумел вскочить, вытянул шею в сторону королевского автомобиля и обрушил на него еще более яростные проклятия.

– Ничего, в другой раз будет умнее, – заметил Найджел О’Брайен и тут же прикрикнул: – Смотреть только на дорогу! И только на дорогу! Нельзя смотреть на меня, на педали, на рычаги, на свои руки. И не душите руль. Колеса сами поведут вас прямо. Ваша задача, милорд, только удерживать их от поворотов на ухабах и менять направление, только когда это понадобится. Автомобиль не такой уж глупый, он все делает сам. Ему лишь надо чуть-чуть помогать.

Они вернулись через два часа. Король на первой передаче медленно и аккуратно въехал во двор, заглушил мотор. Некоторое время он сидел молча, не в силах унять мелкую сладкую дрожь во всем теле.

– Ну вот, Ваше величество, – откинувшись на спинку сиденья, проговорил О’Брайен. – Ваша первая поездка оказалась весьма успешной. Автомобиль цел, и вам даже удалось избежать почти неизбежных жертв.

– Благодарю вас, О’Брайен, – ответил Георг. – Мне вдвойне приятно слышать эти слова от вас, поскольку я знаю, чтобы вы мне льстить не станете. Позвольте пожать вам руку, поблагодарить за урок и пригласить на обед – запросто, без церемоний. Тем более что чай по моей вине вы пропустили.

Когда были убраны тарелки и официант разлил по рюмкам коньяк, Георг, доставая сигару из эбенового с серебряной инкрустацией ящика, спросил:

– Как вы думаете, О’Брайен, не сменить ли мне автомобиль? Особенно после сегодняшнего происшествия?

Инженер залпом выпил свою рюмку и задумался. Король незаметно сделал знак официанту, чтобы тот не наливал О’Брайену второй раз: Георгу еще не приходилось встречать ирландца, который не был бы алкоголиком.

– Видите ли, Ваше величество, все зависит от того, что вы хотите от вашего автомобиля, – он красноречиво повертел в руках рюмку и посмотрел на официанта, но тот словно окаменел. Ирландец кашлянул еще раз, но официант его опять не понял. И он продолжил. – Если просто спокойной и надежной езды, то вряд ли найдете лучше немецких машин. Хотя германская промышленность работает сейчас исключительно на военные цели и, по моим соображениям, она года через два выдохнется, точнее, ее ждет полный коллапс, тем не менее, автомобили фирмы Бенца пока остаются самыми надежными и удобными в эксплуатации. Видите ли, все дело в том, что у них появилось то, что называется технологией. А у нас каждый произведенный автомобиль – отдельное событие, хотя с инженерной точки зрения они мало чем уступят немецким. У немецких меньше комфорта, нежели у итальянских или французских. Они более просты и не так сильны, как английские. Но если бы я выбирал машину для себя, то, несмотря на весь свой патриотизм, взял бы немецкую.

– Вы родились в Северной Ирландии?

– Нет, я из Дублина.

– А что вы скажете об американских машинах?

– Прекрасные аппараты! И технические решения великолепные. Но я их терпеть не могу. Мне, знаете, как-то противно находиться в американской машине.

– Вот уж не ожидал! И почему же, позвольте спросить?

– Мой ответ, Ваше величество, не имеет никакого технического обоснования, мало того – в нем не будет даже логики. Да, этот молодой американец, основатель и хозяин фирмы «Форд мотор», конечно, очень неглуп. Он собирает автомобили по методу поточно-массового производства. Его автомобили хороши. Но это не относится к другим американским машинам, в первую очередь, к машинам для богатых. Скажу так: в основу дорогого американского автомобиля заложено такое качество, как наглость. Когда я сажусь, например, в паккард или кадиллак, мне так и слышится голос его создателя – разбогатевшего грабителя: «Я сделал его хорошим не для того, чтобы он был хорошим, а чтобы ты, О’Брайен, знал: я хочу тебе утереть нос и я утру!» Извините, Ваше величество – я иногда позволяю себе не совсем... парламентские выражения.

– Мы не в парламенте, – усмехнулся король. – Кроме того, О’Брайен, вам это только кажется. По крайней мере, я пока не слышал от вас ничего непарламентского. Даже сегодня, – улыбнулся Георг, а сам подумал: «Да он, оказывается, еще и философ. А может,

скрытый социалист? Еще не хватало: личный инструктор короля – социалист!» Однако вслух произнес: – Но мы говорим о машинах для личной езды. А для официальных выездов?

– По-моему, ничего лучше роллс-ройса пока не придумано.

Король удовлетворенно кивнул: в гараже виндзорского дворца стояли шесть роллс-ройсов модели «Серебряный лебедь».

О’Брайен снова взялся за рюмку, посмотрел на бутылку, которую наготове держал официант. Король молчал, раздумывая, позволить инженеру еще выпить или нет. К счастью, в этот момент за окнами раздался звук мотора, во дворе остановился автомобиль. Король подошел к окну, которое одновременно служило выходом в сад. Он увидел, как из подъехавшей машины медленно выбирался министр финансов. «Наконец-то», – Георг ждал его доклада уже сутки. И через минуту дворецкий доложил:

– Его превосходительство сэр Дэвид Ллойд Джордж!

О’Брайен понял, что ужин окончен, и попросил разрешения уйти. Пожимая ему руку, король спросил:

– Надеюсь, завтра мы можем совершить еще одну тренировочную поездку?

– Если позволит погода, Ваше величество.

Ллойд Джордж положил перед королем всего один машинописный листок с текстом на велевом бланке своего министерства с грифом: «Совершенно секретно. Только для чтения Его Величества Георга и министра финансов сэра Дэвида Ллойда Джорджа». Пробежав глазами короткое донесение, король задумался. Потом спросил.

– Можете сообщить подробности?

– Они печальны, милорд. Но больше для вашего кузена императора Николая.

– Что же?

– На обратном пути оба русских корабля были встречены отрядом германских субмарин. После короткого боя корабли были потоплены.

– Немцы взяли пленных?

– Нет, милорд. Никто из русских не спасся. Все погибли.

– Однако, господин министр! – удивился Георг. – Откуда немцы могли узнать, что именно в этом месте они встретят русские корабли. Понимаю, если бы на их пути оказалась одиночная немецкая подлодка или две. Тогда понятно, досадная случайность. Но целый отряд? Лорды адмиралтейства гарантировали абсолютную секретность операции. Абсолютную!

– Она и была обеспечена абсолютно, – сохраняя печальное выражение лица, ответил Ллойд Джордж.

– Вы уверены?... – король замолчал, пристально глядя в глаза министру финансов.

Ллойд Джордж выдержал взгляд монарха и ничего не сказал. Король отвел глаза в сторону.

– Что ж, полагаю, сэр Дэвид, нужно послать для кузена Ники две телеграммы соболезнования. Одну от меня и другую – от правительства.

– Они уже готовы, милорд. Осталось подписать, – и он положил перед королем тексты телеграмм.

Правительственную Георг завизировал сразу. Свою прочел внимательнее. «Дорогой Ники! Только что узнал об огромном несчастье – гибели твоих двух замечательных кораблей и мужественных моряков. Это большое горе не только для нас, монархов, которых связывают тесные родственные и государственные отношения, но и для наших стран-союзниц, для которых гибель столь славных, мощных современных кораблей – огромная военная потеря. Прими мои глубокие соболезнования». Подумав, король дописал: «Искренние слезы душат меня, несмотря на то, что задуманное прошло успешно и подвиг твоих героических экипажей внес огромный вклад в будущую победу над общим врагом. Уверен, надо поставить

вопрос перед моим правительством об открытии памятника твоим героям в Лондоне или Ливерпуле».

– Вот так, – сказал король и придвинул лист к Ллойд Джорджу.

Тот прочел и покачал головой.

– Полагаю, слова об успешном выполнении задуманного несколько противоречат общему стилю траурной телеграммы. И требованиям секретности.

– Да, – тотчас согласился король, вычеркнул ненужные слова и поставил подпись:

«Всегда твой любящий брат *Georg Rex*».

5. БИЗНЕС ЕЛЬЦИНА

ЕЛЬЦИН ВСПОМНИЛ, что сказал Гольдман, но то было позже, а сначала он не мог отвести глаз молодой женщины потрясающей красоты. Ей было лет тридцать, не больше, она была укутана в полупрозрачную бело-розовую хламиду, вышитую золотой сканью. Приглядевшись, Ельцин без труда рассмотрел ее небольшую, но крепкую грудь, узкую талию и широкие бедра. «Ну, понимаешь, вона какая у них тут мода! Бюстгальтеры не носят! – обалдело осознавал русский президент. – Совсем обнаглели. Будто с порнушного журнала сошла».

Женщина заметила его взгляд и тут же подошла мягким, но решительным шагом. Бокал она взяла с собой.

– Здравствуйте, Борис Николаевич, – сказала она по-русски с едва заметным акцентом, ослепительно улыбаясь и протягивая ему руку. – Как идут ваши дела, как себя чувствуете?

– Ничего, – нисколько не удивившись, буркнул он. – А что, ты меня знаешь?

– Кто же вас не знает. И я знаю. А меня вы не хотите узнать поближе? – спросила красотка, чуть прищурив глаза.

– Нет, – ответил Ельцин. – Б...ство не входит в мои служебные обязанности.

Красотка расхохоталась.

– О, как это сильно и мужественно сказано! – она захлопала в ладошки. – Про вас говорят, что вы такой мужественный. Вы ведь джентльмен, правда? Так говорят о вас все дамы.

– Да, – хмуро подтвердил Ельцин и решил говорить ей «вы». Он огляделся, ощупал взглядом женщин вокруг и спросил:

– А где вы видите здесь дам? Я вижу только одну. Вот эту!

И, подойдя вплотную к красотке, нежно и оттяжкой хлопнул ее по упругой, словно волейбольный мяч, аппетитной попке.

Она даже и бровью не повела. Кровь ударила Ельцину в голову и звоном отозвалась в затылке. «До чего же хороша, чертовка! Что называется – бес в ребро... Нет, надо срочно выпить, иначе погиб», – решил он.

– А Хиллари⁵? – спросила чертовка. – Разве вы не считаете ее дамой?

– Сначала выпьешь со мной, потом скажу, – пообещал Ельцин. Он поманил левой трехпалой рукой официанта и приказал, нимало не заботясь о том, поймет он его или нет:

– Ну-ка гив⁶ мне по-быстрому шампанского... Или, стой! У тебя какой-нибудь бабоукладчик есть? – и, усмехнувшись, искоса глянул на женщину.

Официант удивленно поднял брови.

– Как вы сказали, господин президент? – на сносном русском спросил халдей. – «Бабоукладчик»? Это вино? Или что-то другое?

⁵ Жена президента Клинтона.

⁶ Give – Дай (англ.).

– Ну! Не понял, что ль? Ликер давай! Амаретту там или еще чего!

Красотка залилась низким бархатным смехом («У, гадина, до костей пробирает», – подумал Ельцин):

– Я всегда знала, что вы шутник, Борис Николаевич! На таких party⁷ обычно ликеров не бывает, только шампанское, виски и по особому заказу водка или бренди. Я хочу шампанского.

«Щас получишь», – мстительно подумал Ельцин и приказал официанту:

– Шампанского! Но только «Советского», из Питера.

Тот задумался.

– Что – нету? – недовольно протянул Ельцин. – Да откуда же оно у вас тут найдется!.. Уже ничего советского в мире нет... – Он вздохнул, обращаясь к красотке. – Придется пить, какую дрянь нальют.

Официант сказал:

– Есть французское, есть калифорнийское, сэр.

– Ладно, малый, отбой, – передумал президент. – Тащи водки. Хотя нет: водку я пью только после трех часов. Ночи, по московскому, – уточнил он. – Неси шампанского. Вашего.

Тот принес два бокала.

Ельцин пришел на прием, уже будучи немного пьяным. В таком состоянии легкой эйфории, его так и тянуло что-нибудь отколоть, покуражиться над своими фактическими хозяевами, к которым он, как сам понимал, теперь прикован, как раб к галерной скамье.

– Ну, разве можно эту газированную ослиную мочу сравнить с «Советским шампанским»? – через некоторое время спросил он у официанта, осушив бокал одним глотком.

– Невозможно, сэр, – неожиданно согласился официант. – Но ведь вы сами, господин президент, уничтожили СССР, откуда теперь взяться «Советскому шампанскому»? – дерзко ответил он, глядя Ельцину в глаза.

Вообще-то официантам, работающим в Белом доме, запрещено вступать с гостями в контакт – только в случаях крайней необходимости или если прикажет начальство: большинство obsługi было агентами спецслужб. Этот официант уже два десятка лет числился в штате ФБР, считался опытным кадром. Он, по долгу службы и по внутреннему убеждению, ненавидел СССР, но уважал русских как достойных врагов. Они делали плохие автомобили и штаны, но производили замечательные самолеты, ракеты, станки, ядерные реакторы... Писали хорошие книги, сочиняли изумительную музыку. По части науки им тоже равных не было. Теперь людей, собственными руками разгромивших свою страну, уважать было не за что. И их президент в представлении официанта был просто мразью, не достойной не только уважения, но и внимания вообще. Ельцин почувствовал неприязнь белодомовского халдея и повернулся к нему спиной.

– Так что Хиллари? – спросила красотка, принимая бокал. – Вы ее тоже не считаете дамой?

– Комолая телка – вот кто она такая, – рубанул президент, нисколько не заботясь о том, что каждый его чих записывается. Впрочем, от него фэбээровцы и не такое слышали и потому только посмеивались, расшифровывая и переводя на английский его разговоры. – А бодливой корове, понимаешь...

– ... Бог рог не дает! – договорила красотка.

– Ну! Моя давно наставила бы мне большие и ветвистые, если б я с этой Монькой Левинской в ванне не имел сексуального контакта, как не имел его мой друг Билл...

– За что пьем? – перебила она и подняла бокал вверх.

– Надо хоть познакомиться! – заметил Ельцин.

⁷ Собрание.

– С большим удовольствием! – она протянула руку. – Графиня Ксения Ксирис, она же княгиня Юсупова-Сумарокова-Эльстон-Романова⁸.

Он осторожно пожал ее легкую, как пушинка, лапку.

– Можно называть меня Ксенией Павловной, – она слегка присела и прикоснулась своим бокалом к ельцинскому.

– Ельцин Борис Николаевич, – дурашливо в три погибели поклонился он.

– Как, тот самый? – подыграла Ксения.

– Нет. А ты?

– А я та самая. Внучатая племянница государя Николая Александровича, принадлежу Дому Романовых.

– И много вас? – спросил Ельцин. – Таких Романовых?

– Как считать, – ответила Ксирис. – Официально Дом Романовых насчитывает около трехсот человек. На самом деле больше. Князья Юрьевские тоже должны считаться Романовыми – это потомки от второго брака Государя Александра Второго с княгиней Ириной Долгорукой. Но Романовы их не признают своими.

Про Александра II Ельцин когда-то читал.

– Козел он был, твой Государь, и развратник, понимаешь, – возмутился Ельцин. – Ну как можно – в одной хате, хоть и в зимней⁹, под одной крышей держать жену и любовницу. И детей от обеих. Какой вы пример показывали трудовому народу! И еще хотели, чтоб народ вас полюбил в семнадцатом году. Я вот всю жизнь только с одной Зойкой! А в наших сибирских краях такие бабы, понимаешь! Ух, едрена вошь!

– Это ваша любовница?

– Нет. Супружница.

Ксирис широко раскрыла глаза.

– Так ведь вашу жену зовут Наиной! Забыли? – хихикнула она.

– Тут забудешь, – проворчал Ельцин. – Зойка – ее настоящее имя. А ей не нравится. Стала называть себя Наинкой. Теперь только на эту кличку отзывается.

– Ах, вот как! Только странно, почему она такое выбрала? – удивилась Ксирис. – Наина у Пушкина в «Руслане и Людмиле» – старая злая колдунья... А, впрочем, не важно. И вы ни разу не изменили Наине Иосифовне?

– Ни разу! – и в подтверждение своих слов Ельцин с размаху хлопнул бокал об пол.

На звон несколько гостей оглянулись в сторону русского президента и снова отвернулись. Президент Клинтон только усмехнулся: «Boriss – русская широкая душа», – сказал он греческому послу Микису Ставракису. Клинтон как раз убеждал посла, чтобы Греция направила на греческое правительство Кипра и заставила его не покупать у русских их знаменитые зенитно-ракетные комплексы С-300, которые наводили ужас на летчиков НАТО. От этих зениток вертикального взлета не было спасения даже знаменитой «невидимке» – истребителю-штурмовику F-117a. У русских тоже есть свой «стелс», еще покруче, но С-300 и своих «невидимок» сбивает на учениях, словно мух.

Ставракис покосился на Ельцина и ничего не сказал.

– Необходимо разъяснить вашим соседям и союзникам, – втолковывал Клинтон, – у кого они собрались покупать С-300. Их делают пьяные русские рабочие. А если президент Ельцин продаст президенту Макариосу такие зенитки, которые без водки работать не смогут? Где Макариос возьмет столько водки? – он хохотнул.

Посол выдержал небольшую паузу.

⁸ К. Ксирис врет. Она вышла замуж не за аристократа и потеряла права на титул.

⁹ Ельцин, очевидно, имеет в виду Зимний дворец (*ред.*).

– Это шутка? – невозмутимо спросил он.

– Нет, – отпарировал Клинтон. – Это не шутка. Мистер Ставракис, вы, безусловно, лучше меня понимаете, что под влиянием русских Кипр может превратиться во вторую Кубу – у вас под боком. Русские туда влезут. Ведь для обслуживания С-300 понадобятся специалисты, потом проблемы эксплуатации, запасных частей, ремонта, обучения персонала. Это таит колоссальную опасность для всей Европы, но, прежде всего – для Греции. Русские будут держать под прицелом самых важных наших союзников по НАТО – вас, Турцию, весь Ближний Восток, Северную Африку. Кто может поручиться, что русские не поставят на Кипр наступательное вооружение, например, ракету «москит», которую наши эксперты прозвали «убийцей авианосцев»? И что Макариос не перепродаст часть С-300 или «москитов» Милошевичу? Очень даже реально. Я знаю, Ельцин согласен дать оружие в кредит кому угодно.

Грек молчал.

– И тогда, – закончил свою мысль Клинтон, – русские будут контролировать Босфор и Дарданеллы. Сбудется тысячелетняя бредовая и крайне опасная идея русских националистов. Потом – Стамбул, освобождение Святой Софии... Потом падет Белград, за ним – Афины, и посыплется костяшки, как в домино. Стоит им только начать. И от Кипра тоже ничего не останется. И от Греции. Будет один сплошной ГУЛАГ. Понимаете, друг мой?

Клинтон говорил вещи очевидные, и Ставракис все понимал. Но, как грек, он ненавидел своего ближайшего соседа по НАТО – Турцию. Эта ненависть у греков была наследственной и передавалась из поколения в поколение уже пятьсот лет. А в настоящую минуту на лужайке Белого дома Ставракис еще больше ненавидел Америку, подмявшую под себя всю планету. И наконец, больше всех на свете он ненавидел этого долговязого наглого саксофониста Клинтона, который распоряжается целыми странами и народами, словно коровами у себя на ферме, а в святая святых Америки – в Белом доме – занимается оральным сексом со смазливой еврейкой, о чем потом злорадно судачит вся планета¹⁰. «Ковбой, – подумал Ставракис, – коровий мальчик – куда уж дальше».

– Я недостаточно ясно высказываюсь? – спросил его Клинтон.

– Нет, не в том дело, – ответил Ставракис, – яснее некуда. Вы всерьез полагаете, что сегодняшняя Россия способна превратить Кипр во вторую Кубу? По-моему, все там очень изменилось. Они предают своих союзников, торгуют своими шпионами, отдают территории. Какой опасности можно ожидать от такой страны – она гниет заживо.

Клинтон от души расхохотался.

– Конечно, конечно, вы правы, мистер Ставракис, – отсмеявшись, заявил Клинтон. – Президент Борис – наш друг. Он скорее отрубит себе два пальца и на правой руке в дополнение к левой, нежели решится нас чем-либо огорчить. Но кто придет после него? Может прийти Зюганов. Обратите внимание на жесткую закономерность, с которой в России меняются правители. Все зависит от наличия или отсутствия волос на голове претендента. Лысые и волосатые там сменяют друг друга с неумолимой закономерностью. Александр III был лысым или почти лысым, Николай II – волосатым. Ленин – лысый, Сталин – волосатый. Хрущев – лысый, Брежнев – волосатый. Андропова можно не считать, он и не правил почти, как и Черненко, но оба они подтверждают закономерность. Дальше: Горбачев – лысый, Ельцин – волосатый. А ведь Зюганов лысый!

– Будем надеяться, что такое чередование – просто шутка природы, – усмехнулся Ставракис.

– Да, будем надеяться, – согласился Клинтон. – Но мы не допустим, чтобы Россия предавалась иллюзиям о возврате своей мощи. Поэтому придется нам самим подыскивать

¹⁰ Ставшая знаменитой Моника или, как ее назвал Ельцин, Монька Левинская.

для нее следующего лысого или лысеющего президента... – Клинтон тяжело вздохнул, оглянулся на Ельцина и увидел, что тот машет своей трехпалой клешней, зовет к себе:

– Ну что ты там, Билка, копаешься? Ступай сюда – что я тебе щас покажу!.. – крикнул он на всю лужайку.

Клинтон повернулся спиной к Ставракису, подозвал переводчика и, даже не кивнув послу, направился к Ельцину.

– Смотри, Билл! – Ельцин чуть не ткнул пальцем в грудь Ксирис. – Скажи, ты видел когда-нибудь такую?

– Такую еще нет, – засмеялся Клинтон и воровато оглянулся на Хиллари. – А что?

– Вот и я о том же. Она же совсем голая, даже без трусов.

– Голая? – удивился Клинтон. – Не вижу.

– Как ты ее вообще сюда пустил? Надо же смотреть! Чем твоя охрана занимается?

Ксирис ошарашено, во все глаза вытаращилась на Ельцина. Клинтон вежливо отвел взгляд.

– Нет, ты морду не отворачивай! – приказал Ельцин Клинтону. – Раз уж пустил ее сюда, то смотри, какие у тебя гости, – и, схватив Клинтона за подбородок, повернул его лицо снова к Ксирис.

– Boriss, я все хорошо вижу, – с легким раздражением ответил Клинтон. – У миссис Ксирис очень интересный и модный костюм. Он, наверное, ей очень идет. Хотя в таких вещах я понимаю мало, но, пользуясь моментом, отмечу, что мы находимся в столице мировой демократии, где каждый одевается, как хочет.

– А если я завтра к тебе тоже голый приду?

– Приходи, – разрешил Клинтон. – Только имей в виду, без галстука тебя мажордом не пустит.

– Ну, ты и жук, ну молодец! – Ельцин обнял Клинтона за плечи. – Видишь, Аксинья, он не дурак, шутки понимает. А то у нас в России говорят, что раз американец, то значит, тупой как сибирский валенок, и наглый, как верблюд.

Клинтон улыбнулся и ободряюще подмигнул Ксирис. А Ельцину сказал:

– Boriss, друг мой, говорят, что ты хочешь продать С-300 греческому Кипру. Прости за прямой вопрос, сколько обещал тебе заплатить Макариос? Ладно, можешь не говорить, понимаю: коммерческая тайна.

Ельцин некоторое время с пьяной ухмылкой смотрел на Клинтона.

– Ну! Ты уже и здесь унюхал? Ну, Блин Клинтон, даешь! С тобой ведь и в карты, наверное, нельзя садиться играть: обдуешь!

– Ты слишком высокого мнения обо мне, Boriss, – хохотнул Клинтон. – Мне еще учиться и учиться. Может, когда-нибудь оправдаю твои надежды. Так сколько дает Макариос?

– Т-с-с! Тихо! – Ельцин прижал палец к губам. – Государственный секрет. Никто не знает.

– Не хочешь говорить? – улыбался Клинтон. – Даже мне?

– Даже тебе.

– Правильно, Boriss. Нельзя раскрывать секреты своего государства, – согласился Клинтон. – Но здесь тайны уже нет. Я знаю: он дает тебе два миллиона зеленых за каждый комплекс – вдвое меньше, чем твои игрушки стоят на самом деле. А тебе нужна валюта.

– Да что тебе до Макара? – удивился Ельцин. – Хочет – пусть покупает. Ты что – хочешь предложить больше? Тебе тоже нужны мои С-300?

– Нужны, конечно. Я тоже хочу их у тебя купить. Я бы взял комплексов пятьсот-шестьсот – в десять раз больше, чем их сейчас установлено по всей планете, – ответил Клинтон.

– Так бери! Отдам хоть завтра!

– Мне завтра конгресс на них денег не даст, – вздохнул Клинтон. – Ничего не могу поделывать... Boriss, я понимаю, ты хочешь сделать свой бизнес. Но не надо продавать С-300 Макариосу. Он нехороший человек. И тем более, Боже упаси тебя продавать их Милошевичу! Этот бывший коммунист начнет стрелять сначала по хорватам, потом по албанцам, потом по мне. Потом до тебя доберется. Вот и греческий посол, Ставракис, так же думает. Он мне только что сказал.

– А разве мои зенитки достанут до Вашингтона? – удивился Ельцин.

– Если Милошевичу очень захочется – достанут, – заверил его Клинтон. – Но я хочу тебе помочь и предложить тебе лучший бизнес. Можно заработать сразу шесть, а то и десять миллиардов. Притом без всякого риска, – добавил американский президент.

– Ну-ка, я послушаю.

– Видишь того парня? – Клинтон указал подбородком на толстяка в безукоризненном смокинге, лысого, с небольшими островками курчавых волос на черепе. В углу его мясистых, брезгливо изломанных губ торчала черная бразильская сигара.

– Ну! – подтвердил Ельцин.

– Это мистер Гольдман, он же лорд... лорд...

– Лорд Айшир, – уточнил сам толстяк, который в мгновение ока, словно НЛО, оказался рядом и слегка поклонился.

– Лорд Эшир... – продолжил Клинтон.

– Лорд Айшир, – снова уточнил толстяк, остановив на Ельцине внимательный взгляд своих круглых черных глаз.

– Да, конечно, – подтвердил Клинтон. – В общем, мистер... э-э... мистер лорд – вице-президент лондонского банка «Бэринг-бразерс». Он тебе все сейчас расскажет, как можно заработать шестьдесят миллиардов долларов – как это у вас в России говорят – шестьдесят лимонов, – засмеялся Клинтон.

– Арбузов, – буркнул Ельцин. – Не лимонов, а арбузов.

– Ну конечно, как же я мог забыть! – снова заржал Клинтон. – Короче, сейчас мистер Эшли...

– Айшир, – терпеливо поправил толстяк.

– ... Мистер Мишер тебе все объяснит. А я пока не будут вам мешать, – сказал Клинтон и двинулся к Хиллари. Когда он поравнялся с Ксирис, та вопросительно посмотрела на него. Клинтон ответил ей утвердительным кивком и пошел дальше.

За все время своего президентства Клинтону удавалось добиться от Ельцина всего. Один только раз «друг Boriss» покочевряжился, когда США от имени НАТО поставили Милошевичу ультиматум: уходить из Боснии и Герцеговины немедленно и навсегда, иначе ракеты «томагавк» завтра же накроют Белград. Тогда президент разорванной на части Югославии Слободан Милошевич бросился в Москву, попытался упросить Ельцина стать посредником между сербами и хорватами с босняками. Взывал к идее славянского братства. «Железный Слобо» чуть не плакал и заявил Ельцину, что готов стать перед всей Россией на колени на Красной площади, только бы она спасла своих славянских братьев от геноцида. А то, что хорваты и босняки при самой открытой и сильной поддержке США устроили сербам стопроцентный геноцид, почище гитлеровского по отношению к евреям, не видели только безнадежно слепые или американцы.

Ельцин в этот же вечер сообщил телевидению, что теперь он сам решит проблему Балкан. Раз уж больше ни у кого не получается. И пригласил в Москву для переговоров лидера хорватов Туджмана и босняков – Изетбековича. Вождя боснийских сербов Караджича, которые из последних сил противостояли головорезам Туджмана и Изетбековича, он не назвал.

Приехал в указанное время только Милошевич. Туджман и Изетбекович откровенно поиздевались над миротворцем Ельциным, которого отныне уже во всем мире считали шутом. Кое-кто прибавлял: кровавым шутом.

Он тогда сильно обиделся – публичное оскорбление в планетарном масштабе его все-таки достало. И тут Милошевич воспользовался моментом: через Макариоса попросил зенитно-ракетный комплекс С-300.

Накануне нынешнего разговора на лужайке Белого дома Клинтон еще раз изучил справку по С-300. Страшное оружие. Оно поражает вообще любые воздушные цели, в том числе крылатые и даже баллистические межконтинентальные ракеты. Вертикально взлетающей ракете ЗРК С-300 вообще не нужно время на прицеливание. Русские оснастили ее фантастически мощной электроникой, и ракета ищет цель сама, не сбиваясь с пути и не отвлекаясь на ловушки. Летчик от любых других зениток может еще спастись, перейдя на бреющий полет – достаточно 156 метров от земли: во всем мире зенитки бьют снизу вверх. Но ракета С-300 обрушивается на цель, словно сокол на дичь, сверху! И летит со скоростью, в три раза превышающей скорость пули знаменитой американской винтовки М-16, то есть 3 километра в секунду. Аналогичная американская система М1М-104 или «пэтриот», в которую были вложены сотни миллиардов долларов американских налогоплательщиков, оказалась хуже во много раз. Ее надо наводить на цель, дальность действия ее на треть меньше, чем С-300, минимальная высота действия 600 метров, то есть на бреющем полете от нее можно спокойно уйти. Масса боезаряда у «пэтриота» в два раза меньше, чем у С-300, время развертывания 30 минут, а у русских – 5 минут. И, наконец, русские с одного комплекса С-300 могли выпускать сразу 12 ракет, а М1М-104 могла выпускать сразу только 8 «пэтриотов».

Операция «Решительная сила», как потом натовцы назовут свое бандитское нападение на Югославию, существовала пока только на бумаге, но Клинтон готовился к ней уже сейчас.

Аналитики ЦРУ абсолютно правы. Это русское оружие нельзя выпускать за пределы России.

Есть сведения, что они готовы выпустить еще более совершенную систему С-400, которая вот-вот начнет производиться в Петербурге. Если и эти ЗРК расползутся по земле, на американской политике авианосцев можно ставить крест. Да и военно-воздушные силы как род войск можно ликвидировать. Ведь даже какой-нибудь Мадагаскар развернет три-четыре С-400 и плевать будет на любые угрозы и требования Америки.

Самое радикальное и верное решение вопроса – заставить русских самих свернуть и производство ЗРК, и подготовку специалистов к ним.

Вскоре агентом ЦРУ будет убит на пороге собственной петербургской квартиры главный конструктор С-300 и С-400 Валентин Смирнов. Еще через пару лет выяснится, что Ельцин, а до него Горбачев настолько опутали Россию внешними долгами, большей частью которых распоряжались американские банкиры, что без разрешения США Россия и пикнуть не смеет об отправке С-300 куда-либо, а уж Милошевичу – и подавно. Впрочем, скоро в Петербурге безвозвратно будет развален «Северный завод», выпускавший удивительные зенитно-ракетные комплексы.

«Мистер лорд» смотрел на Ельцина и молчал. Ксения Ксирис подошла к президенту вплотную и прижалась к нему боком.

– Решила доконать меня, проказница? – спросил Ельцин, прищулив свои заплывшие глазки так, что их совсем не было видно.

Вместо ответа Ксирис проникновенно спросила русского президента:

– Борис Николаевич! Зачем вы взорвали дом Ипатьева, где расстреляли государя Николая Александровича с семьей? Ведь это была святыня. Там погибли мои родственники, святыне великомученики. Вы когда-нибудь видели икону с изображением всего семейства? Могу

показать, – и она показала Ельцину на свою грудь. Там в уютной и потрясающе глубокой ложбинке лежала маленькая иконка на цепочке. Похоже, она только что надела эту иконку. Пять минут назад Ельцин ее не видел.

Ельцин хмуро посмотрел на иконку, потом на Ксирис. Пьяная пелена стала спадать с его глаз.

– Ты, милая барышня, не знаешь, что такое указание Политбюро ЦК, – усмехнулся Ельцин.

Она держала в руке тот же бокал и слегка облизывала его края кончиком своего розового, как у котенка, языка.

– Я представляю себе, что такое указание Политбюро, – возразила она, – Партийное поручение – больше чем приказ, не так ли, Борис Николаевич? Ведь это серьезнее, чем приказ по начальству?

– Все-то ты знаешь, Аксинья! – крикнул Ельцин, отодвигаясь. – А ты что скажешь на это? – спросил он у толстяка. – Как тебя звать-то?

– Джекоб Гольдман, – сверкнул лысиной толстяк.

– Господин Гольдман не понимает по-русски, – сказала Ксирис.

– Совсем? – удивился Ельцин.

– Почти.

– Ну, так чего он хочет? – спросил президент.

– Он тоже ждет вашего ответа, – улыбнулась Ксения Ксирис.

– Тоже родственник императора?

– Шутить изволите, ваше превосходительство, – снова улыбнулась Ксирис, но на этот раз в уголках ее изогнутых губ скользнула тень брезгливости. – Разве может человек его племени быть родственником русского императора?

– А кто вас там разберет, – буркнул Ельцин. – У тебя же самой муж из этих... как тебя... Цацкис? Маргулис?

– Ксирис, – отпила глоток Ксения. – Ксирис – греческая фамилия. Мой муж – известный предприниматель. Вино и оливки. Между прочим, родственник болгарского царя Бориса. Православный.

– Борис Николаевич прав: среди евреев тоже немало православных, – неожиданно на чистом русском языке подал реплику Гольдман. – Вот покойный священник Александр Мень хотя бы к примеру.

– Это который пидарас? – поинтересовался Ельцин. – Ему еще другой пидор развалил башку топором.

Раскрывшиеся глаза Ксирис заняли половину ее прелестной мордочки и по величине стали приближаться к размеру ее груди. А Гольдман медленно стал краснеть и надуваться («Точь наш индюк в деревне Будки», – отметил Ельцин), лицо лорда приобрело коричнево-синюшный оттенок, как у первого и последнего президента СССР товарища Горбачева.

– Ну! – обратился к нему Ельцин. – Ты же говорил, что по-русски ни бум-бум!

– Он так не говорил, – возразила Ксения.

– Я так не говорил, – возразил Гольдман. – Это вы так решили за место меня, господин президент или товарищ первый секретарь обкома, как я вас называл еще в 1976 году. Я работал тогда, как и вы, в Свердловске. Заместителем начальника областного управления торговли.

– Ах, вот оно что! То-то, понимаешь, мне твоя харизма знакома! – фыркнул Ельцин. – Эмигрант, значит. Отщепенец. Лорд Шушер.

– Айшир, – поправил Гольдман.

– Все равно. Как тебя по-русски звать-то?

– Яков Исидорович, – выдавил из себя лорд Айшир.

– Ну, так чего ты хочешь, Яша? – спросил Ельцин, ощутив внезапную скуку. Он помянул официанта. Тот приблизился с подносом, на котором стояли бокалы с виски, налитым на два пальца.

– Борис Николаевич, зачем же вы так отца Меня – неприлично... Разве у вас есть доказательства, что он был геем, то есть гомосексуалистом? – укоризненно спросила Ксирис.

– Это не есть с вас большой и хороший о'кей, – подтвердил лорд Айшир. – Совсем не о'кей, товарищ первый секретарь обкома! – убежденно повторил банкир.

Ельцин слил четыре стакана в один и проглотил залпом.

– Борис Николаевич, дама ждет ответа, – нежно напомнила ему Ксирис, чьи глаза снова приобрели обычный размер, и коснулась пальчиками его левой руки – того места, где вместо пальцев у него были белесые шрамы, покрытые пигментными пятнами.

– Как тебе ответить, красавица. Так... болтали про этого попа, – проговорил президент, чувствуя, как по жилам поползло долгожданное алкогольное тепло.

Но это был какой-то необычный виски, такую марку он еще не пробовал. Ожидаемой хмельной волны не последовало. Ельцина охватывало какое-то приятное оцепенение. Ему вдруг стало все нравиться. Он увидел всех гостей сразу одновременно и каждого в отдельности. Какая-то способность открылась в нем – видеть всех на лужайке одновременно и слышать одновременно всех и в то же время – каждого в отдельности. Он понял, что хорошо, оказывается, знает и английский, и немецкий и греческий языки и еврейский тоже. Хотя пять минут назад он знал только «гутен морген» и «гуд бай». Проспиртованный мозг Ельцина, тем не менее, дал сигнал: «Пьянеешь. Нельзя смешивать виски с шампанским». Но Ельцин отмахнулся: «Ну и что? Хорошо ведь. И ведь я не Ельцин вовсе. Я, наверное, Бог для них всех, я их всех слышу, вижу, понимаю. Я что хочу, то с ними и сделаю. Какие же все хорошие ребята – и Билл, и Яшка, и девка эта, Ксюшка, люблю я их всех!..»

Он покачнулся и прислонился к Ксирис. Она оказалась на удивление крепкой бабешкой и едва заметным, но сильным толчком локтя вернула Ельцина в вертикальное положение.

– Я о доме Ипатьева. И расстреле государя императора, – напомнила Ксирис.

– Андропов, – откашлялся Ельцин, – Андропов, памаш, тогда решил взорвать евонный дом... Он тогда уже плохо соображал. У него был кардиостимулятор.

Яков Исидорович, лорд Айшир, удивленно глянул на президента.

– Со стимулятором ходил Брежнев, а не Андропов, милый вы мой Борис Николаевич! – улыбнулась Ксения Ксирис.

– Да, правильно, – согласился Ельцин. – Со стимулятором ходил Брежнев, а решал все Андропов.

Взгляд Ксирис затуманился. Ельцин снова поманил пальцем официанта, у которого был такой странный виски с таким необычным вкусом. Но тут как черт из табакерки, откуда-то выскочил Коржаков.

– Хватит, Борис Николаевич, – шепнул он. – Нам скоро на самолет.

– Пошел вон в будку, пес! – ласково приказал Ельцин. – И не лезь под царскую руку – можешь без башки остаться!

Лицо Коржакова залилось краской. Он застыл на несколько секунд. За это время официант успел наполнить стакан президенту, а Ельцин – выпить. После чего у президента ничего отшибло память.

Он помнил только, как продолжал любезничать с Ксирис, как на прощанье щупал ее резиновые ягодицы, хотя Коржаков указывал ему на камеры слежения. Потом все смеялись остротам отошедшего от обиды Коржакова и внимательно слушали Гольдмана, говорившего что-то короткое, но очень важное; Ксения при этом кивала молча головой, а потом тоже говорила о чем-то страшно интересном и остро-таинственном. После чего Ельцин сказал: «Наше слово твердое, царское». И что еще? Ах, да: «Похороним царя-батюшку с почестями». Потом

подошел какой-то длинный мужик в очках. Кажется, это был Клаус Кинкель, министр иностранных дел Германии. Ему Ельцин пообещал восстановить республику немцев Поволжья, а тем, кто не захочет жить в республике, построить дома в Питере и в Москве или в окрестностях обеих столиц. Построить компактно, чтобы каждая такая стройка стала отдельным населенным пунктом только для немцев, вроде Кукуевой слободы, которая существовала еще при Петре Первом. Ельцин ему все пообещал, пожал Кинкелю руку. Тот уже повернулся, чтобы отчалить, но Ельцин догнал его и снова несколько раз пожал колбаснику руку, повторяя: «Наше слово царское, верное». И еще что-то пообещал... Что? Ну?! Никак не вспомнить...

...Коржаков продолжал ему рассказывать о русском золоте, попавшем в ту или иную страну, но Ельцин уже его не слушал. Дремотное оцепенение овладело им, и он на несколько минут заснул с открытыми глазами. Потом вздрогнул, пришел в себя и спросил:

– А вот то, государственное золото? Которое в Англии?

– Горбачев говорил о нем с Тэтчер еще в девяносто первом, – ответил Коржаков. – Кажется, он хотел отдать или уже отдал его за ленд-лиз. Надо уточнить.

– Такую прорву рыжя за тушенку? – изумился Ельцин. – Не поверю. Наверное, захпал себе. Украл, можно сказать, у государства, чтобы бриллианты Райке оплачивать.

Коржаков подумал.

– Вообще-то говоря, Горбачева можно судить и посадить лет на десять. За превышение полномочий. Он не имел права в любом случае распоряжаться этим золотом самолично. Так что отправить его по этапу за это – проще простого.

– На кой черт он мне сейчас такой нужен? – проворчал Ельцин. – Дырявый мешок с дерьмом. Вот если бы эта информация попала ко мне в восемьдесят девятом или хотя бы в девяностом году... Тогда бы я сделал из него пиццу-хат¹¹! Он бы у меня живо стал государственным преступником. Вором.

– Так и теперь не поздно, – сказал Коржаков.

– Поздно, – возразил Ельцин. – Только вонь пойдет на весь свет, всех зальет своим словесным поносом. А что эта Ксенька хотела?

– Ксирис? Сказала, что Романовы хотят вступить в наследство.

– Так пусть идут и вступают, – разрешил Ельцин.

Коржаков вздохнул.

– Давайте я вам еще чаю налью... Им нужны свидетельства о смерти царской семьи. И доказательства того, что их действительно расстреляли в доме Ипатьева.

Ельцин, как до него Горбачев, удивился.

– Зачем? Ведь расстреляли же! Есть документы, есть или еще совсем недавно были свидетели. Помню, был такой комендант дома Ипатьева... Юровский... как его? Яков.

– Янкель, – подсказал Коржаков.

– Врешь! – рассердился Ельцин. – Яков его звали, точно помню! Вы теперь всех, кто в царя стрелял, хотите сделать евреями. Ты что – антисемит? Так сразу и скажи! Я, может, тоже антисемит. Можешь от меня не таиться.

– Я не антисемит, – хохотнул Коржаков. – Но Юровский действительно был евреем. Правда, он потом лютеранство принял.

– Значит, уже не еврей! – заключил Ельцин. – Соображать же надо! Вон теперь Ленина, кровавого тирана и деспота, евреем делают... Ну, был дед у него по матери – Бланк. Православный человек. Дмитрий Федорович. Русский. Хотя родился в еврейской семье. К тому же, он был *дедом* Ленина! А бабка его была шведка! А еврейство передается по материнской

¹¹ Президент СССР Горбачев снимался в американских рекламных роликах и рекламировал пиццу-хат.

линии. Так что твой Ленин по-еврейски получается швед. Потому что мать его, по еврейскому закону, получается шведка. А?!

Коржаков был потрясен точным знанием вопроса, которое продемонстрировал босс.

– В самом деле, – удивился Коржаков. – В голову не приходило. – Много чего тебе в голову не приходит... – проворчал президент. – Так что Якова Михайловича Юровского мы знаем – революционера, атеиста, бывшего лютеранина... Он Николашку и убивал.

– Вы так тогда и сказали.

– Кому?

– Ксеньке этой сказали и Гольдману.

– В самом деле? – удивился Ельцин. – Не помню. А почему я ничего не помню?

– Не знаю, Борис Николаевич. Может, вам, действительно, в виски какую-нибудь дрянь подмешали. Хотя невероятно – зачем?

– А чтоб сговорчивей был.

И он погрузился в тяжело-злое молчание.

– Им что – мало свидетельств тех, кто расстреливал? – после небольшого раздумья спросил Ельцин.

– Мало, – подтвердил Коржаков. – Они не верят ни Юровскому, ни его поделщикам.

– А кости? Их же нашел этот... ну помощник Щелокова. Имя у него... менделеевское. Ну – из таблицы Менделеева. Уран, что ли? Или Галлий?

– Гелий, – подсказал Коржаков. – Гелий Рябов. Да. Это он раскопал могилу.

– И разве кто-нибудь сомневается?

– У нас никто не сомневается. Почти никто, – уточнил Коржаков. – А за бугром, кстати, и среди Романовых тоже, сомневающих хренова куча. Им нужны доказательства на уровне правительства.

– И что?

– И вы сказали: «Аксинья, для тебя я все правительство расстреляю, как депутатов в девяносто третьем, если оно не сделает мне доказательства».

– Ну, уж так и сказал! – недоверчиво протянул Ельцин.

– В общем, крепко пообещали.

Ельцин задумался.

– А что Гольдман? Ему чего надо было?

– Так ведь он заместитель управляющего банком, где лежит золото.

– А немец зачем приходил? – продолжал допытываться Ельцин. – Помню, он хотел куеву слободу для наших немцев построить.

– Кукуеву, – поправил Коржаков.

– Я и говорю – куеву! – отрезал Ельцин. – А больше ничего? Это Кинкель был? Да?

– Кинкель, – подтвердил Коржаков. – Его привел Гольдман и сказал...

– Заткнись! – оборвал его Ельцин. – Помню, что он сказал!..

Коржаков озадаченно умолк. Действительно ли у хозяина отшибает память или он притворяется? Разыгрывает его? А зачем?

Но Ельцин и в самом деле неожиданно почти все вспомнил. Страх и злость смыли муть с памяти. Да, бывшего министра иностранных дел Германии Клауса Кинкеля, который настолько люто ненавидит Россию, что и не пытается это скрывать, привел Гольдман. Точнее, поманил Кинкеля пальцем. И антисемит Кинкель прибежал козликом. И заявил, что правительство Германии является аффилированным совладельцем банка «Бэринг-бронзерс-банк оф Лондон». И поэтому он вместе с Гольдманом, уважаемым в Германии предпринимателем, может дать гарантии Ельцину, что проценты от романовского золота – а это практически около четырех тонн дополнительно – будут обращены в пользу тех организаций или частных лиц, на которых укажет президент великой России. Но еще больше величину страны послу-

жит всего один шаг, который весь мир ждет от России. Всего одно, в общем-то, пустяковое решение.

– Какое такое решение? – спросил Ельцин, пребывая в алкогольно-наркотической эйфории.

– Не продавать Кипру и тем более Милошевичу С-300. Вы получите больше от банка «Бэринг-бразерс», – нагло улыбнулся Кинкель.

– Балканы, значит, хотите захватить снова, – кивнул Ельцин. – Давно вас там не было! С сорок пятого года, с девятого мая... Сразу все хотите схавать, одним куском. Не подавитесь?

– Что вы, герр президент! Ни в коем случае, – успокоил его долговязый Кинкель. – Германия готова дополнительно выделить два миллиарда марок на строительство жилья для ваших военнослужащих, от которых мы, наконец, избавились.

– Два? – переспросил Ельцин.

– Два с половиной, – уточнил Кинкель. – Заказ на строительство мы разместим у тех фирм или частных предприятий, на которые укажете вы, герр резидент.

Герр президент подумал.

– Я еще пока русский президент, а не ваш резидент.

– Не важно, – нагло заверил Кинкель. – Не сегодня – так завтра будете.

– А ты что скажешь, Аксинья?

Ксирис отступила от Ельцина на шаг и заявила, пытаясь заглянуть в глубину его зрачков, залитых пьяной мутью.

– Соглашайтесь, Борис Николаевич, – сказала она. – Хорошее предложение. Хорошая сделка. Такую выпускать из рук нельзя – могут предложить другому.

– Ну что не сделаешь ради хорошенькой мордашки. Считай – сговорились. Но дойч-марки надо будет перевести на этой неделе.

– В Россию? – спросил Кинкель.

Ельцин задумался.

Он молчал. Кинкель и Гольдман внимательно ждали, что он скажет. Искорки эйфории приятно покалывали Ельцину головной мозг.

– Да не бойтесь, не в Югославию, не Милошевичу! – захохотал он.

– А мы и не боимся, – спокойно ответил Гольдман.

– То-то! Потом скажу...

Посидев в кресле еще полчаса, Ельцин приказал Коржакову:

– Вези домой.

Тяжело поднялся с кресла и, пошатываясь, побрел к двери. Он был совершенно без сил.

До операции «Решительная сила», в ходе которой самолеты Германии, Англии и США при молчаливом участии Ельцина уничтожили сотни тысяч мирных сербов и албанцев, разрушили десятки тысяч жилых домов, школ, больниц, родильных домов, вывели из строя энергосистему Сербии, разбомбили ее химические заводы и отравили Дунай, оставалось меньше двух лет.

Погибающие сербы, у которых не осталось в этом мире никаких надежд на спасение, кроме как на Россию, вновь попросят С-300. На что премьер Черномырдин скажет:

– Что-о-о? Еще чего! Сегодня им С-300 подавай! А завтра еще что потребуют!.. Пусть и не мечтают. Обойдутся.

Так правители «демократической» России станут соучастниками кровавого преступления, совершенного международной террористической организацией под названием НАТО, переплюнувшей злодеяния гитлеровских СС.

6. ГЛАС ВОПИЮЩЕГО

*Его Императорскому Величеству
от В. Кн. Александра Михайловича
25 декабря 1916-4 февраля 1917 гг.¹²*

Дорогой Ники!

Тебе угодно было, 22-го декабря, дать мне высказать мое мнение по известному вопросу, и попутно пришлось затронуть почти все вопросы, которые волнуют нас; я просил разрешения говорить как на духу, и Ты дал мне его.

Я считаю, что, после всего мною сказанного, я обязан говорить дальше: – Ты невольно мог подумать, слушая меня: ему легко говорить, а каково мне, который должен разбираться в существующем хаосе и принимать те или другие меры и решения, подсказываемые мне с разных сторон. – Ты должен понимать, что я, как и все болящие душой за все происходящее, часто задавал себе вопрос: что бы я сделал на Твоем месте; и вот я хочу Тебе передать то, что мне подсказывает душа, которая, я убежден, говорит верно.

Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством, свободным и способным самостоятельно развиваться и расти¹³, или подчиниться германскому безбожному кулаку, – все это чувствуют: кто разумом, кто сердцем, кто душой, и вот причина, почему все, за исключением трусов и врагов своей родины, отдают свои жизни и все достояние для достижения этой цели. – ¹⁴ И вот, в это святое время, когда мы все, так сказать, держим испытание на звание человека, в его высшем понимании, как христианина, какие то силы внутри России ведут Тебя и, следовательно, Россию к неминуемой гибели. – Я говорю: Тебя и Россию, вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может, но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может: это надо раз навсегда себе усвоить и, следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо; я говорю: палат, потому что существующие механизмы далеко несовершенны и не ответственны, а они должны быть таковыми и нести перед народом всю тяжесть ответственности; немыслимо существующее положение, когда вся ответственность лежит на Тебе и на Тебе одном. Чего хочет народ и общество? Очень немногого – власть (я не говорю избитые, ничего незначащие слова: твердую или крепкую власть, потому что слабая власть это не власть) разумную, идущую на встречу нуждам народным, и возможность жить свободно и давать жить свободно другим. Разумная власть должна состоять из лиц первым делом чистых, либеральных и преданных монархическому принципу, отнюдь не правых или, что еще хуже, крайне правых, так как для этой категории лиц, понятие о власти заключается: «править при помощи полиции, не давать свободного развития общественным силам и давать волю нашему никуда негодному, в большинстве случаев, духовенству».

Председателем совета министров должно быть лицо, которому Ты вполне доверяешь; он выбирает себе и ответствен за всех других министров, все они вместе должны составлять одну голову, один разум и одну волю, и каждый по своей специальности проводит общую политику, а не свою, как это мы видим теперь; ни один министр не имеет права высказывать Тебе свои взгляды на общую политику, – он является докладчиком по своей узкой специаль-

¹² «Сандро» – дядя Николая II и муж его сестры Вел. Кн. Ксении, почти ровесник – был лучшим другом императора. Текст приводится без изменений, со всеми грамматическими погрешностями.

¹³ Так в тексте (Ред.).

¹⁴ Этот бессмысленный знак автор письма применяет, как хочет.

ности; если же Ты хочешь услышать их мнение по общим вопросам, то таковое они могут высказывать только в совете министров, под Твоим личным председательством; при министерстве объединенном трудно ожидать, чтобы Ты услышал противоречия в их мнениях, но оттенки, в связи с делом порученным каждому из них, конечно, могут быть, и необходимо, чтобы Ты их слышал. Я принципиально против, так называемого, ответственного министерства, т. е. ответственного перед думой; этого допускать не следует, надо помнить, что парламентская жизнь у нас в самом зародыше, – при самых лучших намерениях тщеславие, желание власти и почета, будут играть не последнюю роль, и, главное, при непонимании парламентского строя, личной зависти и проч. человеческих недостатках министры будут меняться даже чаще чем теперь, хотя это и трудно. Как председатель, так и все министры должны быть выбраны из числа лиц, пользующихся доверием страны и деятельность которых общеизвестна (конечно не исключаются и члены думы). Такое министерство встретит общее сочувствие всех благомыслящих кругов; оно должно представить Тебе подробную программу тех мер, которые должны проводиться в связи с главной задачей момента, т. е. победы над германцами, и включить те реформы, которые могут проводиться попутно, без вреда для главной цели, и которых ждет страна. Программа эта, после одобрения Тобой, должна быть представлена думе и государственному совету, которые, вне сомнения, ее одобрят и дадут полную свою поддержку, без которой работа правительства невозможна; затем, опираясь на одобрение палат и став твердой ногой, и чувствуя за собой поддержку страны, всякие попытки со стороны левых элементов должны быть подавляемы, с чем, я не сомневаюсь, справится сама дума; если же нет, то дума должна быть распущена, и такой роспуск думы будет страной приветствоваться.

Главное условие, чтобы раз установленная программа ни в коем случае не менялась, и правительство должно быть уверено, что никакие побочные влияния на Тебя повлиять не могут, и что Ты всей своей неограниченной властью будешь свое же правительство поддерживать. Теперь замечается как раз обратное: – ни один министр не может отвечать за следующий день, все разрознены; министрами назначаются люди со стороны, которые никаким доверием не пользуются и, вероятно, сами удивляются, что попадают в министры, но так как людей честных вообще мало, то у них не хватает смелости сознаться перед Тобой, что они не способны занимать посты, на которые назначаются, и что их назначение для общего дела приносит только вред, их поступки граничат с преступлением.

1 Января 1917 г.

– Первую часть письма писал в вагоне по пути в Киев, – до сегодняшнего дня был так занят, что не было свободной минуты. Состоявшиеся с тех пор назначения, показывают, что Ты окончательно решил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрез с желаниями всех Твоих верноподданных; эта политика только на руку левым элементам, для которых положение «чем хуже, тем лучше», составляет главную задачу; так как недовольство растет, начинает пошатываться даже монархический принцип, и отстаивающие идею, что Россия без царя существовать не может, не имеют почвы под ногами, так как факты развала и произвола налицо; продолжаться так долго такое положение не может; опять повторяю: нельзя править страной не прислушиваясь к голосу народному, не идя навстречу его нуждам, не считая его способным иметь собственное мнение, не желая признавать, что народ свои нужды сам понимает. Сколько ни думал, не могу понять с чем Ты и Твои советники борются, чего добиваются. Я имел два продолжительных разговора с Протопоповым¹⁵: он все время говорил о крепкой власти, о недопустимости уступок общественному мнению, о том, что земский и городской союзы, а также военнопромышленные комитеты суть органи-

¹⁵ Премьер-министр.

зации революционные; если бы его слова отвечали истине, то спасения нет, но, к счастью, это не так, и конечно, нельзя отрицать, что в этих организациях существуют левые, но ведь масса не революционна, – и вот мерами запрещений, разных стеснений и подозрений искусственно толкают нетвердых в своих убеждениях людей в лагерь левых.

Можно подумать, что какая то невидимая рука направляет всю политику так, чтобы победа стала немыслима. Тот же Протопопов мне говорил, что можно опереться на промышленные круги, на капитал; какая ошибка! Во первых он забывает, что почти весь капитал находится в руках иностранцев и евреев, для которых крушение монархии желательно, – тогда не будет препятствия для их хищнических appetитов, а затем наше купечество ведь не то, что было прежде; достаточно вспомнить 1905 год.

Когда подумаешь, что Ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, чего она жаждет, т. е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума как один человек пошла бы за таким правительством, что произошел бы громадный подъем всех сил народных, а, следовательно, и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы Ты доверял, но людям, понимающим положение, а не таким, которые только подлаживаются под что-то непонятное.

– 25 января:

Как видишь прошел месяц, а письмо мое я еще не послал, все надеялся, что Ты пойдешь по пути, который Тебе указывают люди верные Тебе и любящие Россию не за страх, а за совесть. Но события показывают, что Твои советники продолжают вести Россию и Тебя к верной гибели; при таких условиях молчать является преступным перед Богом, Тобой и Россией.

Недовольство растет с большой быстротой и чем дальше, тем шире становится пропасть между Тобой и Твоим народом. – Когда я говорю: народом, я понимаю в смысле тех, которые понимают нужды народные, а не тех, которые представляют из себя стадо, которое пойдет за человеком с умеющим увлечь толпу. Между тем народ Тебя любит и глубоко верит в достижимость полной победы и внутреннего устройства без всяких потрясений, но при условии существования правительства, состоящего из лиц чистых и пользующихся доверием страны; без этого нет надежды на спасение Престола и, следовательно, Родины.

Посмотри, что делается в союзных нам странах: править государствами призваны самые способные люди, без различия их убеждений; ведь все сознают, что в минуту, когда решается судьба мира, когда от победоносного окончания войны той или другой стороны, зависит самое свободное существование целых государств, что в такую минуту нет места ни личным симпатиям, ни интересам тех или других партий, есть одно, – призыв всех наиболее способных людей к делу спасения родины, именно: к спасению родины; вопрос ведь в самом бытии России, как великой могущественной державы. Ведь никогда в истории Российского государства не было более благоприятных политических условий: с нами наш бывший исконный враг Англия, недавний – Япония и все другие государства, которые видят и чувствуют всю силу нашу и в то же время присутствуют при совершенно необъяснимом явлении, нашем полном внутреннем нестроении, которое с каждым днем ухудшается, и видят, что не лучшие, а худшие силы правят Россией в такой момент, когда ошибки сделанные сегодня, отразятся на всей истории нашей, и они невольно начинают в нас сомневаться: они видят, что Россия собственных своих интересов и задач не создает, т. е. скорее не Россия, а те, которые ею правят.

Такое положение продолжаться не может. Ты, вероятно, читал обращение к Тебе новгородского дворянства; ведь так можно говорить только тогда, когда глубоко сознаешь ту

пропасть, на краю которой мы стоим, и уверяю Тебя, что все Тебе истинно верные люди именно так и думают. Приходишь в полное отчаяние, что Ты не хочешь внять голосам тех, которые знают, в каком положении находится Россия, и советуют принять меры, которые должны вывести нас из хаоса, в котором мы все сегодня находимся.

Ты, вероятно, думаешь, что те меры, которые принимает правительство, выведут Россию на светлый путь, на путь победы и полного возрождения, и считаешь, что мы все, которые держимся обратного мнения, заблуждаемся, но ведь для проверки оглянись назад и сравни положение России в начале войны и сегодня, – неужели это сравнение не может убедить Тебя, на чьей стороне правда? В заключение скажу, что как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу.

Твой верный
(подпись).

7. ОТЪЕЗД ИЗ ЦАРСКОГО СЕЛА

МИНИСТР иностранных дел Терещенко растерянно держал в руках телеграмму, которую ему вручил посол Великобритании лорд Бьюкенен. Он прочел текст еще раз, медленно осознавая смысл документа, пришедшего из Лондона и подписанного главой форин-офиса лордом Бальфуrom.

«Петроград. Посольство Соединенного Королевства, лорду Бьюкенену. Необходимо срочно довести до сведения соответствующих полномочных лиц российского Временного правительства информацию о том, что Его Королевское Величество Георг V и Королевское правительство больше не настаивают на переезде в Великобританию дезавуированного российского императора Николая и его семьи. Бальфур».

– Что это значит? – изумленно уставился на посла Терещенко. – Я, как и его превосходительство лорд Бальфур, тоже являюсь министром иностранных дел и обязан понимать язык дипломатии. Надеюсь, что в определенной степени понимаю. Но... может быть, текст носит... э-э-э... конспирологический характер, и я должен толковать его как-то по-иному?

Лорд Бьюкенен отвечал, что текст надо понимать буквально, не пытаясь искать в нем иной смысл. Путь в Англию Романовым закрыт. Их там не примут.

– Некоторые видные представители наших вигов¹⁶, – добавил Бьюкенен, – считают даже, что переезд Романовых в Англию возбудит общественное мнение и даже может вызвать народные волнения, особенно, среди рабочих. У нас, к сожалению, многие знают и помнят ваше 9 января 1905 года и тоже именуют этот прискорбный эксцесс «Кровавым воскресеньем». Пресса пишет, что приезд Романовых нанесет большой вред интересам Великобритании. Но и некоторые влиятельные лидеры тори¹⁷ тоже высказываются против приезда Романовых: Россия оставила нас один на один с немцами. И виноват в этом бывший царь, вина его непростительна, потому что теперь подданных Ее Величества погибнет больше, чем правительство рассчитывало поначалу.

– Ваше превосходительство! Как вы можете такое утверждать? Никто вас еще не оставлял немцам! По крайней мере, на сегодняшний день, – с нескрываемой обидой возразил

¹⁶ Лейбористы.

¹⁷ Консерваторы.

Терещенко. – И не собирается. Мало того, скажу вам по секрету: мы готовимся к решительному наступлению по всей линии фронта, и это произойдет раньше, чем вы можете ожидать. Но куда же теперь деваться Романовым? А дети? А цесаревич Алексей? Это же смертельно больной ребенок, он может скончаться в любой час, в любую минуту!

Бьюкенен, как и положено дипломату, промолчал, улыбаясь приветливо, добродушно и даже несколько сочувственно.

В последнее время ему уже не в первый раз приходилось вгонять высокопоставленных собеседников в настоящий английский шокинг (с некоторыми местными особенностями). На исходе прошлого года накануне Рождества он неожиданно потребовал срочную аудиенцию у царя. И, даже не потрудившись облечь свои слова в дипломатическую упаковку, тем более в отношении равноправного военного союзника, посол открытым текстом заявил императору: Николай II должен немедленно и решительно изменить государственное устройство России.

Николай застыл как соляной столб. «Состояние грогги. Ничего не понимает, – удовлетворенно отметил Бьюкенен. – Это его бородатый father¹⁸ мог самоуверенно заявлять, что Европа должна ждать, пока русский царь ловит рыбу! Да, джентльменом Александр III никогда не был. А вот сын не способен быть *не* джентльменом...»

– Вы должны, Ваше величество, вернуть к себе доверие вашего народа. И немедленно. Времени у вас очень мало. Можно сказать, его совсем у вас нет. Никто не даст вам гарантий, что вы продержитесь на престоле дольше года, – уточнил Бьюкенен.

Николай не поверил своим ушам. «Что такое? Сон? Если да, то довольно глупый...»

– Вы... Вы, господин посол... – попытался спросить император. – Вы... что же – поучаете меня?

– Отнюдь нет, Ваше величество, – слегка поклонился Бьюкенен. – Понимаю, что подобные советы и высказывания от лица, находящегося в моем статусе, воспринимаются несколько странно. Точнее, непривычно. Моя задача очень скромная: проинформировать вас, как в действительности обстоят дела во вверенной вам Господом великой Империи. Правительство Его Величества полагает, что российские государственные лица не обо всем докладывают вам всей правды – по разным причинам. И считает необходимым напомнить, что Господне доверие и людское терпение не могут быть бесконечными...

– Какова наглость!.. – прошептал Николай по-русски.

– Простите, Ваше величество? – поднял брови Бьюкенен.

– Ничего, ничего... Продолжайте, – сухо произнес Николай.

– И только исключительно чувство бесконечной дружбы к вашей великой стране и, разумеется, к вам лично, заставляет меня несколько перейти границы посольских полномочий и сказать вам то, что следовало сообщить еще несколько лет назад. Повторяю, дом горит, огонь добрался до крыши. Водой его уже не залить – нужно разбирать здание по бревнам и потом строить заново. То есть, я хочу сказать, что нужно полностью, радикально менять государственное устройство! Я не могу взять на себя смелость давать какие-либо конкретные инструкции или хотя бы рекомендации, но убежден, что единственно спасительным вариантом для вас мог бы быть пример Великобритании – единственной на планете империи, где трехсотлетний опыт гармонического сочетания монархии и представительной власти может послужить плодотворным примером для других стран. Я имею в виду, конечно, цивилизованные страны. Многие в моей стране полагают, что Россия вполне могла бы стать таковой.

Николай слушал посла, крепко сжав губы. Левое веко у него мелко дергалось, но он больше ничем не выдавал своих чувств. Переживал он обиду и возмущение оттого, что *и*

¹⁸ Папаша (англ.).

этот взялся его поучать. Но даже и близко в его голову не пришло спросить себя, отчего посол чужой державы разговаривает с российским императором, как с каким-то негритянским племенным вождем. Если бы государственные дела действительно были у Николая на первом месте в жизни, как и должно быть у нормального главы государства, он бы сразу понял, что Англия, а, скорее всего, и вся Антанта устами Бьюкенена только что поставила ему ультиматум. Нет, не ультиматум. Ему только что был зачитан смертный приговор, который не может быть никогда и нигде обжалован. Он сообразил все это гораздо позже, уже после отречения, вспомнив эту унижительную беседу. Но, пытаясь доискаться до причин катастрофы, царь никогда не будет искать их в себе¹⁹. Два ответа у него были на все: «Такова Божья воля» и «Мне просто не повезло – судьба не послала мне своего кардинала Ришелье».

И в том и другом случае Николай был неискренен даже по отношению к самому себе: судьба посылала ему, по крайней мере, трех ярких и способных людей: Бунге, Витте и Столыпин. Однако он распорядился их службой на редкость бездарно.

Нынче Николая разозлил лишь тон, который позволил себе Бьюкенен. Но уже через пять минут император решил, что Бьюкенену в тот момент просто изменило его британское воспитание. Или же англичанин простудился.

Более двух десятков лет Николай находился на троне, но так и не смог избавиться от почти постоянного, тщательно скрываемого внутреннего страха, словно гимназист, не выучивший урок. Но в то же время не терял надежды, что учитель завтра не вызовет его к доске. Государственными делами заниматься он не любил и не хотел. И потому он никогда так и не узнал и даже не подозревал, разумеется, что в правительстве Георга V, его милого кузена Джорджи, с 1905 года постоянно и квалифицированно отслеживали динамику государственного кризиса в России – его пики, падения и периоды стабилизации – и только ждали наиболее удобного момента, чтобы запустить механизм государственного переворота.

В Лондоне хорошо видели и понимали, что к концу 1916 года кризис власти и управления в России будет обостряться по катастрофической экспоненте. Англичане сделали правильный вывод: в самое ближайшее время – через шесть-восемь месяцев, максимум через десять – произойдет одно из величайших мировых событий: завершится история Российской империи. Падение династии Романовых неизбежно. После чего начнется необратимый распад громадного государства, что гарантирует противнику, странам Тройственного союза, триумфальную победу на Востоке, которая автоматически обеспечит им такую же победу на Западе. Разгром Антанты станет вопросом дней, в лучшем случае – недель. Без России, без ее огромных и дешевых человеческих ресурсов ни Англия, ни Франция, ни все ее союзники, начиная с Северо-Американских Штатов, воевать не способны. Терять Россию нельзя при любых обстоятельствах – это был вопрос жизни или смерти половины цивилизованного мира.

Поэтому на Даунинг-стрит, дом № 10, где на служебной квартире живет премьер-министр Великобритании, еще в пятнадцатом году был предусмотрительно разработан план «встречного пожара». В нем были прописаны две задачи сугубо технологического свойства. Первая – «отчуждение русского императора от реальной власти», то есть самое обычное свержение. Вторая – формирование в России правительства «войны до победного конца». Новое правительство подтвердит верность русских союзническому долгу и готовность и дальше заваливать немцев и австрийцев миллионами русских трупов, до тех пор пока не Германия и ее союзники, погребенные под ними, не задохнутся. Так что визит и

¹⁹ Через двадцать лет выдающийся британский историк Арнольд Тойнби в своем фундаментальном труде «Исследование истории (Study of History)» сформулирует следующий вывод, имеющий всеобщее значение: «Причиной крушения любой империи в конечном итоге являются самоубийственные действия правителя».

советы Бьюкенена были предупреждением от партнеров, сидящих с Николаем в одной лодке в открытом океане и терпящих голод: сообщаем честно, что завтра придется тебя съесть. Так сложилось. Намеченная к съедению жертва все слышит, звуки речи воспринимает, но понять что-либо пока не в состоянии.

– «Вернуть доверие русского народа!» – повторил Николай. – А вам не кажется, милорд, что сначала русский народ должен заслужить мое доверие?

Бьюкенен ответил ему улыбкой авгура:

– Вы, безусловно, правы: желательно и то, и другое вместе. Но делать придется то, что еще возможно сделать. И не завтра, а уже сегодня. Потому что завтра будет поздно. И нехорошо, – заявил англичанин. И добавил по-русски: – Da-da, nje karasho!

Это были немногие русские слова, которые лорд Бьюкенен знал и выговаривал с безупречным произношением. Он был из числа тех редких иностранцев, которые были удостоены звания почетного гражданина Петербурга. Но не считал необходимым знать язык туземцев. Зачем? Обходятся же в разных концах планеты полноценные подданные Соединенного Королевства без знания хинди или бенгали, пушту или африкаанса. Вон даже австралийские аборигены так же, как в свое время американские индейцы, заговорили на языке хозяина, а не наоборот. Русские не могут быть исключением. Скоро и они сменят хозяина, и законы для них будут писать в столице самой могучей империи планеты – в Лондоне.

Николай ничего не предпринял по тем императивным советам Бьюкенена. И теперь сидел под арестом в собственном дворце. А Бьюкенен был награжден одним из высших орденов Британии – орденом Бани.

Теперь обязанности его усложнились. Он контролировал почти каждый шаг демократического Временного правительства, состоящего полностью из приверженцев войны до победного конца. Посол, как и его коллеги в форин-офисе, да и сам Ллойд Джордж, ставший премьером, ни на минуту не сомневался, что *это* правительство России дойдет до конца – до своего собственного уж точно.

Ждать недолго. Поэтому надо спешить, чтобы заставить русских гарантированно и в полном объеме обеспечить театр военных действий поставками пушечного мяса.

– Франция Романова не примет, – угрюмо продолжал размышлять вслух Терещенко. – Не поможет и тень его отца – Александра Третьего, к которому французы, как ни странно, испытывали не только уважение, но и восторг. А вот любовь к Николаю у Франции просыпалась только тогда, когда он посылал русские полки на Западный фронт – на гарантированный убой. И ничего, что Россия, ее армия, испытывает острую нехватку личного состава. Есть вещи поважнее – нашему союзнику, вернее, союзнице, страшно! Немец ее испугал, воевать она с ним боится... Ехать царю в Германию или Австрию? Тоже исключено. Это плен, самый настоящий, военный. По-другому положение бывшего русского императора и его семьи определить будет невозможно. Да и вряд ли Романовы сами согласятся сделать столь замечательный подарок тем, в том числе и моему предшественнику на посту министра иностранных дел гражданину Милюкову, кто объявил царя и царицу изменниками, а персонально Александру Федоровну – личной шпионкой кайзера. Вы, конечно, знаете, что наши идиоты из Государственной Думы даже комиссию создали для поиска и извлечения из земли шпионского телефонного кабеля, проложенного от Царского Села – из кабинета царя в Александровском дворце до Берлина – прямо в кабинет кайзера Вильгельма! Ну, хорошо, это депутаты – им по должности положено быть слабоумными. Но – газеты!.. Но – образованная публика!.. Либералы наши, кадеты и октябристы – европейцы, можно сказать! Поневолле решишь, что они избраны в Думу представителями всех душевнобольных России. Требуя срочно выкопать кабель, предъявить как вещественное доказательство народу, а царя с царицей – в Шлиссельбург, в крепость! Поняли, наконец, наши народные защитники, почему

Россия почти перестала производить патроны и снарядные гильзы: не стало меди, вся медь империи ушла на шпионский кабель!.. – Терещенко хотел плюнуть себе под ноги, но передумал. – Так что получается, что никто нигде несчастных Романовых не ждет! А ведь Англия была бы лучшим вариантом... Тем более, говорят, что и материально, с точки зрения состояния, у Николая Александровича есть там на что опереться... – он тяжело вздохнул.

Посол оставил слова министра без комментариев. Есть, конечно, Романовым на что опереться, – он слышал тоже не раз. Но тема скользкая, двусмысленная и вообще запретная.

Терещенко был совершенно растерян и решительно не знал, что теперь делать. Проводив Бьюкенена до двери, министр велел своему секретарю-машинисту, который в приемной с бешеной скоростью трещал на «ремингтоне», немедленно соединить его с председателем Временного правительства князем Львовым.

– Ваше сиятельство! – сказал он, услышав в трубке басистое и сочное: «Львов на проводе!», но тут же спохватился – титулы в России отменены. Сразу не привыкнуть. – Георгий Евгеньевич, Терещенко беспокоит. Добрый день. Прошу принять меня. Как можно скорее. Имею чрезвычайные сведения из Лондона.

Услышав, о чем речь, председатель заявил, что нужно немедленно созывать кабинет.

Немедленно не получилось. Лишь к двум часам ночи Львову удалось собрать совещание правительства, да и то в половинном составе. В малахитовую столовую Зимнего дворца, кроме Львова и Терещенко, пришли только Керенский, Некрасов и Гучков.

Обсуждение телеграммы Бальфура длилось до четырех утра и переросло в дискуссию. В итоге были выдвинуты два предложения. Первое сформулировал Гучков: судить Николая военно-полевым судом за измену, сиречь, за отказ от исполнения обязанностей главнокомандующего, что в условиях военного времени является дезертирством. И расстрелять изменника в течение двадцати четырех часов. Желательно вместе со всей семьей и другими представителями династии. Она должна исчезнуть навсегда из истории России. Таковы требования революционного момента.

– Постойте, Александр Иванович, – подал густой бас князь Львов. – Какая измена, спаси Боже? Разве не вы с Шульгиным всего несколько месяцев назад уговорили царя отречься от престола, а значит, и оставить пост Главковерха? Воленс-ноленс получается, что и вас с Шульгиным надо судить, – по крайней мере, за подстрекательство к измене. Мне кажется, что вами сейчас просто овладевают известные эмоции. Всем известно ваше... м-м-м... особенное отношение к бывшему государю.

– Нет! Это ошибка... ваша ошибка, князь. Трагическая ошибка! – с жаром возразил полусумасшедший Гучков. – Никаких особенных эмоций в этих обстоятельствах у меня нет и быть не может! Мое отношение к бывшему царю вы знаете – это отношение революционера к реакционеру. И в Могилеве, ваше сиятельство, в Ставке, я и гражданин Шульгин всего лишь описали царю положение в России. Мы просто предоставили ему точную информацию, тем и ограничивались наши полномочия. Однако царь нас потряс. Он был в полном неведении относительно жизни русского народа. Он многого просто не знал. Он не представлял себе вообще, что творится в стране. Он позволил себе быть преступно неосведомленным. Император был так далек от окружающей действительности, словно только вчера свалился с Луны. Но при этом обращаю ваше внимание – окончательное решение об отречении Романов принимал сам. Он и манифест подписал еще до нашего приезда. Потому он и должен нести всю полноту ответственности. Где вы здесь увидели подстрекательство?... Если последовать вашей логике, ваше сиятельство глубокоуважаемый Георгий Евгеньевич, то за подстрекательство нужно расстрелять, прежде всего, всех командующих фронтами и флотами во главе с великим князем Николаем Николаевичем. Ведь это они, а не мы, ультимативно потребовали от Николая немедленного отречения. Еще раз подчеркиваю – все это

тоже состоялось *до нашего прибытия*. Вот как все было! – и Гучков, дико сверкая глазами, стукнул кулаком по малахитовой столешнице.

– Ну да, конечно, гражданин военминистр, – фыркнул Некрасов. – Все знают, как вы со своими однопартийцами готовили покушение на царскую семью еще в девятьсот десятом году... Поезд взорвать на царскосельской ветке! А? Каково? Чем вы в таком случае отличаетесь от эсера и провокатора Азефа?

Гучков принял трагическую позу: десница к небу, шуйца – в сторону Некрасова.

– Как вы можете, гражданин Некрасов? – прошептал он. – Ведь поезд не взорвался! И не надо меня путать с великой княгиней Марией Павловной! Это она приставала с ножом к горлу и ко мне и даже к Родзянке: «Надо немедленно ликвидировать царицу! Немедленно!» Я не знал, куда от нее деваться.

– Неужели? – поразился Львов. – Мария Павловна? «Михень»²⁰?

– Она! Слово чести. Да вот и Родзянко может подтвердить²¹.

Князь Львов поморщился и потер переносицу.

– Мало того, – добавил Гучков. – Великий князь Николай Михайлович уже на второй день после убийства Распутина бегал к Дмитрию Павловичу и к Пуришкевичу и требовал, чтобы второй «убитой «собакой» стала императрица Александра!

– Никогда не поверю! – воскликнул Керенский²².

Гучков только усмехнулся:

– Сочувствую!

Львов тяжело вздохнул, покачал головой и повернулся к Гучкову.

– Ну, хорошо, Александр Иванович, – примирительно сказал он. – Вернемся к нашим баранам. Вы, ваше превосходительство, являетесь военным министром, и вам, без сомнения, известно больше чем нам, простым штатским – шпакам, так сказать, – с иронией добавил он. – Но все-таки... Семейно-то за что?

– Чтобы не оставалось претендентов на престол. Никаких! Никогда! Чтоб не допустить контрреволюции и реставрации. В противном случае мы с вами, князь, вместе с нашими коллегами по правительству на другой же день будем висеть на фонарных столбах вокруг Зимнего дворца. Не знаю только, рядом будем мы висеть или где-нибудь по разным краям Дворцовой площади.

Львов отвернулся от Гучкова, вытащил из жилетного кармана батистовый с кружевами носовой платок, аккуратно высморкался в него и вытер усы и бороду.

– Очевидно, какая-то инфлюэнца подкралась, – извиняющимся тоном пробормотал он.

Эскападу Гучкова он решил оставить без ответа.

Второе предложение внес Керенский. В принципе он считал, что коллега Гучков положительно и неопровержимо прав. Но план Александра Ивановича сейчас преждевременен, он может сильно навредить репутации новой власти. Российская республика, словно младенец, делает свои первые шаги. И начинать с казней первых особ павшего государства в текущий момент нецелесообразно. Кроме того, нужно знать психологию русского народа. В глазах подавляющей части граждан новой республики, правда, пока де-юре не существующей до решения Учредительного собрания, Николай – не только Кровавый. Он вообще никто – пустая и ничтожная личность! Грозным эпитетом «Кровавый» его наградила пресса – с таким же успехом она может назвать зайца кровожадным царем зверей. Николай Романов во время своего царствования даже не заслужил ненависти широких масс, всех сословий – лишь всеобщее презрение. В народе, в среде интеллигенции и даже в некоторых его

²⁰ Так В. Кн. Марию Павловну называли родственники.

²¹ М.В. Родзянко подтверждает этот факт в своих мемуарах (*авт.*).

²² Факт подтверждается личным дневником Великого князя Николая Михайловича.

собственных – царских министерствах... – тут Керенский многозначительно прищурился: – его называли Сусликом. Да-да – всего лишь мелким сусликом! Но ежели Романова сейчас казнить, даже по справедливому приговору революционного суда, то тем мы немедленно превратим монарха-преступника в мученика. А если мы еще и семью спишем в расходную ведомость, то такой сонм мучеников породит по-настоящему кровавую военную диктатуру, вслед за которой неизбежно состоится реставрация династии.

– Но самое главное, – с особенным значением добавил Керенский, – лично я не хочу быть Маратом русской революции. По крайней мере, сегодня. И с полной уверенностью смею полагать, что среди присутствующих коллег и соратников тоже нет желающих стать маратами и робеспьерами. Мы все-таки не варвары – не французы там какие-то или англичане... Для них казнить собственного монарха – все равно, что бокал шампанского выпить или сигару выкурить. Поэтому мое предложение: в Сибирь! И не только царя с женой и детьми, а всех Романовых – великих князей, жен, вдов, княжат... Всех!

– В Сибирь? Но там же полным-полно революционеров! – удивленно отозвался Терещенко.

– И что же? – пожал костлявыми плечами Керенский, повернувшись к Терещенко в профиль. – Пусть царь теперь отправляется туда, куда он еще вчера сам отправлял лучших людей России на каторгу. Пришла его очередь. Это же не моя воля – таков изящный поворот истории! Она неумолимо все движет и расставляет по своим законам. Нам нередко остается им только подчиняться, если мы не в состоянии в какие-то моменты сами творить историю и противопоставить ее законам что-либо более серьезное. Да и в чем, собственно, вопрос? Сибирь велика, революционеры ему докучать не будут, тем более что после амнистии их там уже давно ни одного не осталось. Дадим Николаю достаточную охрану. И сослать его желательно не в Туруханск, а туда, где было наименьшее скопление революционеров, где расселился, в основном, справный сибирский мужик – без крепостнических, но и без монархических мироощущений. Поэтому я предлагаю... – Керенский задумался на секунду, – предлагаю... Тобольск.

Внезапно все замолчали. Через минуту Некрасов хмыкнул:

– Тихий ангел пролетел.

– Скорее, дурак родился, – проворчал Львов.

– А почему не Сахалин? Тамошняя каторга будет потяжелее, если верить репортажам оттуда бывшего графа Льва Толстого, – подал голос Гучков.

– Да потому, милейший вы наш Александр Иванович, – радостно и одновременно снисходительно улыбаясь ему, словно ребенку, ответил Керенский, – что непременно придет время, когда нам понадобится извлекать бывшего императора обратно в столицу. Наверняка придется – вы еще вспомните мое пророчество! Из Сахалина это будет сделать сложнее. И потом, уважаемый Александр Иванович, обращаю ваше драгоценное внимание на то обстоятельство, что от Сахалина до морской границы с Северо-Американскими Штатами всего несколько сотен верст, а там и Аляска рядом. Чужая отныне Аляска, по милости царизма – территория иностранной державы. Но даже не эти обстоятельства являются решающими. На Дальнем Востоке мы сегодня уже, к величайшему сожалению, не хозяева. И Бог весть, станем ли снова ими или придется отдать наши территории всем косоглазым, которые давно на эти земли зарятся. Не удержим. Увы, увы! Придется отдавать. Конечно, лучше всего было бы Дальний Восток и часть Восточной Сибири, а может, и всю Сибирь продать американцам, как это было вовремя сделано с Аляской. Можно бы и японцам. Но какой, простите, дурак из иностранцев станет у нас эти территории покупать, когда сейчас их можно и так взять – без денег... Кстати, прошу меня простить, однако, новеллы о сахалинской каторге писал беллетрист Антон Чехов, а не Лев Толстой. Он, Толстой, конечно, граф, аристократ, и уже в силу своего сословного положения является врагом народа. Но, тем не менее, наша партия

эсеров-трудовиков считает его крупнейшим стихийным революционным вождем, подготовившим крах монархической идеи прежде всего в головах интеллигентной и образованной публики, ставшей, благодаря Толстому, солдатами нашей революционной армии... Метафорической, так сказать, армии, но в то же время вполне реальной.

Гучков поерзал в своем кресле, обитом мягким зеленым, под малахит, сафьяном. Щелчок по носу репортажами Толстого был болезненным, но военный министр резонно решил тему не продолжать.

Львов глубоко вздохнул и оглядел присутствующих:

– Ну что ж, господа, имеются еще предложения? Нет? Значит, решено: Тобольск – до лучших времен! А там будет видно, что делать с Романовыми окончательно, – заключил Львов. – Вот вы, Александр Федорович, и извольте взять на себя деликатную и трудную миссию – известить Романовых об отъезде. На правах председателя, заседание правительства закрываю.

К половине пятого утра Керенский велел подать автомобиль из императорского гаража и направился в Царское Село.

Николай вышел к нему бледный, взволнованный, откашливаясь со сна и застегивая на ходу верхние пуговицы гимнастерки. Глаза его были опухшими, веки отекали, будто с похмелья. Керенский осторожно потянул носом: кто-то из министров, кажется, тот же Гучков, утверждал, что Николай Романов – тайный алкоголик, и было бы чрезвычайно важно для дальнейшего развития освободительного революционного процесса разоблачить бывшего царя. Подтвержденная новость о том, что на российском престоле больше двадцати лет сидел закоренелый алкоголик, способна принести революции в сто раз больше пользы, чем принесло разоблачение Распутина. Однако от царя, к сожалению, алкоголем нисколько не пахло.

– Я к вашим услугам, Александр Федорович, милости прошу... – дрогнувшим голосом сказал Николай, осторожно пожимая Керенскому левую руку. Правую министр держал на весу – на черном платке, перекинутом через шею: рука, как утверждал ее хозяин, совершенно отнялась из-за того, что ему в день приходится дарить до тысячи рукопожатий своим поклонникам. «Нейметса же тебе по ночам, Ааронка! Мятый, небритый, немывтый. С чем пришел?...» Вслух утчиво спросил:

– Чем могу быть полезен, Александр Федорович? Что-нибудь случилось? Есть какие-нибудь новости?

– Да, – загадочно улыбаясь, подтвердил Керенский. – Есть, хотя и немного.

– Слава Богу! Наконец-то! – вырвалось у Николая. – От кузена Джорджи? То есть, простите, от его величества короля Георга? Мы едем в Англию? Вы обещали... И князь Львов тоже. Я бесконечно вам благодарен, Александр Федорович! Вы – человек слова. Я рад убедиться в том, что среди революционеров, слава Богу, есть благородные люди!.. Как же я ошибался, когда думал, что на вашей стороне могут быть одни разрушители и не достойные доверия люди!..

– В самом деле? – удивился Керенский. – Может быть, Николай Александрович, вам вступить в ряды нашей партии²³?

Николай обескуражено уставился на Керенского, не понимая, шутит тот или говорит всерьез. Похоже, не шутит. И потому сохраняя серьезное выражение лица, Николай уважительно сказал:

– Огромное спасибо за предложение... и за доверие. Оно требует максимально ответственного подхода... Но что же из Лондона?

²³ Невероятно, но Керенский действительно делал царю такое предложение (ред.).

– Из Соединенного Королевства каких-либо особых и важных новостей, в прямом толковании этого слова, нет, – соврал Керенский. И сочувственно добавил: – Нет, по крайней мере, тех, что вы ждете. Главная новость моя другая: вам действительно надо ехать. И как можно скорее!

– Так куда же все-таки? В Англию? – с надеждой спросил Николай.

Керенский на несколько секунд задумался и сказал проникновенно и убедительно:

– Видите ли, достопочтенный Николай Александрович, обстановка меняется с каждым днем, точнее даже, – с каждым часом. Что поделаешь – время революционное, великое, неповторимое. На наших глазах происходят величайшие исторические события. Каждая минута – это отлитая в бронзе строка истории великой и свободной России на ее пути полного освобождения от вечных оков. За нами, затаив дыхание, следит весь мир – сложный, запуганный и враждебный. Следит с испугом, даже ненавистью кое-где, но больше всего – с надеждой. У вас, как у бывшего царя, очень много врагов. Кроме меня лично, разумеется! – уточнил Керенский. – Очень плоха обстановка на фронте, хотя и недолго она будет таковой оставаться. Сильно осложняется обстановка внутри России. Словно из ящика Пандоры, открытого невидимой рукой, вырываются на свободу и носятся по стране всевозможные вихри враждебные, как поется в замечательной революционной песне под названием «Варшавянка» (Николай невольно поморщился на «Варшавянку», но постарался тут же вернуть своему лицу выражение обычной доброжелательной невозмутимости). С этими вихрями враждебными временно, до созыва Учредительного собрания, справиться полностью раз и навсегда пока не представляется возможным. Темные силы нас злобно гнетут, увы, – везде, они рядом с нами, они в нас самих! Они маскируются, принимают дружественное обличье, – вот что опаснее и страшнее всего! Кто может быть страшнее волков в овечьих шкурах?! Поэтому... поэтому... поэтому, в конце концов!.. Вам необходимо ради вашей же собственной безопасности немедленно покинуть Царское Село. Вихри! Вы их видите? Вы их распознаете? Вы их чувствуете?!

– Это вы о демонах? – неуверенно спросил Николай.

Керенский вздохнул, укоризненно покачал головой, слово учитель ученику, ответившему на экзамене невпопад, и вытер накатившиеся слезы. Слезу в нужном месте речи Керенский блестяще использовал в качестве хорошо отработанного ораторского приема. Ему уже не надо было ее вызывать искусственно, она, когда требовалось, появлялась сама и всегда в нужный момент.

– Понимаете? Да ведь вы все понимаете! Я вижу! – заявил он и ласково улыбнулся.

– Да... понимаю. Стараюсь, – осторожно подтвердил Николай, но тут же решительно повернул к главному: – Я и моя семья давно готовы. Но куда же? Когда? Ради Бога, Александр Федорович!..

Керенский улыбнулся еще ласковее:

– Вот этого-то я вам пока не скажу, дорогой и глубокочтимый мною Николай Александрович. Ради вашей же безопасности! Могу лишь сообщить, что отъезд назначен через пять дней. А, может быть, и раньше. Вам мой особый, дружеский совет: запасите как можно больше теплых вещей.

– Ах, вот оно что! – разочарованно воскликнул Николай. – Значит, мы едем не на юг!.. Значит, не Ливадия! Но ведь вы были не против... и весь кабинет, все Временное правительство тоже.

Керенский удивленно посмотрел Николаю прямо в зрачки его больших серо-голубых «газельных» глаз.

– Николай Александрович, помилуйте! Вы только подумайте, какая может быть Ливадия в такое-то время! Да вы просто не доедете туда. Железные дороги развалены, захвачены бандами украинских националистов-«незалежников» – так они себя называют, хотя на самом

деле это обычные разбойники, грабители и убийцы. А если бы и доехали... Там ведь вокруг, как у себя дома, хозяйничает германская агентура! Вы уверены, что вражеские агенты не сделают попытки вас с семьей схватить, арестовать, похитить и увезти в Берлин?

– Пусть бы и попытались – всем известно, что никогда не дам на то согласия, – усмехнулся Николай.

Керенский сокрушенно покачал головой.

– Надеюсь, Ваше величество, вы шутите. Никто вашего согласия спрашивать не станет. Но я рад, что присутствие духа не оставляет вас, Николай Александрович, даже в такие трудные для всех нас минуты. Тем не менее, я даже не хочу пытаться сравнивать условия вашего содержания здесь с условиями в Моабите или какой-либо другой берлинской тюрьме.

– Вы так полагаете всерьез? – искренне удивился Николай. – Тюрьма? Вы, в самом деле, допускаете, что Вилли, простите, кайзер Вильгельм пошел бы на такое? Нет, это абсолютно невозможно!

– Даже более чем возможно! – твердо возразил Керенский. – Это произойдет непременно! Наверное! Бесповоротно. Жалеть будет поздно.

Николай вздохнул и замолчал, подкручивая рыжий правый ус. У него опять мелко задергалось левое веко.

– Но почему, почему, почему все-таки не Англия, раз уж не Ливадия? – тихо и грустно еще раз спросил Николай

– А я разве вам сказал, что не Англия? – удивился Керенский. – Я, кажется, вообще ничего не сказал о цели назначения. Не волнуйтесь. Очень скоро вы все узнаете. Могу сказать, что выбрана самая наилучшая цель, и вы еще будете меня потом долго благодарить... Уверен!

На этом Керенский откланялся. Николай, пошатываясь от волнения, пошел в свой кабинет, где он проводил ночи – Временное правительство запретило ему спать вместе с супругой, – и уже не смог закрыть глаз до рассвета. Николаю было разрешено видеться с семьей только в столовой под присмотром охраны и в парке во время прогулок.

Он еле дождался окончания их обычного завтрака – овсянка, омлет, желудевый кофе без молока и без сахара и две чайные ложки клубничного джема на каждого. В парке, улучив момент, когда девочки возились на огороде, поливая капусту, которую они сами же высадили весной на собственноручно разбитых грядках, Николай взялся за спинку кресла-коляски, куда медленно и с трудом забралась жена – ее мучил очередной приступ радикулита, – и медленно укатил ее на боковую аллею.

– Аликс, родная, – взволнованно сообщил он ей вполголоса. – Сегодня ночью, вернее, рано утром у меня был Керенский. В пять часов.

– Едем?! – встрепенулась Александра и тут же застонала от боли в пояснице.

– Да... похоже.

– О, великий Боже! – широко, по-православному перекрестилась Александра. – Он услышал нас! Пароходом?

– Сомневаюсь, – вздохнул Николай. – Керенский крутил все вокруг да около... Говорил намеками и загадками, – он замолчал, увидев, что к ним приближается охранник в студенческой тужурке – вольноопределяющийся Пшекруцкий, бывший казеннокоштный слушатель Политехнического института, откуда его с третьего курса выгнали с волчьим билетом за участие в подпольной террористической организации.

Организация состояла исключительно из студентов польского происхождения. Цель перед собой будущие террористы поставили перед собой всего одну, но серьезную: уничтожение династии Романовых и их близких и дальних родственников решили убивать до тех пор, пока царь не даст Польше свободу и возвратит ей земли, которые Польша захватила

у России почти триста лет назад – еще в Смутное время. Имелись в виду часть Курляндии, вся Белороссия, Галиция, Волынь, Полесье и правобережная Малороссия – от Львова до Киева включительно. Эти территории, населенные в подавляющем большинстве украинцами, белорусами, великороссами, гуцулами, русинами, гагаузами и отчасти мазурами, венграми и литовцами (этнических поляков здесь проживало чуть больше двух процентов), были особенно ценны тем, что веками служили неисчерпаемым резервуаром «быдла» и «хлопов», то есть, попросту говоря, рабов для вельможного шляхетства. За исключением евреев, которые составляли в среднем 35–40 процентов всего населения собственно в Польше. Сконцентрировав в своих руках колоссальные капиталы, они и стали настоящими хозяевами Польши, крепко держа за горло и круля (короля), и сейм, и всю гордую шляхту, у которой вскоре ни в карманах, ни в головах не осталось ничего, кроме фанатерии, плавно перешедшей в общенациональный кретинизм.

С такими довесками русские земли и достались Екатерине II, когда она их снова вернула империи. К возвращенным территориям императрица прикупила за три миллиона ефимков у Швеции и Дании и часть ливонских и курляндских земель вдоль южного побережья Балтийского моря вместе с портовыми городами – Мемелем и Либавой, которые де-юре и по сей день, на 2007 год, являются собственностью России.

Департамент полиции тогда легко обнаружил и разгромил организацию студентов-террористов. Успех был заранее гарантирован, потому что настоящим создателем ее был именно Департамент, который к тому времени довел до совершенства систему провокаций – создавая революционные, антиправительственные структуры, потом их разоблачал, получая награды за верную службу. Тогдашний министр внутренних дел Плеве настаивал, чтобы «польско-студенческих бомбистов» отправили, как минимум, на каторжные работы. Но император решил по-другому, начертав на докладе Плеве: «Каким еще, кроме каторги, может быть справедливое наказание за глупость незрелого юношества, за безответственные слова и речи? Лишить права ученья в Петербурге и Москве, пока не образумятся. Николай».

Знал бы он, кого помиловал! Царю и присниться не могло, что очень скоро судьба столкнет его с одним из «незрелых юношей», который постарается заплатить Николаю по его счетам.

Несостоявшийся студент и террорист, а теперь вольноопределяющийся Пшекруцкий, выходя на службу в парк Александровского дворца, охранял царя собственным способом: ходил след в след за Николаем, почти наступая ему на пятки и, как обезьяна, повторял все его движения, чем вызывал хохот толпы зевак, собирающихся у решетки Александровского парка во время выхода Романовых. Николай, с его мягким и незлобивым характером, долго терпел издевательства, но Пшекруцкий довел его до бешенства. Однажды в разгар забавы Николай резко обернулся и с криком: «Когда прекратишь, наконец, мерзавец!» замахнулся на Пшекруцкого своей кленовой тростью, обитой серебряными мебельными гвоздиками с чеканными шляпками. Еще секунда – и череп шутника раскололся бы, как орех.

В последний миг Николай удержал трость в сантиметре от макушки Пшекруцкого. Тот смертельно побледнел и, словно кенгуру, сделал громадный прыжок вперед – мимо Николая.

– Вы... вы, разжалованный полковник Романов!.. – задыхаясь, крикнул бывший студент, – еще ответите перед революционным трибуналом! За покушение на жизнь ратника революции!..

– Не подходи, мерзавец, – убью! – сквозь стиснутые зубы пообещал Николай.

Весь день он потом не мог прийти в себя. Его непрерывно бил нервная трясучка. И только к ночи, после усердной и горячей молитвы, в которой он в течение двух часов просил прощения у Господа за свою вспышку, Николай сумел, наконец, успокоиться.

С тех пор Пшекруцкий не приближался к арестованным ближе, чем на десять метров. Но Николай каждый раз начинал дрожать от ярости, едва только проклятый поляк показывался на горизонте. Пшекруцкий теперь либо сразу уходил в сторону, либо старался быстро прошмыгнуть мимо. Вот и сейчас, пробегая по аллее мимо Николая и Александры, бывший студент зло крикнул:

– Напоминаю: говорить только по-русски! Вы, Романовы, что – забыли приказ? Революционная власть вам напомним! У нас это быстро!

Николай и Александра тут же перешли с русского на английский язык.

– То, что мы определенно едем не на юг, не в Ливадию – мне совершенно ясно, – сказал Николай. – Керенский велел запастись теплыми вещами.

– Ну, конечно, Англия! – заявила Александра. – Теплые вещи! Значит, повезут не на юг, а на север. Куда же? На Мурманск, больше некуда. Оттуда пароходом через Баренцево море в Лондон. Там холодно. Льды и айсберги.

– Да не такие уж и айсберги в разгар лета, душа моя. И, помнится, наука география утверждает, что в тех краях течет Гольфстрим. Это такое теплое океанское течение, оно смешивается с водами, омывающими берега Англии, Исландии и всей Скандинавии. Поэтому в Англии можно и зимой ходить в шляпках, а в Исландии даже скот на лугах пасется круглый год. Не то, что в нашей бедной России, самой холодной на земле стране.

– Да, до чего же интересно Господь устроил мир! – вздохнула Александра и снова перекрестилась. – Но все-таки теплые вещи нужны и в Англии. Ты ведь помнишь, я прожила долгое время у бабушки – у королевы Виктории...

И они покатили к дочерям, к огороду, откуда слышались радостные торжествующие крики Марии – самой живой и веселой из дочерей. Она обнаружила, что на ее личной полоске земли в капусте брокколи появился первый фиолетовый шарик плода.

– Не приближайтесь! Никто! Приказываю отступить на две мили за линию горизонта. Не заденьте своими грубыми верхними и нижними конечностями первое произведение великого огородника! Не дышите на плод! И на меня не дышите! – кричала она, когда сестры и Алексей бросились на ее визг. – Это мой шедевр. И съем его я лично!

– А как же ваш светлый образ? Не треснет от переедания? – поинтересовалась язвительная Татьяна: Мария, оправившись от болезни, слегка пополнела, и сестры и брат время от времени над ней подшучивали.

– Если у кого и треснет, так это у вас, мадам Язвicka! Причем совершенно в противоположном месте, – обиделась Мария. – Ну ладно, – быстро смягчилась она. – Как поспеет, дам тебе понюхать. Но только один раз. Иначе мне ничего не достанется.

– Машка, а мне? – занял Алексей.

– Заслужишь – получишь.

Голос подала самая старшая – всегда спокойная и рассудительная Ольга.

– Полагаю, – заметила она, – прежде нужно дождаться плодов, а уж потом заниматься дележкой.

– Но я еще ничего не делю, – заявила Мария. – Это Танька вечно лезет со своим ехидством. Это она хочет меня экспроприировать. Стой! Стой! – вдруг закричала она, увидев, что самая младшая, Анастасия, запустила пальцы в капустный куст и ощупывает бархатный шарик. – Отстань! Анка! Испортишь! Загубишь! Я в монастырь уйду!

Анастасия одернула руку.

– Жади́на-говя́дина! Буржуазка! – она поднялась с колен, трянула с них песок, гордо выпрямилась и собралась было с достоинством повернуться спиной к «мелкой буржуазке Машке», как она ее однажды назвала, но в этот момент Алексей скомандовал:

– Равнение направо! Их императорские величества движутся прямым курсом к нам!

Дети оглянулись и увидели, что по дорожке парка к ним приближаются отец и мать. Под колесами материнской каталки трещали неубранные с утра мелкие сосновые сучки, ветки и шишки.

– Пора уже запомнить, юноша бледный со взором горящим, – заметила Татьяна. – Уже полгода как нет ни величеств, ни высочеств. Остались одни только скромные граждане Романовы, не имеющие никаких гражданских прав. Была бы я Керенским, то специально охраняла бы Романовых – как африканских зверей, которых можно время от времени показывать публике и деньги за это брать!

Никто не засмеялся. Дети умолкли, в очередной раз осознав, что жизнь их сломана и, наверное, никогда уже не будет такой счастливой, какой была всего полгода назад. Что будет дальше? Где и как жить? Мать утверждает, на все воля Божья. Да, значит, Бог попустил убийцам отца Григория? Распутин знал, какая ему предназначена участь. Незадолго до убийства он написал отцу письмо. В нем указал: умертвят его до января 1917 года. И если смерть придет от дворян, то не пройдет и двух месяцев, как они сбросят царя с престола и вскоре предадут его и всю семью мученической смерти. Но ежели старец примет смерть от простолюдинов, семье ничего не грозит.

Распутина убили в декабре прошлого года. Убили аристократы, состоявшие с царем в близком родстве. Но покарать убийц отец не посмел – и высший свет, и духовенство, и двор, и думцы словно сошли с ума. «Вчера на набережной Мойки убили собаку!» – с таким восторгом сообщали газеты об убийстве старца. В столице и за ее пределами ликовали так, будто в проруби Малой Невы утопили, еще живым, не божьего человека, который обладал даром пророчества и целительства и которого чудовищно оболгали свет, пресса и полиция. Радовались так, словно убийцы избавили Россию от Батыея накануне его нашествия на Русь. И напрасно Николай твердил о справедливом наказании преступников: «Неужели непонятно? – возмущался царь. – Ведь никому не позволено убивать человека! Должны же быть понятия о справедливости?» При дворе, в свете, в правительстве и в Думе решили, что с ума сошли не они, а царь. Разве старец Григорий – человек? Какая еще «справедливость»? Написал журналист Амфитеатров, что Распутин насиловал царских дочерей, значит, правда. Разве в газетах могут писать неправду²⁴?

Единственное, что смог император, – сослал одного из соучастников великого князя Дмитрия Павловича на Кавказ, а главному организатору и исполнителю убийства князю Юсупову, женатому на племяннице царя, было всего лишь запрещено являться ко двору. Что же касается Пуришкевича, добившего Распутина, и доктора Лазоверта, на которого была возложена почетная обязанность добыть цианистый калий и начинить им пирожные буше, особенно любимые Распутиным, а также кавалергарда Суханова, то он них вообще как-то забыли.

– Ты права, Татьяна, но не совсем, – прервала молчание Ольга. – Мне отец Досифей недавно разъяснил, что сам по себе акт отречения царя от престола, по закону Божьему, ничего не значит. То есть, по людскому, по земному, по суетному и потому преходящему закону, мы, действительно, лишены и титулов, и положения, и имущества. Может быть, мы сегодня самая несчастная семья в России. И не потому, что у нас теперь ничего нет – даже собственной крыши над головой нет! А потому, что степень унижения оказалась слишком велика... – она замолчала, вспомнив недавний отвратительный эпизод, открывший им весь ужас их положения.

Однажды отец вышел в парк на прогулку в сопровождении обер-гофмаршала Долгорукова. Едва они приблизились к решетке ворот, полупьяные солдаты затолкали обратно отца

²⁴ Эта гадостная ложь дошла и до наших дней. Архивный работник Эдвард Радзинский, именующий себя писателем, с удовольствием воспроизвел ее в своей титанической работе «Господи... спаси и умири Россию».

– Помазанника Божьего, неприкосновенного – прикладами ружей и кулаками. Ольга услышала: «Вали отсюда, сатрап кровавый! Не то получишь пулю!»

Отец смертельно побледнел, но, ни слова не говоря, резко повернулся и спокойно пошел обратно во дворец. За ним последовал сдавленный от унижения и шока гофмаршал Долгоруков.

– Так вот – как бы низко нас низвергла людская зависть и злоба, – мягким проникновенным тоном продолжила Ольга, – по закону Божьему, мы все равно остаемся теми, кем были. Только вот крест наш стал тяжелее... И все же, это великая милость Господа, пославшего нам испытания! Мы должны непрестанно благодарить Господа Бога за них: ведь Он отметил нас своим вниманием, а, значит, приготовил нас для какой-то Своей высшей надобности и цели. Значит, Он возложил на нас какую-то особую, великую ответственность, и в этом величайшая милость Господня и большое счастье для нас!.. И мы должны быть достойны этой милости, не обмануть Господа, не унизиться до гнева, ненависти или огорчения!

Все замолчали, глубоко переживая и осмысливая ее слова, полные надежды, утешения и даже какой-то сокровенной радости... Анастасия подошла к Ольге, обняла ее за талию и прижалась сестре лицом.

– Ты хорошая, Оля! Как спокойно с тобой. Будто ты меду на душу капнула.

– А я, между прочим, всегда хотела быть просто гражданкой Романовой! Это так интересно и оригинально! – воскликнула Мария. – Это еще лучше, чем быть великой княжной. Каждая дура может родиться великой княжной. Это простая случайность. Мы не выбирали себе родителей. И в этом нет моей заслуги. А вот пусть меня любят и уважают не за титулы, а за то, какая я есть! Это – совсем другое дело.

Татьяна иронично усмехнулась и покачала головой:

– Тебе, Машка, все не так, все по-твоему подавай. Ладно, будем тебя любить не за титул: заслужи только.

Николай и Александра на минутку остановились неподалеку от детей и молча смотрели на них. У всех уже отросли волосы, остриженные из-за болезни, и торчали короткими ежиками, сверкая на солнце. У Ольги и Марии – ежики рыженькие, у Татьяны – русый, у Анастасии и Алексея – темно-каштановые. До сих пор на прогулку девочки надевали шляпки, а Алексей – армейский картуз, чтоб не убивать своими лысынами, как высказалась Маша, революционного обывателя. Но даже и в таких обстоятельствах они находили повод для шуток. Когда бывший дворцовый фотограф предложил девочкам сняться на карточку по случаю выздоровления, они перед камерой надели свои головные уборы, но за секунду до вспышки магия Мария дала знак – шляпки мгновенно слетели вниз, и девушки получились на стеклянной фотопластинке с голыми, словно бильярдные шары, головами.

«Каноническая фотография членов династии Романовых! На все века!» – заявила Анастасия.

До родителей долетали их восклицания, обрывки какого-то небольшого спора. Потом неожиданно замолчали, и что-то тихо и проникновенно стала говорить самая старшая Ольга. Как же все-таки беззащитны детские души и как они сильны одновременно. Вот уже и свыклись с тем, что произошло. Прошло совсем немного, и они сумели найти свои маленькие радости и в полутюремном содержании. Конечно, если бы не отец, все давно бы пали духом и погрузились в мистически-религиозные переживания, как произошло с матерью. Он каждый раз что-нибудь выдумывал: то пилить и колоть дрова, то подметать парковую территорию, то вдруг надумал очистить парк от старых прогнивших и потому ставшими опасными деревьев.

Николай физическую работу любил, был очень силен и поэтому сам валил деревья, очищал их от сучьев, распиливал стволы, и все время с ним были дети. Огород – тоже его затея. Обер-гофмаршал Василий Долгоруков (в семье называли его за глаза почему-то Вале́й)

сумел пронести в Александровский дворец семена, книги по огородничеству и даже какие-то новомодные заграничные минеральные удобрения.

– Самое лучшее царское дело, – заявил тогда отец, – земледелие. У русского крестьянина есть поговорка: «Пахать – значит молиться».

Дети восприняли его идею разбить грядки с восторгом.

Неописуемую радость доставляли им первые выглянувшие из-под земли листики редиски, стрелочки лука, а тут вот и капуста, и не простая, а брокколи – вроде цветная, но особая, словно покрытая темно-зеленым инеем.

– Ники, мой Ники, – прошептала Александра, – ну почему ты не отрেকся еще десять лет назад... Или хотя бы год... Все было бы по-другому. А теперь – что нас ждет?..

Он нежно, слегка пожал ей руку.

– Да, если бы... Но ты же помнишь, my sunshine²⁵, как это было. Что можно против Воли Его? – вздохнул Николай.

Да, она прекрасно помнила ту первую его попытку зимой 1905 года после страшного 9 января.

Он был потрясен докладами о бойне, учиненной прямо перед стенами Зимнего дворца, – расстрелом безоружной толпы рабочих, их жен и детей, которые пришли к своему царю с иконами, хоругвями и с царскими портретами сказать ему, Хозяину земли русской, о своей жизни, ставшей невыносимой. Дворцовая площадь от Миллионной до Невского проспекта была сплошь залита кровью – ни одного сухого пятна. В течение пяти дней император, впавший в глубокую депрессию, не принимал во дворце никого, кроме министра двора графа Фредерикса и гофмаршала Долгорукова. Он долгие часы безмолвно, но горячо, от сердца молился в одиночестве перед алтарем дворцовой церкви. У него не было слов, он не знал, о чем просить Господа и что обещать ему. И так стоял долгими часами – оцепенело, чувствуя горькую опустошенность в душе и в сердце, пока боль в коленях не становилась невыносимой. Тогда он с трудом выпрямлялся, вставал и молча ходил по залам дворца. Заходил к Александре, обменивался с ней пустыми, ничего не значащими словами, потом шел к детям, тоже говорил с ними о каких-то пустяках и даже шутил. Но тут же забывал, о чем говорил и над чем смеялся. Через пять дней после расстрела неожиданно для Петербурга ударила оттепель – такого не было никогда. Снег повсюду растаял, солнце стало ощутимо греть, словно в марте, и все мостовые Петербурга были чистые и сухие, словно дорожки в дворцовом саду. Однако Николаю еще долго казалось, что на диабазе Дворцовой площади, которую дворники убирали особенно тщательно, каждое утро вновь выступали кровавые лужи. Царедворцы и даже жена его убеждали, что по-другому поступить было нельзя, что в толпе были смутьяны и пьяные, от которых исходила угроза ему, а значит, и империи, государственной власти. И он на какое-то время соглашался с такими доводами и даже награждал расстрельщиков. Генерал-губернатору Балку орден дал. Но истину скрыть ему не удавалось ни от Бога, ни от собственной совести. Ведь первые потоки народной крови пролились в то воскресенье не у Дворцовой площади и вовсе не на ней. Казаки бросились рубить беззащитных людей – чисто, празднично одевшихся рабочих, женщин, детей и даже городских, бывших в толпе по службе, – шашками еще у Нарвских ворот, на юго-восточной окраине столицы, когда до Зимнего дворца было еще десять верст и никто ни Помазаннику, ни Державе ничем угрожать не мог.

Он уехал в Царское Село. Но ничто не могло отвлечь Николая от мысли, которая каждый день все больше отравляла ему жизнь: он понял, что за эту кровь придется ответить,

²⁵ Солнышко (англ.).

если не перед земным, то уж перед Высшим судом непременно. Потому и Евангелие не приносило ему облегчения или утешения.

Еще через два дня, 16 января, внезапно ударил мороз. Однако Николай вызвал в Царское Село мотор – в императорском гараже уже имелись два автомобиля марки паккард. И в сопровождении всего только одного флигель-адъютанта выехал в Петербург. Как только они отъехали, разразилась вьюжная метель. Через полтора часа так же внезапно она сменилась затишьем и трескучим морозом. Автомобиль добрался до монастыря на набережной реки Карповки. И только когда заглох мотор, до Николая дошло: третий час ночи; святитель отец Иоанн, наверное, уже спит, да и вообще, может находиться вовсе не здесь, а в Кронштадте, где он был настоятелем Морского собора. Однако флигель-адъютант узнал и доложил, что благочинный ждет его и поэтому до сих пор не спит.

Отец Иоанн встретил царя в своей келье, освещенной трехсвечником, одетым в домашнюю сиреневую рясу, вместо панагии на шее у него висел кипарисовый наперсный крест. Они обнялись. Благочинный благословил царя, они поцеловали друг у друга руки. Русые с проседью волосы отца Иоанна были, как всегда, гладко зачесаны назад, взгляд небольших голубых глаз свеж и остро внимателен.

– Я ждал тебя, Государь, – произнес он своим глухим, чуть сипловатым баритоном. – Ждал раньше, но хорошо, что ты пришел и сейчас.

Николай сел в кресло и замолчал, нервно похрустывая суставами пальцев правой руки. Казалось, в монастыре, кроме них двоих никого не было. Стояла полная тишина, мигали фитили восковых свечей и потрескивали оконные стекла от тридцатиградусного мороза. Отец Иоанн ждал, но царь никак не начинал разговор. Чуть кашлянув, священник проговорил:

– Господь видит и слышит тебя, Государь, и без твоих слов. Слова всегда слабы и неточны. «Мысль изреченная есть ложь». Важны дела, без которых вера мертва. И важен правильный выбор пути. Право выбора Господь оставляет за тобой. Как и любому Своему чаду, Он дает тебе как право, так и свободу выбора.

Николай почувствовал, как у него к горлу подкатывается острый комок.

– Я не знаю, как быть дальше, отче... – тихо произнес император. – Не по моей воле на меня было возложено бремя царствования. Я к нему никогда не стремился... Но права и свободы выбора у меня не было. Десять лет прошло со дня успокоения моего родителя. Но в последнее время почти каждую неделю я вижу его во сне.

– И что? – спросил отец Иоанн. – Ты с ним разговариваешь? Что он говорит?

– Ничего. Смотрит. Насквозь пронизывает, как наяву. Потом несколько дней переживаю. Такое чувство, что отец не может одобрить ни одного моего шага, ни одного государственного решения. Ни одного! – с горечью повторил Николай. – Как можно жить с сознанием того, что какое бы дело ни предпринимал, что бы ни пытался сделать полезного для Державы, для Святой Руси, для своих подданных, уже заранее знаешь, что и самые лучшие и полезные шаги все равно роковым образом обернутся вредом и вызовут только недовольство, ропот и осуждение... Самое печальное, в чем я не раз убеждался, – стал бы я поступать противоположным образом, результат был бы тот же. Точно такое же осуждение, нелюбовь и даже ненависть ото всюду... – он замолчал, и его большие серо-голубые глаза влажно заблестели.

Отец Иоанн глубоко вздохнул и перекрестился.

– Это уж как попустит Господь... – проговорил он своим сипловатым, но проникновенным голосом, достигавшим самых тончайших глубин души собеседника. – Бывает так, когда прекрасный, хорошо сыгранный оркестр берется за давно знакомую и хорошо отрепетированную пьесу, вдруг начинает ее с неверной тональности. И дальше все идет плохо, и исправить ничего нельзя – уже до конца. Потому что любая попытка сделать по-другому –

бесполезна и не лучше любой другой. Продолжать – плохо. Остановиться и попытаться все с начала? Тоже плохо. Зачем? Все уже испорчено, отравлено.

– Иногда говорят, что в жизни не бывает безвыходных ситуаций, – мягко возразил Николай. Он вытащил из кармана своей офицерской полевой гимнастерки портсигар со своими любимыми турецкими папиросами, но спохватился и спрятал его снова в карман.

– Разумеется, Государь, – согласился отец Иоанн, – каждая ситуация может иметь разные исходы. Но не каждый человек может позволить себе воспользоваться любым выходом. Для такого человека важны законы нравственные – законы Господни. И тогда он берет на себя большую ответственность: прекратить концерт, удалить оркестр со сцены. Заменить дирижера, причем, делать все надо быстро... Тот, кто решает и распоряжается, должен взять на себя еще большую ношу, чем обычно. Но Господь милостив, он не попускает полной гибели, Он испытывает и закаляет нас и вознаграждает усилия пастыря, который не жалеет себя ради стада всего.

Николай печально покачал головой.

– Я уже, как видно, ничего не могу. Или могу, но очень мало и недостаточно. Просто нет сил, отче. Наверное, оркестру надо уйти вместе с дирижером.

Благочинный долго и внимательно посмотрел на Николая своими чистыми серо-голубыми глазами, встал, подошел к образу Христа Пантократора, опустил на колени и стал безмолвно, едва шевеля губами, молиться. Николай посидел немного, потом тоже стал на колени – чуть сзади святителя. Помолившись, благочинный поднялся, перекрестил тоже вставшего Николая и поцеловал ему руку, но, вопреки уставу, не предложил для поцелуя свою.

– Перед тобой, Государь, три дороги. Ты можешь оставить все и убыть из России. Ты можешь также оставить все и уйти по России странником, служа одному только Богу, как предок твой император Александр Павлович Благословенный, который кончил свой земной путь в схиме под именем старца Федора Козьмича. Так он пытался спасти свою душу, отягощенную грехом отцеубийства. Ты можешь также ничего не оставлять и пустить события так, как им самим ведомо. В этом случае ты берешь на себя страшное, невыносимо тяжелое бремя. Вот три пути, – отец Иоанн снова медленно и широко перекрестился.

– Но какой выбрать? – чуть ли не в отчаянии воскликнул Николай. – Какой мой путь?

– Все три твои. Господь всегда дает чаду Своему свободу воли и выбора.

– Какой же все-таки мне выбрать, отче? – тихо повторил Николай.

– То мне неведомо. Ты должен это сделать сам. Потому что отвечать за выбор будешь ты один – перед самим собой. И, разумеется, перед Господом нашим. Молись, Государь, молись!.. Господь не оставит тебя, даст ответ.

Николай уходил от отца Иоанна Кронштадтского в еще более тяжелом состоянии духа, чем пришел. Обратного Николаю тотчас же отъехать не удалось. На лютom морозе автомобиль отказывался заводиться. Шофер крутил заводную ручку, пока не взмок под своей кожаной курткой, сразу задубевшей от холода. К счастью, второй мотор находился неподалеку, в гараже Зимнего дворца на Захарьевской улице. Через полтора часа мотор был подан к подъезду монастыря.

С тех пор прошли три недели. Николай постепенно выходил из депрессии. Он уже лучше спал, вставать стал с хорошим настроением, возобновил свои немногочисленные и простые спортивные занятия, снова взялся за фотографию. Казалось, страх от второго кровавого знака его царствования – первым была ходынская давка – постепенно таял. Николай тогда не раз думал: как же все-таки часто бывает в жизни, когда какая-то мелочь, случайно оброненная фраза или просто острое словечко, небрежно произнесенное только ради глупого тщеславия и желания прослыть остроумцем, могут иметь огромные последствия,

мощный отдаленный исторический результат, способный круто изменить жизнь человека и даже всего общества. Так достаточно чуть пошевелить в темноте мощным прожектором – на какой-то сантиметр, но вдаль луч перемещается уже на километры.

В день ходынского ужаса, точнее, на вечер был назначен по случаю коронации бал у французского посланника. Родственники только что испеченного императора, из поколения молодых великих князей, предложили, нет! – потребовали прервать торжества, объявить траур по всей империи и, конечно же, отменить бал. Выслушивая их горячие речи, он застенчиво улыбался, непрерывно кивал головой и для себя решил сделать так, как они советуют. Младшие князья требовали также немедленно отставить и примерно наказать московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, кутилу и гомосексуалиста, который своими извращенческими пристрастиями опротивел всем уже донельзя. Но всего лишь одна фраза, неосторожно, или, скорее всего, намеренно вырвавшаяся у Великого Князя Александра Михайловича – у Сандро, дяди Николая, который был почти его ровесником, самым близким другом с детства и самым уважаемым советчиком, вдруг перевернула все. А сказал Сандро всего лишь то, что думали многие, и не только молодые представители династии, составившие впоследствии «молодой двор», постоянно фрондирующий со «старым»:

– Когда-нибудь этот педераст должен получить по заслугам! Он достоин большего наказания, нежели простая отставка.

Сейчас Николаю это казалось удивительным, но тогда он соглашался абсолютно со всем, что говорил Сандро, и готов был немедленно последовать его совету. Однако Александр Михайлович увлекся и перешел границу. Его фраза о педерасте и наказании неожиданно вызвала бурю со стороны всех старших великих князей. Они в один голос заявили, что такая неумная и торопливая мера бросит несмыslaемую тень на всю фамилию. А в такой нелегкий политический момент никому из Романовых не нужны дополнительные трудности и проблемы. Даже слепой способен увидеть, что Александру Михайловичу хочется добиться в каких-то радикальных кругах особой популярности. Это нетрудно. И в газетах о нем напишут, в том числе и за границей, в Европе, в первую очередь, – в Лондоне и Париже...

– Но за такую славу, когда один князь императорской крови требует наказания для другого князя императорской крови, я не дал бы и ломаного сантима! – вдруг возмутился всегда уравновешенный Павел Николаевич.

Именно его неожиданная реплика вызвала в тайных глубинах души молодого императора что-то похожее на страх пополам с досадой: он испытал миг молниеносного, нелепого, но сильного испуга оттого, что дядя Павел, как, бывало, делал отец, лишит его завтра утренней верховой прогулки и кофе со сливками. Тогда-то Николай и принял свое первое императорское решение, определившее характер его правления на четверть века, – любой ценой избегать стычек и противоречий с дядьями, перед которыми, особенно перед двухметровым и громогласным Николаем Николаевичем, он по-детски робел почти все время до конца своего царствования. И если в трудных случаях, как в деле Распутина, компромисс ему найти не удавалось, он просто отпускал вожжи, позволяя событиям двигаться самим – по воле судьбы и обстоятельств. Но когда он все-таки отваживался на серьезный шаг, на важное государственное решение – неважно даже, чьи интересы оно преследовало, общественные или сословные, то Николай невольно пытался подражать отцу, и это оказывалось хуже всего. Отец одной шутливо-небрежной фразой мог сбить спесь с любого европейского монарха и в мгновение если не решить, то снять сложнейшие внешнеполитические проблемы. Однажды в ответ на упреки, перемежаемые открытыми угрозами кайзера Вильгельма, недовольного сближением России и Франции, Александр III небрежно бросил реплику: «Вилли! Посмотри на себя в зеркало: ты же похож на пляшущего дервиша – смех, да и только!» Этого оказалось достаточно, чтобы кайзер на долгие годы замолчал вообще о любых претензиях Германии к

России, даже если эти претензии были оправданы и справедливы. Зато потом Вилли отыгрался на Николае за все.

Но если от Александра III исходила громадная внутренняя сила и мощь его воли чувствовалась на просторах целых континентов, то попытки сына рывкнуть, где нужно, басом солидного пса, заканчивались тем, что из Зимнего дворца слышался визгливый лай дворняги, которая пугает, чтобы скрыть свой собственный страх. На первой же встрече с представителями земств, которые высказали надежду на дальнейшее развитие в стране местного самоуправления – для всеобщей пользы, Николай решил им показать, кто в России хозяин, и назвал их надежды и пожелания «бессмысленными мечтаниями». Самое ужасное вышло в том, что он тогда просто оговорился: собирался сказать «беспочвенные мечтания». Он и представить себе не мог, что эти два слова роковым образом способны повлиять на всю дальнейшую судьбу империи, династии, миллионов людей в России и на всей планете. Тогда один из самых убежденных и несгибаемых монархистов из земцев, известный ученый, филолог и историк Борис Никольский так рассказывал направо и налево об этой встрече:

– Представляете, мерзость какая?! Вышел к нам какой-то офицерик – плюгавый, рыжая борода набок, бледный, потный, рожа перекошенная. Заглянул, как студент на экзамене, в шпаргалку, которую прятал в картузе, потом взвизгнул на весь зал: «Бессмысленные мечтания, тьяв-тьяв!» и убежал. Кто это был? До сих пор не знаю! Говорят, император. Не верю. В Зимний дворец таких болванов вроде не пускали. Теперь пускают?

Именно после этого события произошло худшее, что могло случиться с любым монархом: даже наиболее убежденные монархисты теперь считали: Николай II не заслуживает ничего, кроме брезгливого презрения.

Контратака старших Романовых повергла Николая в полное смятение. Он понял, что у него не хватит смелости даже позвать Сергея Александровича к отчету. Какое уж там наказание... Не добавила новому императору твердости и горячая речь великого князя Николая Михайловича, самого уважаемого в семье и к тому же авторитетного в мире ученого-историка, который присоединился к Сандро. Глядя в глаза молодому императору, который с ужасом думал в те минуты только о том, как подавить неожиданную нервную икоту, Николай Михайлович медленно и четко, как на университетской кафедре, говорил своим пронзительным, не терпящим возражений голосом ужасные слова:

– Ники! Вспомни судьбу французских Бурбонов! Они предпочитали плясать в Версале, когда народ французский, их подданные, чьи интересы являются самым святым для любого монарха, изнемогал от голода и лишений, когда простой народ страдал и ждал милости от венценосцев, а они с бесконечным презрением считали собственный народ хуже скота! Бурбоны получили свое. Они тупо и упорно шли на эшафот, невзирая на все предостережения судьбы и самых уважаемых во Франции людей. Помни Ники, – и при этих словах Николай Михайлович неожиданно смертельно побледнел, – кровь этих пяти тысяч мужчин и женщин, погибших сегодня на Ходынском плацу, останется неизгладимым кровавым пятном на всем твоём царствовании! Да, ты, конечно, не в состоянии воскресить мертвых... Но ты можешь проявить заботу об их семьях. И не давать, ради Бога, повода твоим врагам говорить, что молодой русский Царь пляшет, в то время как его верноподданных, погибших такой нелепой и страшной смертью – простых людей, из самой глубины народа – везут в мертвецкую!

Николай внимательно выслушал своего знаменитого дядю; молодой русский царь уже успокоился, чуть застенчиво улыбался в свои густые рыжие усы и непрерывно кивал в знак согласия.

Вечером императорская чета танцевала у французского посла.

Французы, в том числе и сам посол, будучи уверенными, что бал, конечно, отменят или, по крайней мере, не будет плясок, улыбались, глядя на своих августейших гостей, и тоже тан-

цевали, обмениваясь репликами по поводу того, что венценосцы Романовы, конечно, сошли с ума.

Тогда четверо младших Великих Князей – Николай, Александр, Михаил и Сергей Михайловичи – позволили себе неслыханную дерзость, грубейшее нарушение придворного этикета – покинули бал сразу, как начались танцы. Никто не имел права встать из-за стола или покинуть бал раньше монархов. Вот именно этого демарша Николай долго не мог простить Михайловичам, несмотря на то, что ушел с ними и его любимый и верный Сандро. В их отношениях уже никогда не восстановились былые сердечность и доверие, несмотря даже на то, что Сандро вскоре женился на сестре императора великой княгине Ксении Александровне, и это оказался счастливый брак.

Через три с половиной недели, когда в Петербурге робко заявила о себе весна 1905 года, дни становились заметно длиннее, а с крыш домов повисли огромные сосульки, с которыми отчаянно сражались дворники и околоточные надзиратели, граф Фредерикс сообщил в Синоде о желании императора принять в Зимнем дворце высших иерархов Русской православной церкви для совещания по чрезвычайно важному вопросу. По какому – Фредерикс не сказал да и сам не знал.

Еще в прошлом году, когда наследнику-цесаревичу исполнилось шесть месяцев, Николай в частной беседе с митрополитом Антонием Храповицким заявил, что считает необходимым восстановить в России институт Патриаршества со всеми его атрибутами, и попросил подумать и посоветовать, как это лучше сделать и кто, по мнению митрополита, мог бы стать первым избранным почти после 200-летнего перерыва Патриархом. В назначенный день представители высшего священства пришли во дворец. Император сразу, без каких-либо предварительных слов и разъяснений, спросил их:

– Как идет работа по созыву поместного Собора?

Храповицкий отвечал, что Русская Православная церковь, вся, без исключения и все священство с нетерпением ждут объявления даты созыва Собора, который, как сегодня уже известно доподлинно, с величайшей радостью и благоговением перед волей Всевышнего, которая открылась Его миропомазаннику, восстановит Патриаршество, которое когда-то ликвидировал предок его императорского Величества – Государь Петр Великий.

– А кандидата? Кандидата в Патриархи вы уже определили? – спросил Николай.

Иерархи ошеломленно и растерянно переглянулись. Наступило долгое, тягостное и почти неприличное молчание. «Следовало ожидать, – с досадой подумал Николай. – Каждый из них мнит себя Патриархом, не дает им покоя белый клобук!»

И сказал:

– Ну что ж, вернемся к этому разговору чуть позже.

Но прошло гораздо больше времени, нежели «чуть позже». Революция 1905 года разгоралась по Европейской России и угрожала перекинуться за Урал. Все лето крестьяне большинства губерний жгли помещичьи усадьбы, грабили имения, сбивали замки с барских амбаров и вывозили отборное барское зерно, уводили скот или резали его тут же, на подворье. В октябре империю потрясла всероссийская стачка, организованная большевиками. Но лишь к осени, поддавшись давлению Витте и великого князя Николая Николаевича, император подписал манифест от 17 октября о «даровании» гражданских и политических свобод. Империя приутихла, но ненадолго. Сложилось уникальное ублюдочное государство: монарх ненавидел созданный им же институт представительной власти – Государственную Думу – и постоянно искал повод ее распустить. Депутаты Думы платили еще большей ненавистью и каждый день все больше расшатывали трон.

Закончился революционный 1905 год еще хуже, чем начался. В декабре вспыхнуло московское вооруженное восстание, которое было подавлено с неслыханной доселе жестокостью.

– Вот они – ваши свобода и демократия! Я это предвидел, я говорил, что из этого выйдет!.. – в сердцах заявил император великому князю Николаю Николаевичу, когда Николаша пришел к племяннику с очередным проектом, как усмирить и обустроить Россию. И, испугавшись своей дерзости, император добавил на полтона ниже: – Настоящие зубы дракона! И я посеял их по вашей милости.

Великий князь удивленно посмотрел с высоты своих двух метров на хорошо причесанную и напомаженную новомодным бриолином макушку племянника.

– Что-то я не понимаю тебя, Ники! Разве это я заставил тебя подписать манифест, по которому народ получил как раз столько свободы, чтобы понять, что его в очередной раз после 1861 года обманули? Не припомню. И разве это ты меня предупреждал, что крохотные подачки только разъярят людей, потому что не решают главного – не дают перспективу жизни? Мне казалось, что дело обстоит как раз наоборот!

Николай подергал правый ус.

– В самом деле, дядя, я погорячился, прошу меня извинить... Да, разумеется, это Витте заставил меня подписать проклятый манифест. Две недели выкручивал мне руки. Доломал!.. И вот результат...

Николаша укоризненно покачал головой. Он уже забыл, как падал на колени перед своим племянником и угрожал застрелиться тут же, немедленно, на его глазах, если тот не подпишет манифест здесь, прямо при нем.

– Нет, Ники! Нет, Ваше величество! Ты сейчас пожинаешь результаты своей непоследовательности и нерешительности. Ты дал народу не свободу, а только ее призрак. Разбудил надежды и тут же уничтожил их. Все равно, что ты раздел гризетку догола, а сам бросил ее и пошел в полк пить шампанское! Самое главное, умоляю, никому никогда не говори, что Витте выкручивал тебе руки. Всегда найдутся легковверные люди, а их в России даже больше, чем в Петербурге. Непременно начнут врать, что из нашего Царя, из полновластного Самодержца какой-то Витте веревки может вить. Если уж ты взял на себя ответственность – все, обратного пути нет!

– Но дядя Николай! Надо же как-то остановить этот пожар, безумную вакханалию революционного кровопролития! А как? У вас есть какие-нибудь идеи? Как бы вы поступили, если бы оказались на моем месте?

– Именно с этим я к тебе и пришел, дорогой мой Ники! – улыбнулся в свои жесткие седые усы Николаша. – Только я хочу высказаться как твой верный подданный, а не как умалишенный и опасный мечтатель, который, я считаю, не имеет права даже на секунду, пусть даже в шутку, представить себя на твоём месте. Подобные допущения, даже если они и совершенно невозможны, есть большая опасность и никогда к добру не приведут... Но все-таки я хочу сказать, в чем твоя ошибка, Ники. Но при одном условии: на мои слова не обижаться и не впадать в депрессию! Я пришел к тебе по-родственному – поговорить о семейных делах. В конце концов, империя – наше общее семейное дело. И я пришел не для того, чтобы тебя в чем-то поучать. Ты уже сам способен научить любого государственного мужа... Десять лет на троне – это что-то да значит!..

Николай тоже иногда считал, что может научить любого государственного мужа, как управлять империей, поэтому грубую лезть Николаши он воспринял как должное.

– Твоя ошибка, Ники, в том, что ты не хочешь или просто еще не собрался задать себе вопрос: «А кто же управляет революцией в настоящий момент? Кто ее вожди? Чего они хотят? Почему не торопятся сформулировать свои требования или хотя бы провозгласить

цели?» И только ответив на эти вопросы, можно переходить ко второму этапу тушения революционного пожара.

– И какой же этот второй этап? – спросил Николай. – И что он собой представляет?

– Это этап чрезвычайно ответственный, важный и в определенной степени щепетильный. Вроде заключения сепаратного мира с противником. Надо начинать переговоры с главными революционерами. Но ни в коем случае не обнаруживая своей заинтересованности или готовности, пусть тоже абстрактной, отвлеченной, пойти на какие-либо компромиссы. Поручи деликатную миссию самому толковому министру, например Витте.

– Что? – разочарованно отозвался Николай. – Опять Витте? Он уже сейчас возомнил себя президентом будущей республики. А что может случиться, когда он войдет в сношения с вождями революции? Может случиться антигосударственный заговор – под видом наведения порядка и углубления дальнейших демократических реформ. И в одно прекрасное утро я проснусь, но часовой меня не пустит в уборную. Витте с его революционерами постановит держать меня под арестом. Я ему не доверяю.

– Тогда сначала определи вождей! – настойчиво повторил Николай Николаевич. – Сейчас наступил момент, когда они высунут головы из своих нор и поставят тебе условия. Ты все время будешь должен отвечать на их выпады. Надо действовать с опережением. Пусть они обороняются. Не давай им передышки! Держи постоянно под огнем тяжелой артиллерии!

– Какой артиллерии? – недоуменно спросил Николай.

– Я имею в виду активную, наступательную, победоносную внутреннюю политику! Ты должен опережать своих противников, держать их в постоянном напряжении, теснить на всех направлениях!.. Но, конечно, тебе понадобятся сильные командиры, смелые и решительные военачальники. Ты абсолютно прав насчет Витте: пора его вообще убирать со сцены. Он слишком много стал себе позволять. Послушать его – так без него и его жены-еврейки ничего хорошего в империи не делалось.

«Назначить тебя, что ли, в школу прапорщиков лекции читать?» – с досадой подумал император, но самым почтительным тоном сказал вслух:

– Дядя Николай, ваше сиятельство! Кого вы конкретно имеете в виду? Может, вы сами согласитесь возглавить кабинет? И войти в сношения с вождями революции?

Николай Николаевич протестующе замахал длинными, словно мельничные крылья, руками:

– О, нет! Это было бы не самое лучшее решение. То есть даже – самое плохое решение!.. Ники, дорогой, я готов выполнить любое твое поручение и служить тебе в любом качестве и на любой должности. И я бы честно и конца выполнил свой долг и на посту премьера. Но подумай, только представь себе, о чем завопят наши монархисты и наши либералы в один голос! Они, сегодняшние непримиримые враги, дружно и в полном согласии будут причитать, что династия полностью узурпировала власть и не собирается делиться даже ее крохами, которые ты пообещал в манифесте. Но это вопрос номер два. А номер первый – вожди, вожди, вожди! Переговоры, переговоры, переговоры!

– Кого вы имеете в виду? Переговоры с кем?

Великий князь вопросительно воззрился на императора.

– Ники! Я перестаю тебя понимать. Ты должен знать имена своих врагов – открытых и скрытых – лучше, чем я. Ведь это у тебя в подчинении охранное отделение Департамента полиции, а не у меня!..

Николай Николаевич, как всегда, обнаружил свою редкую неспособность понимать, что творится вокруг в обычной, живой жизни, которую не перенести на карту-трехверстку и не воспроизвести в тактических играх. Никаких «командиров» или «вождей» революции не было и в помине. Ни большевики с меньшевиками, ни эсеры, никакие другие партии не

могли похвастаться тем, что на этом этапе полностью управляют революционным процессом.

Революция 1905 года большей частью перешла в стихийную стадию и стала неуправляемой, подобно лесному пожару, в чем и был весь ее ужас, пропитавший все ярусы власти. Летом даже гофмаршал Бенкендорф неслыханно осмелел и сокрушался направо и налево, что императору Николаю с его большой семьей – пятеро детей и из них один совсем младенец! – очень трудно будет найти пристанище у своих заграничных родственников. «А ведь революция только начинается! – предупреждал престарелый гофмаршал; он уже несколько лет вообще не покидал Зимнего дворца, но прекрасно разбирался в том, что за дела творятся за его стенами. – Остановить ее или хотя бы смягчить наш молодой и малоумный царь не сможет».

Уже упомянутый известный основатель и деятель националистического «Союза русского народа» Борис Никольский, убежденный и несгибаемый монархист, которого бесконечно уважал даже император, несмотря на его резкие и даже враждебные выпады в адрес царя, записал в своем дневнике 15 апреля 1905 года:

«Сознаться ли вам по секрету? Я думаю, что нашего царя органически нельзя вразумить. Он хуже, чем бездарен! Он – прости меня, Боже, – полное ничтожество! Если это так, то не скоро искупится его царствование. О, Господи, неужели мы заслужили, чтобы наша верность (самодержавию!) была так безнадежна?... Я мало верю в близкое будущее. Одного покушения на царя теперь мало. Нужно что-нибудь сербское²⁶. Конечно, тогда мне первому погибать. Но мне жизни не жаль – мне Россию жаль».

И еще одна его запись через 10 дней: «Мне дело ясно. Несчастный вырождающийся Царь с его ничтожным мелким и жалким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая что, творит, губит Россию. Не будь я монархистом, – о, Господи!.. Пора крест на все ставить. Блаженны почившие».

И – еще запись сразу после Цусимской трагедии: «19 мая. Четверг. В какое ужасное время мы живем! Чудовищные события в Тихом океане превосходят все вероятия. Что дальше будет, жутко и подумать. Когда я во вторник у Богдановского узнал, еще до теперешних подробностей, то я сказал: «Конец России самодержавной и, в лучшем случае, конец династии. На чудо рассчитывать нечего... и всего ужаснее ждать объяснений, как могли суда Небогатова сдать в плен... Когда я сказал, что – конец династии, меня спросили, что же делать. Я сказал: переменить династию. Но конечно, если бы я верил в чудеса и в возможность вразумить глупого, бездарного и невежественного человека, то я бы предложил пожертвовать одним-двумя членами династии, чтобы спасти ее целостность и наше Отечество. Повесить, например, Великих Князей Алексея (адмирала флота) и Владимира Александровичей, Ламздорфа и Витте, запретить по закону Великим Князьям когда бы то ни было занимать ответственные посты, расстричь митрополита Антония (Вадковского – духовника царя. – *Ред.*), разогнать всю эту шайку и пламенным манифестом воззвать к народу и заключить мир с японцами до боя на сухом пути. Тогда еще все может быть спасено. Но это значит: распорядись, чтоб сейчас стала зима. Замени человека другим человеком...»

... Династия – вот единственная жертва. Но где взять новую? Ведь придворный переворот неизбежен, ибо при нем, перевороте, – долой закон о престолонаследии, а тогда – полная смута.

Словом, конец, конец! Чудес не бывает. Конец той России, которую я любил, которой я служил, в которую я верил. Конец не навсегда, но мне уже не видеть ее возрождения! Надолго ночь. Агония еще может продлиться, но что пользы? Если бы можно было надеяться на его (царя) самоубийство – это было бы все-таки шансом. Но где ему!»

²⁶ Военный переворот, когда были убиты сербский король Александр и его жена (*ред.*).

...Лишь после окончания зимней сессии Синода его члены во главе с первенствующим петербургским митрополитом Антонием (Вадковским) отправились в Зимний попрощаться с императором и дать ему свое благословение на дальнейшие труды.

Царь был в хорошем деловом настроении. Он спросил, каковы сейчас представления Церкви относительно восстановления Патриаршества. И снова синодалы, как в прошлый раз, в один голос воодушевленно заговорили, что этого славного события, как великого праздника, по-прежнему с нетерпением и радостью ждет все священство и весь Православный мир.

— Со дня нашей последней встречи, — начал Николай, — прошло достаточно времени. У меня была возможность изучить некоторые исторические документы по теме. Разумеется, я далек от мысли тягаться ученостью с присутствующими здесь богословами, авторитетными и известными в России и в мире. Это выглядело бы смешно и нелепо. Я только хотел бы прояснить свою позицию в отношении некоторых проблем. И прошу, елико возможно, отнестись к моим словам критически. Если я в чем-либо ошибаюсь, прошу великодушно указать на эту ошибку, потому что дело не в личных амбициях монарха, а в поиске истины, от которой может зависеть судьба Святой Руси.

— Итак, святые отцы, — продолжил Николай, — речь пойдет об очень серьезных вещах. Я пришел к выводу, что самым удачным духовно-государственным устройством России было лишь в начале царствования нашей династии. Тогда самим Господом нашим был России дан пример, какими должны быть отношения главы церкви и главы государства: на царство был избран Великий Государь Михаил Федорович, а в Патриархи — его отец Владыка Филарет. В том Соборном определении было особо отмечено, что преосвященный Филарет избирается Патриархом потому... потому что... — тут царь взял со стола листочек бумаги и прочитал: — «... не токмо как мужа во учениях Божественных Апостол и Отец зело изящна, и в чистоте жития и благих нрав известна; наипаче же избирается яко по плоти той царев отец, и сего ради да будет царствию помощатель и строитель, сирым заступник и обидимым представитель...». Святая Русь начала возрождаться и сбросила с себя иноземное польско-литовское и татаро-турецкое иго, преодолела Смутное время именно в тот век, когда отец и сын... — царь еще раз повторил со значением, и голос его дрогнул, — отец и сын вместе стали во главе единой Православной державы! Патриарха, как и Царя именовали Великим Государем, и между Церковью и Государством установились истинно родственные отношения — не только духовные, но и кровные, — Николай замолчал, пытливо оглядывая иерархов.

Все они слушали, затаив дыхание. Только митрополит Флавиан Городецкий шумно вздыхал, и в его легких было слышно простудно-бронхитное клокотание.

— Так вот, святые отцы, — продолжил царь после минутной паузы. — Я жду от вас совета: какой вывод мне сделать из нашего не очень оживленного разговора?

Тут архиепископы Антоний Вадковский и Антоний Храповицкий, перебивая друг друга, заверили Николая, что священству хорошо известно об этом событии, как минимум, из курса православной истории, который читается в семинарии и академии, и не найдется священнослужителя, который не считал бы сей исторический факт промыслительным для России.

— Я не о том, — мягко поправил их Николай. — Я снова, как и при нашей предыдущей встрече, спрашиваю: вы наметили кандидата в Патриархи, учитывая исторический опыт Руси? Время назрело. Есть все основания полагать, что Россия снова может ввергнуться в Великую Смуту.

И снова ответом ему было полное и тягостное молчание. Не дождавшись ничего и видя замешательство иерархов, Николай сказал:

– А что, если я, как вижу, вы кандидата себе еще не успели наметить или затрудняетесь в выборе... что если я сам его предложу? Что вы на это скажете?

– Кто же он? – спросил митрополит Владимир Богоявленский.

– Кандидат этот, – ответил император, – я сам.

Синодалы в изумлении стали переглядываться, некоторые перешептывались; митрополит Флавиан заклокотал своими бронхами, покачивая кlobуком.

– Что же? – спросил царь и слегка покраснел. – Никто ничего не говорит? Хорошо. Тогда я хочу пояснить: по соглашению с императрицей, я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство. Оно будет поручено государыне и брату моему великому князю Михаилу Александровичу. Затем я принимаю монашество и священнический сан, и уже в новом своем качестве предлагаю себя вам в Патриархи – теперь уже официально. Но, конечно, после того, как Синод первым столь же официально предложит мне занять патриарший престол. Так скажите же мне главное: угоден ли я вам и что вы обо всем это думаете?

И снова ответом ему было гробовое молчание. Иерархи словно окаменели, затих даже митрополит Флавиан.

Николай побагровел, окинул синодалов пристальным негодующим взглядом, встал и, ни слова не говоря, вышел.

Тем же вечером архиепископ Антоний Храповицкий записал в своем дневнике: «Мы остались сидеть, как пришибленные, готовые, кажется, волосы на себе рвать за то, что не нашли в себе нужных слов и не дали императору достойного ответа. Нам нужно было ему в ноги поклониться, благоговея перед величием подвига, принимаемого Государем на себя для спасения России, а мы... промолчали!

Мысль государя предлагала редчайший и счастливый исторический шанс, это была единственная комбинация, при которой не только патриаршество восстало бы из могилы в небывалом величии, но возродилось бы Православное государство, снова возникла бы симфония Церкви и Кесаря!.. Но было поздно и тогда уже не поправимо: великий момент был нами не понят и навеки упущен – «Иерусалим не познал времени посещения своего...»

Через два дня Николай встретился со своим духовником митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием – царь хотел еще раз обсудить свою комбинацию и продумать, как ее все-таки осуществить.

Митрополит всегда был самым горячим сторонником восстановления Патриаршества. Правда, в светских кругах говорили, что Антоний – тайный масон, состоит в ложе «Звезда Востока». Однако конечная цель у масонов совсем не та, которую декларировал император, мало того – совершенно противоположная. Контролировать Патриарха и его окружение гораздо легче, нежели манипулировать Синодом, где надо иметь большинство голосов. Свой Патриарх должен добиться полного отделения церкви от государства. В таком случае Патриарх получит огромную власть над умами верующих, и управлять православной Россией он будет, при необходимости, почти независимо от царя. Николай, впрочем, разговорам о масонстве своего духовного отца не верил так же, как и сплетням о Распутине и компрометирующим старца документам, которые сочинял для Николая шеф жандармов Джунковский. Главный жандарм России, кстати, говоря, поставляя царю ошеломляющую «распутиниаду», обнаружил свою полную некомпетентность в искусстве фальсификации, что легко может обнаружить более или менее внимательный читатель его «документов».

Самовыдвижение царя в Патриархи словно обухом по кlobуку ударило митрополита. Он хорошо увидел, что Николай, несмотря на свою вопиющую неспособность к прогнозам, на этот раз понял, что с его избранием церковь и государство становятся семейным династическим делом. И это может иметь огромное положительное значение для России – для ее

единства и развития. Станет возможным то, чего Запад боится, как огня уже более тысячи лет: мощное консолидированное государство-семья неизбежно станет мировым лидером и сможет диктовать свою волю не только другим державам, их объединениям и союзам, но и целым континентам.

О. Антоний благословил царя и поцеловав ему руку, осторожно сказал:

– Ваше намерение, Государь, посвятить всю свою дальнейшую жизнь Господу – спасительно для нашей бедной России – для Святой Руси, для нашей Церкви. Оно ошеломило иерархов своим Божественным смыслом и промыслом, понять которые даже самому высокому члену Синода сразу было не дано. Однако, будучи вашим духовным отцом, я поступил бы неподобающе, если бы сегодня смолчал о некоторых последствиях, которые могут возникнуть, нет – возникнут непременно и бесповоротно. Если их не замечать и не принимать во внимание, они способны принести не пользу России, а большой вред; не укрепление основ, а еще большие, чем мы наблюдаем сейчас, потрясения – вплоть до разрушения империи. Самое опасное – ошибочно выбрать время для проведения столь важных реформ.

Теперь настала очередь царя онеметь. Но он быстро овладел собой и почти спокойно, хотя и с некоторым удивлением, спросил:

– Отчего же вы так полагаете, владыка? Как может случиться потрясение основ, когда выход, предлагаемый мною, служит единственно их укреплению? Поясните вашу мысль, прошу вас.

Митрополит поправил панагию, перекрестился и медленно и проникновенно заговорил:

– Ваше величество, вы ссылаетесь на нашу историю – историю Святой Руси и Династии. Но вспомните! Государь, Царь Михаил Федорович, когда он воссел на престоле российском, был очень молод, но, тем не менее, уже имел царский возраст²⁷. И он был полноправным царем. А цесаревич Алексей Николаевич – еще полный младенец. Следовательно, вы сами изволили отметить, неизбежно и необходимо будет ввести регентство. Это совершенно иная ситуация. Это – совсем другие исторические и, если будет позволено мне так выразиться, другие общественные и политические условия. Они породят в народе и еще больший разброд, неповиновение законным властям, потому что найдется много охотников тем или иным способом проникнуть в Верховную власть и поставить ее себе на службу, ища личной выгоды. Ежели так случится и регентство будет введено, то уверяю вас: целых двадцать лет, а может и больше, вокруг императрицы Александры и Великого Князя Михаила Александровича будут неустанно плестись интриги, возникнут различные придворные и светские политические партии, которые начнут ожесточенную борьбу за влияние на регента, а потом на наследника еще до того, как настанет его царский возраст. И даже вы, Ваше величество, хоть если будете в сане Патриарха, не справитесь с ними – с теми, кто жадной толпой будет вертеться у трона. Я бы не стал преувеличивать возможности Патриаршей власти хотя бы потому, что нынче уменьшается численность православной паствы и все сильнее и откровеннее распространяется атеизм. Вы, как очевидно, полагаете, что численность верующих все равно останется большая, и те, кто не подался в атеизм, сохранят и даже умножат стойкость веры и преданность династии. Но – человек слаб! И в России, как и в любом другом государстве, найдется определенное число людей, почуяв выгоды, отрекутся от православия и предадут не токмо своего государя, но и мать родную. Если бы это было не так, то Россию, ее сферы, уже давно населяли бы сплошь ангелы. Признаюсь, я не видел, не вижу и, наверное, не увижу в этой жизни на нашей грешной земле, хоть одного ангела...

Николай хмыкнул, но перебивать митрополита не стал.

²⁷ 21 год (Ред.).

– Большие соблазны охватят немало людей... И им, как никому другому, необходимо продолжать и поддерживать смуту, ибо только она дает временщикам и интриганам наилучшие возможности для утоления их притязаний, для личного обогащения, для удовлетворения их гордыни и тщеславия! Там, Государь, – указал Антоний перстом в окно, – там еще кипит революция, ее котел может взорваться в любую минуту от перегрева, и нам остается только молить Бога, дабы хоть через край не переливалось. При регентстве и вашем патриаршестве, вы уже не сможете издать указ или закон и не будет у вас средства заставить всех подданных исполнять уже изданные... Дай, Господи, будущему Патриарху хотя бы уберечь нашу Православную церковь! Усилия в этом направлении будут положительными, если престол займет иерарх, авторитетный в церкви и миру, знающий Закон Божий и Устав богослужений. Тот, кто давно известен и церкви и пастве своим благочестием. Тот, кого церковь и мир знают давно, а потому уважают и будут подчиняться ему без ропота и критики – с радостью. И поэтому...

– О чем вы говорите, ваше высокопреосвященство! – перебил его Николай, чего с любым собеседником он себе почти никогда не позволял. – О каком спасении Православной церкви вы говорите? Она стоит тысячелетия и стоять будет, ее не в силах разрушить даже самые алчные – и история об этом свидетельствует. И простоят еще века! Наш русский православный народ...

И тут митрополит Антоний позволил себе неслыханную дерзость.

– Наш русский православный народ... – неожиданно он перебил царя и вдруг замолчал. Выждав несколько секунд, продолжил: – Да, вы правы, Ваше величество, более православного народа, чем наш, на земле нет. Но осмелюсь повторить: нельзя преувеличивать это качество, упиваться им, ведь так можно ослепнуть духовно и душевно. Теперь же каждый день до нас, до Синода, доходят вести, одна другой страшнее и печальнее: об ограблениях церковей и монастырей, об избиении и даже убийствах священников!.. И пусть бы грабили и убивали служителей какие-нибудь так преступные сектанты – так нет же! Зверства эти творят простые русские мужики – те самые православные, крещенные и еще вчера богобоязненные... И почему, откуда сия напасть, понять – но не оправдать – можно. Потому что повод к неуважению священства нередко подает само священство. Пьянство, разврат, мужеложство, педофилия, пренебрежение Уставом богослужения, воровство из церковных касс – вот какая напасть обрушилась на нашу церковь сейчас, в эти годы, в эти месяцы, на наших глазах... Да, найдутся такие, кто скажет: зло сие наблюдалось в церковных рядах и раньше. И что в других церквях, в первую очередь, в римско-католической и также в военномонашеских орденах зла, стяжания и мерзости разврата было и есть еще больше. И что латинская церковь, а также ее лютеранские и кальвинистские ответвления давно перестали быть церковью и превратились в исключительно политические организации. Но сие утешение слабое. Потому что от этого наши беды не становятся менее тяжелыми. Точно так же можно сказать, что распад гниения и мерзость запустения принесло Русской православной церкви теперешнее «освободительное» движение – сейчас, на наших глазах! Но ведь снова не легче от тех слов! Выжигать язвы огнем, отсекал гниющие члены беспощадным мечом – вот чем придется заниматься новоизбранному Патриарху. Да: наказания, жестокие репрессалии, особенно, против священнослужителей, пусть даже явных отступников и преступников, – зло. Но достанет ли у вас сил, Государь, – сил творить зло добра ради? Сможете ли вы любить Церковь и ее паству так сильно, чтобы любовь ваша стала безжалостной, жестокой и беспощадной? Боюсь, что вы, Государь, не сможете. Неизбежно придется творить зло – ради того, чтобы утвердить добро, во стократ большее. Иной раз наказываешь собаку, ребенка – и уже сердце болит. А тут предстоит беспощадная чистка среди священнослужителей, даже я сказал бы – своего рода террор!.. Увы, достаточное число из братии – из тех, о ком я хорошо знаю, давно заслужило и каторжные работы, и вечную ссылку. Вы готовы взять на себя такое

бремя, отчего вам сам Фома Торквемада²⁸ не позавидует? Опасаюсь, что не сможете. Это не по вашему характеру. И трон царский тоже будет брошен, отдан будущей камарилье, которая, конечно, существует и сейчас, но вырастет и окрепнет в сотни раз больше, когда вы уйдете из Зимнего дворца!

Митрополит перевел дух, потом беззвучно заплакал и тяжело сел в кресло. Его черные скорбные глаза, залитые слезами, прожигали душу Николая насквозь. И больше всего царю всего хотелось немедленно вскочить и убежать пешком к себе в Царское Село, в тишину и покой своего кабинета, куда не достигали бы страшные, истерические слова митрополита. Так они оба сидели молча – царь, оцепеневший от картины, которую ему нарисовал митрополит, и высокопреосвященный Антоний, погрузившийся в темную грусть. Наконец Антоний шумно вздохнул, приподнял полу рясы, под которой у него объявились обыкновенные офицерские брюки, заправленные в сапоги, достал из кармана сложенный вчетверо клетчатый носовой платок. Он аккуратно вытер глаза, усы и бороду, высморкался, снова сложил платок и сунул в брюки. И уже совершенно спокойным, но не терпящим возражений голосом произнес:

– Я имею счастье быть вашим духовником, Государь. Вы сами меня избрали для такого высокого и ответственного назначения. И тем дали право не лгать вам, даже во спасение, и предостерегать от гибельных шагов и тем паче мыслей – насколько это по моим слабым силам... И как ваш духовный отец, – тут голос Антония окреп и налился мощью, – я обязан вас предостеречь!

– От чего же предостеречь? – шепотом спросил император.

– Пока – по крайней мере, сегодня – ваше стремление стать Патриархом я могу расценивать не столько как желание послужить Господу, Его Церкви и Святой Руси. Но и как еще одно желание, пусть даже в душе еще отчетливо не высказанное: обеспечить себе личное удобство, как говорят за границами – «комфорт», избавившись от государственных хлопот и забот об Отечестве. Пребываю в надежде, что ошибаюсь! – быстро и примирительно добавил митрополит, увидев как протестующе и с обидой сверкнули глаза царя. – Но, согласитесь, такой – личный мотив тоже может иметь место, пусть даже как досужее предположение. И я считаю совершенно недопустимым для моего духовного чада его желание достичь личного спасения путем оставления своего царственного долга. Он на Ваше величество возложен Самим Господом Нашим Иисусом Христом. Вы – Его помазанник и не можете искать более легкой жизни. Потому что регентство, задуманное вами, не предохранит измученный народ наш от неминуемых опасностей и дополнительных страданий. И потому, если вы, Государь, сын мой, все-таки сочтете необходимым испросить моего духовного благословения на ваше оставление престола и на ваш переход в иноческое состояние, то я такого благословения и положительного напутствия дать не считаю возможным! Почему не считаю, – я попытался только что разъяснить. Если вы не согласны со мной, стало быть, я разъяснил плохо...

К Николаю уже вернулись его выдержка и самообладание.

– Я понял вас, ваше высокопреосвященство, – спокойно и вдумчиво сказал император. – Значит, и этот путь для меня закрыт, – он вздохнул, поднялся с кресла, перекрестился на икону Христа Вседержителя – такую же, как у отца Иоанна, но кисти другого мастера. – Вот и отец Иоанн мне говорил примерно то же, что и вы.

Потом царь упрекал себя за свои последние слова об о. Иоанне. Нехорошо вышло. Николай хорошо знал, что между митрополитом Антонием и отцом Иоанном существует давняя вражда.

²⁸ Томас Торквемада – великий инквизитор (Испания, XVII в), известный невероятной жестокостью.

Митрополит страшно ревновал Иоанна к пастве, завидовал его славе и народной любви – причем, настолько, что даже был не состоянии скрывать свои чувства. Лишь немного погодя Николай полностью осознал, что своим вроде бы случайным и вполне, в общем, естественным упоминанием о разговоре с настоятелем Кронштадтского собора, которого за его божественный дар пророчества, исцеления и утешения еще при жизни в народе считали святым, он подсознательно хотел мелко отомстить о. Антонию за пережитые императором полчаса назидательной порки. Потом он раскаялся, даже наложил на себя добровольно небольшую епитимью, заставив себя тридцать три раза прочесть Иисусову молитву. Но тогда он наблюдал за митрополитом с интересом школьника, воткнувшего в учительский стул железное перо и теперь ожидающего, когда учитель на него сядет. Но Антоний и бровью не повел.

– Что же... Мне не дано, наверное, прозревать будущее до мелких подробностей... как некоторым другим, – ворчливо отозвался митрополит. – И потому я не уверен, что окажусь во всем прав. Не думаю, что путь Вашему величеству к Патриаршему престолу закрыт навсегда, – послал пиллюлю Антоний, что слегка приободрило царя. – Вполне возможно, что когда Цесаревич достигнет совершеннолетия, вы, Государь, будете иметь и полную возможность и полное моральное право вернуться к теме и снова соискать иноческого сана и Патриаршего престола. Когда наступят лучшие времена!

Император отрицательно покачал головой и, тонко, чуть грустно улыбнувшись, ответил:

– В лучшие времена в моем предложении нужды не будет. Да и Патриарх у нас, конечно, появится – надеюсь, это будет достойный пастырь. Выждать больше нельзя, вы сами меня в этом убедили еще раз. Благословите, Ваше Высокопреосвященство! – Николай склонил голову, перекрестился на Христа Пантократора и вышел.

Он уже был абсолютно спокоен, потому что понял своего духовника – понял то, что тот не сказал и никогда не сказал бы. Догадалась и Александра:

– Он сам желает престола! И ничего труого. Я абсолютно уверена... И здесь интрига – в Святом Божьем деле! Позор!.. Как мощно? – возмущенно обратилась она к иконе Владимирской Богоматери – самой своей любимой.

Николай осторожно возразил:

– То, что он рассказал о происходящем вообще в Церкви – действительно, ужасно. Он считает, что справиться со злом, проникшим во святая святых, остановить процесс разрушения Веры и Церкви сможет человек иного, чем я, склада. Нужна очень большая чистка. Репрессалии и наказания неизбежны. Это я хорошо понимаю, и в этом Вадковский прав. Другое дело...

– Ники! Друг мой! Никогда! – перебила его Александра. – Ты – Царь, ты – Кесарь, ты можешь все и имеешь право на все! С Божьей помощью, конечно, а Господь тебя не оставит и даст силы исполнить Его волю. Ты разве не видишь, как наступило время для решительных и сильных теиствий. Твой великий предок Петер не спрашивал у тогдашнего Патриарха – хочет он освободить место или нет. И просто ссадил его с престола.

– Не совсем так, – уточнил Николай. – Старый Патриарх умер, а выборы нового император Петр Алексеевич отменил.

– Не имеет значения! Главное, он решился. Он знал, что в тот момент нужно России, какое устройство. Петер Великий не пользовался любовью церковников – это мы все знаем. Они ему мешали во всем. Ставили палки в колеса, ругали с амвонов, объявляли Антихристом.

– Да, – подтвердил Николай. – Даже провозглашали с кафедр, что царь Петер из-за границы не вернулся, а вместо него мучает народ строгостями «подмененный» – самозванец...

– Doch!.. Вот!.. Видишь?! Как можно было с такими церковными начальниками улющивать что-либо в России? Что они советовали бы Государю? Что благословляли? Петер Алек-

сеевич знал – нужна решительность. Тогда было нужно ликвидировать Патриаршество. Так же как сейчас нужно восстановить. Почему ты спрашиваешь разрешения у этого интригана?

– Какого интригана? – переспросил Николай.

– У Антония! – воскликнула императрица. – Зачем ты делишься с ним своими сокровенными планами?

– Но ведь он мой духовник – как же иначе! – удивился Николай.

– Ты сам его выбрал для этой роли, – заявила Александра. – В твоей воле дать ему *das Abschied* – отставку. И тогда ты, наконец, убежден станешь, что он никакой тебе не наставник, не друг и даже не единомышленник! А просто конкурент, соперник, желаящий получить теплое место и гордыню потешить... Никакого дела до нашей бедной Родины у него нет. Иначе он предложил бы тебе свою поддержку, помощь в святом деле, вдохнул бы в тебя дополнительные силы. Веру в успех того, что ты задумал. А знаешь ли ты, что Вадковский – тайный масон? Его уже за это надо расстригать и постригать – с позором!.. И вообще, выслать туда, куда его «братья-каменщики» не смогут добраться!..

– Аликс, – смутился Николай. – До меня доходили эти досужие, ничем не подкрепленные разговоры, и я сожалею, что ты к ним прислушиваешься и даже их пересказываешь мне... Так можно кого угодно обвинить.

– Ники, родной мой! Ведь все очень просто: распорядись, пусть Батюшин²⁹ выяснит все от начала и до конца, чтобы не пользоваться сплетней и светски разговоры. Только не поручи Департаменту полиции – эти сразу разнесут по всему свету, что у русский император духовник – масон!

– Да, в этом – ты абсолютно права, – вынужден был согласиться Николай. – Завтра же распоряжусь.

Однако император, всегда аккуратный в делах, ничего не забывающий – у него не было личного секретаря, не говоря уже о личной администрации или канцелярии, – не дал поручения военной разведке. И дальше события развернутся снова по-своему, будут следовать друг за другом, плохо совпадая с царскими представлениями об окружающей действительности, с прогнозами императора и его желаниями, которые все реже и реже он превращал в конкретные действия.

Патриарх в России все-таки появится, но не скоро: только через тринадцать лет и уже в другой России – в советской. Претендовать на престол будут трое: действительно, сам Антоний Вадковский, митрополит Антоний Храповицкий и будущий святитель Тихон. Разговоры о том, что Вадковский делает в масонской ложе карьеру и уже достиг какого-то высокого градуса, продолжались до тех пор, пока он неожиданно и при странных обстоятельствах скончался. Опять-таки же ходили сплетни, будто отправили его в лучший мир братья-каменщики, потому что он вольно или невольно привлекал к ложе слишком большое внимание.

Антоний Храповицкий станет Первоиерархом Русской православной Церкви Заграницей.

А Патриархом в РСФСР изберут Тихона, который вскоре примет мученическую смерть от гонителей Православия, которые через двадцать лет отчасти получают справедливое воздаяние в жестоком и героической 1937 году.

Но тогда, еще до второй революции, но уже после кровавого усмирения первой, чем три года подряд занимался новый премьер Столыпин, один из самых безжалостных, самых

²⁹ Генерал Батюшин – начальник разведывательного управления Генштаба.

тупых и самых невежественных высших чинов России, царь записал в своем дневнике в 1908 году³⁰.

«Царское Село. 23 декабря. Четверок. Погода хорошая, но солнце показывалось всего 2 раза на несколько минут. Небольшой мороз не холодит, только бодрит и освежает. Однако же снега до сих пор нет, если не считать короткой метели в ноябре. Неужели и в Рождество останемся без снега?»

Почти три года прошло со времени того отвратительного и унижительного для меня разговора с о. Антонием, однако, по-прежнему у меня все перед глазами, тревога и горечь не дают успокоения и по сей день. Что-то в душе обрушилось и даже сломалось, не в части веры, а в части отношения к некоторым иерархам. С тех пор я потерял желание подпускать кого-нибудь из них близко к себе, к душе. Ограничивать их общение со мной как с Монархом, разумеется, было никак нельзя. В противном случае нашлось бы много желающих в сей же час увидеть в таком изменении личный мотив (который и в самом деле имел место), а давать повод так рассуждать невозможно: не с партикулярным Романовым они имеют отношения. В назначенные часы, а когда надо, то и без доклада графу Фредериксу они получали свои аудиенции, я подписывал указы о присвоении им орденов, других знаков отличия, о пожертвованиях из средств от удельных земель, об открытии и содержании за счет казны семинарий и воскресных школ, о назначении пансиона вдовам священников, потерявших здоровье или погибших во время выполнения своего миссионерского долга в Сибири, в Монголии, Китае или Манчжурии, в Средней Азии и даже в Африке. Было несколько встреч с о. Антонием. И мы общались так, как словно никаких тяжелых объяснений между нами не было или же оба мы молчаливо, без слов, договорились не касаться больше той темы. Деятельность Синода по созыву поместного Собора, который был намечен на 1907 год, явно сходил на нет. Это хорошо, так как в силу меняющегося моего восприятия всего, что касается управления Церковью, я уже не так уверен, что восстановление Патриаршества принесет то, что ожидается. Между высшим священством, за исключением разве что о. Иоанна Кронштадтского, и мной выросла незримая стена. Еще хуже – недавно заметил за собой новую и неприятную самому себе особенность: встречаясь или беседуя с кем-либо из клириков, независимо от его звания и положения, поневоле всматриваюсь в его лицо, вслушиваюсь в его слова по-новому, потому что ищу в его лице и звучании его голоса признаки своекорыстия, неискренности и глупости. Многие из них мне стали подозрительны, раздражают или вызывают досаду, потому что (чаще всего, без серьезных оснований) кажутся корыстолюбцами, стяжателями и просто дураками. Я хорошо понимаю, что это не так, что предубеждения всегда искажают истину и никогда не способствуют правильной оценке того, что меня окружает, что подходит ко всему с меркой, заранее отрицательной, – грех, одна из форм личной и глубоко укорененной гордыни. Однако преодолевать ее трудно, особенно, если получаешь со стороны доказательства, которые только укрепляют в неприятных подозрениях. Одни стяжатели в рясах открыто, даже с каким-то вызовом и презрением к окружающим домогаются должностей в Синоде, другие готовы утопить своих соперников в погоне за богатыми приходами. Редко, очень редко вижу равнодушных истинных и чистых служителей Церкви, у которых в сердце любовь к Христу и в душе забота о пастве. Их, верных и равнодушных пастырей, безусловно, больше, чем я думаю. Они не ищут мирской славы, почета, денег и орденов. Они вообще не катаются по столицам – напротив, не считают возможным оставлять своих духовных чад даже ненадолго, особенно, там, где и сегодня крепки язычество, шаманизм,

³⁰ Относительно данного дневника у специалистов нет единого мнения о его подлинности. Не исключено, что мы имеем дело с апокрифом. Тем не менее, при перекрестной проверке львиная доля фактов подтверждается другими историческими источниками (авт.).

питаемые невежеством и страхом. Тут парадокс: именно потому этих священнослужителей начальство часто не знает даже в лицо, что они выгоды себе у начальства не ищут. Некогда ездить по столицам, если служишь в какой-нибудь крохотной деревянной церквушке (а то и в каком-нибудь чуме – дерева в тех местах нет!) на берегу Ледовитого океана. Но то, что творится на остальных просторах моей родной России, не радует и свидетельствует все о том же: Антихрист уже в пути! Он близок, если уже не находится между нами!

Вчера Герасимов³¹ предоставил мне удивительный и чрезвычайно интересный документ, вернее, копию записки протоиерея Иоанна Восторгова, которую он еще в прошлом году собирался подать в Священный Синод, но почему-то этого не сделал. Переписано, конечно, тайно, без ведома автора... Не самый деликатный, разумеется, способ узнать, о чем и как мыслят твои поданные, особенно, те, кто принадлежит к духовному сословию, потому что их тайны они хранят крепко и от мирского начальства скрывают. Плохо читать чужие письма, но что поделаться иной раз – надо!

Записка о. Иоанна меня, без преувеличений, потрясла. Хотя он говорит о будущем – не столь отдаленном, и проверить пророчество или предвидение можно лишь потом, после того, как они состоялись или не состоялись.

Размышления и умственные спекуляции о. Иоанна настолько впечатлили меня, что я решил некоторые фрагменты записать.

«Если бы случилось так, что сила и власть Царя будут умалены, если бы Царь стал ограниченным и несвободным, тогда беспрепятственно придут враги в достояние Божье, и те же евреи, от которых умер Христос, от которых страдали Апостолы, те же евреи, которые и доньше явно и тайно стараются всеми способами уничтожить ненавистное им христианство, получат силу и возможность наносить Церкви Божией удар за ударом. Конечно, злобе врагов Божиих не пересилить Божьего всемогущества; Церковь сохранится и пребудет, как сохранилась в дни Ария и при гонениях в самой Византии, но государство, отступившее от Церкви, погибнет, как погибла Византия и народ, отошедший от чистоты Православия, будет отдан в рабство другим народам, как это случилось с тем же Византийским царством. Так погибнет и наша Россия: до неба вознесенная за свое Православие и верность Церкви, т. е. Христу, она до ада низринется. Избави нас, Господь от такого ужаса!

Но вы спросите: как же может это случиться с целым верующим народом? Может – может это случиться, братие! Тому примеры бывали. Знаем мы, как огромная толпа, безоружная неупорядоченная, без вождей и правителей, легко подчиняется одной сотне вооруженных и обученных воинов. При ограниченном Царе, покровителе Церкви, мы и будем такой толпой, а враги Христовы будут вооруженным отрядом. Пастырей наших ревностных и учительных они либо обесславят, как это они и теперь делают, например, с о. Иоанном Кронштадтским, или изгонят, как это теперь делают евреи и еврействующие в христианской Франции. Вождей у нас не будет; царь, обесславленный, ограниченный и связанный чужою волею, нас не в состоянии будет защитить. И что тогда с нами будет? Мы пойдем к верной гибели: начнутся ереси и расколы, безбожники будут гнать нас, как гонят во Франции, запечатывая церкви, изгоняя монахов и священников из храмов и из школ, запрещая народу исполнять правила своей веры. Не нужно много ума иметь, чтобы увидеть, что у нас в России, единственно только у нас есть Самодержавный царь. Если не станет этого последнего Самодержца, если он будет ограничен и несвободен, то наступит благоприятное время для приготовления и появления Антихриста. Как это случится? Антихрист воспользуется так называемой демократией, то есть народоправством, именно таким образом правления, в котором все решает не христианский разум, не христианская совесть, а так называемое боль-

³¹ Начальник Департамента полиции МВД.

шинство, которое легко составить искусственно – подделать, подкупить, увлечь на время пышными словами и обещаниями.

По слову и учению св. Апостола, тайна явления Антихриста – человека греха, сына погибели превозносящего выше всего, называемого Богом или святынею, – тайна этого беззакония уже в действии. Но она не совершится до тех пор, пока будет взят от среды, от жизни Удерживающий»³².

Удерживающий – это обо мне, вернее, о Самодержавном царе вообще, который только и в состоянии удержать Россию отпадения в бездну неверия, сомнения и ненависти к Верховной императорской власти, а значит, и от ненависти к Самому Вседержителю.

Кто у нас понимает эту связь между существованием Самодержавия и существованием России как Третьего Рима? Среди лучших нынешних государственных умов и духовных провидцев – пять-шесть человек (кроме меня самого)... Но вот гр. Лев Толстой пишет мне письмо, начинающееся словами: «Дорогой брат!» Какова дерзость! Он обращается ко мне как к брату во Христе, но почему-то ни на грош не ставит самым дерзновенным образом тот очевидный факт, что я, по Воле Божьей, являюсь еще и Кесарем. Нет же, граф еще и заявляет, что Самодержавие – такая форма правления, какова уместна, может быть, где-нибудь в Центральной Африке, но не в просвещенной России. И что я должен отменить частную собственность на землю. Мол, земля – от Бога. Торговать ею или владеть ею нельзя, только пользоваться. Может быть. И наверняка гр. Толстой прав, но только для тех исторических обстоятельств, отсутствия которых в наши дни он почему-то не замечает. Когда бы Россия действительно была просвещенной, то пусть бы и говорил. Но ведь все не так. Если бы народ был действительно просвещен, как сие представляется гр. Толстому, то он, напротив, сознательно, с полным убеждением и знанием Истины дорожил бы Кесарем, охранял его власть и укреплял Самодержавие как спасительный способ правления, удерживающий всех нас, весь народ – от Царя и до последнего нищего – от бездны падения в рабство Антихриста, который все настойчивее совращает умы и сердца и требует ограничения Самодержавия и введения сатанинской демократии. Сейчас народ бессознательно, по привычке хранит в своих сердцах верность Православию и Самодержавию, но верность эта тает с каждым днем, а оживить ее, укрепить и просветить я не в силах. Они точно так же истаяли, как мартовский снег.

Страшнее всего в переживаемый данный момент растущее недовольство, дерзость людская и не столько против Самодержавия, а – что в стократ хуже и убийственнее – растущая ненависть к Православной Церкви. Вот и о. Иоанн Восторгов это тоже замечает: «Убить в русском народе Православную веру – все то же, что нанести смерть его политическому существованию. Политика и религия в русском народном разуме и сердце переплетены самым теснейшим образом. В национальном гимне свой народ славит Царя Православного и в Церкви молится о Царе Самодержавном. Разделить эти два понятия, пока жив русский народ так же невозможно, как невозможно в земной жизни отделить душу человека от его тела: лишь смерть физическая для человека и политическая для народа может совершить эту метаморфозу...»

Поздно, поздно отчет! Метаморфоза уже совершается, уже вовсю идет! Мы надеялись, что Столыпин уже усмирил гидру революции, которая особенно разрушительно проявилась в деревне: поджогами имений, убийством помещиков и государственных людей. Столыпин не пожалел себя. Не пожалел и чужой крови, чтобы не вызвать потом кровь еще большую. И что же? Чуть только затихло революционное брожение в России, как из Сибири стали возвращаться переселенцы, которых повлекли туда, на незанятые земли, его реформы. Я пове-

³² Текст подлинный.

лел министерству внутренних дел подготовить статистику. Оказалось, возвращается каждый десятый. Свободных земель они не нашли.

И не могли – оказалось, что количество пригодной для хлебопашества земли крайне ограничено. Они возвращаются каждый день. Куда же? Здесь уже нет ни дома его, ни земли, ни скота, ни работы. Если возвращенец нанимается в батраки вместе со всей семьей – это теперь для него огромное непостижимое счастье. Те, кто не смог снова закрепиться на земле, уходят в город и готовы выполнять за кусок хлеба любую самую черную работу. Остальные берутся за топоры и кистени. Не таких же результатов ждали от столыпинских нововведений?! Отсюда и отвращение от государства и от самой Церкви Православной, без которой он еще пять-шесть лет назад он просто не мог жить.

Еще из записки о Восторгова.

«Невеселые вести приходят из сел и деревень, с фабрик и заводов. Почти ежедневно узнаем о случаях ограбления церквей и монастырей нередко с кровавыми жертвами. Не так давно в московской епархии совершено нападение грабителей – «экспроприаторов»! – на храм в праздник, во время самой Литургии!!! Причем грабители убили псаломщика. Да, ограбления храмов случались и в другие времена. Но теперь все чаще и чаще встречаются случаи открытого и озлобленного богохульства. На Пасху в одном из селений московской губернии молодые мастеровые, встретив в поле крестный ход с иконами и хоругвями, взятыми из приходского храма, кощунственно надругались над ними.

В село Пустошка 2-го стана Московского уезда была привезена из Москвы чудотворная икона Спасителя, перед которой в присутствии множества богомольцев священнослужитель приступил к совершению молебствия. Едва раздались первые возгласы священника, как растолкав толпу, почти к самой иконе протискался местный крестьянин-мясник и набросился с бранью на священника и молящихся, понося в то же время богохульственными словами чудотворную икону Спасителя.

Возмущенные богомольцы бросились было на богохульственного мясника. Но тот, выхватив из кармана тяжелую чугунную гирию, угрожал уложить каждого, кто приблизится к нему. На место происшествия были вытребованы конные стражники, которыми и был арестован озверелый богохульник. В это время толпа крестьян, глубоко возмущенная поруганием святыни, с негодующими криками набросилась на арестованного, намереваясь учинить над ним самосуд, но была остановлена словом священника, призывавшего прихожан к порядку и увещевавшего, что преступник и без того понесет тяжкое наказание. Толпа успокоилась и отправилась дослушивать прерванное молебствие. Мясник препровожден в Москву и заключен в тюремный замок.

Если бы такие выходки и сходили из сектантского фанатизма, все это было бы, конечно, печально, но, по крайней мере, понятно. Но в том и горе, в том и опасность всех этих проявлений дикости, что коренятся они в особом, мы бы сказали – в религиозном и нравственном одичании, которое все больше укореняется в нашем народе под влиянием «освободительного» движения последних лет. Бесстрашие в преступлении и особый мужицкий «нигилизм» – самый бесшабашный, безудержный и потому особенно страшный. Сие уже давно отмечают наблюдатели нашего народа.

Еще у Достоевского выведены два мужика, которые спорят поистине ужасающим спором: кто из них совершит преступление более ужасное и страшное.

Мне в свое время по обязанностям службы пришлось много поездить по России и приглядеться к приходской жизни в праздники во время богослужений. Нужно ли говорить о небрежности богослужения? Это так больно, так мучительно рассказывать! Вот несколько картинок.

Средняя Россия; маленький приход, уютная небольшая церковь; утром в Великий пост идет преждеосвященная Литургия. Сегодня исповедь, затем – причащение. Служит молодой священник.

Церковь полна, но без темноты. Крестьяне и крестьянки стоят в лучших одеждах; тихое, благоговейное настроение; частые поклоны; слышны вздохи, шепот молитвы. Среди всех присутствующих, увы, – хуже всех держит себя священник. Служба у него спешная, небрежная, слов ектений и молитв невозможно разобрать; человек, видимо, куда-то спешит, с неохотой и неудовольствием кое-как отправляет мешающую ему службу. Ни звука поучения – а какая благоприятная минута, какая благоприятная среда!

Богатый и привольный юг. Огромное селение с 20 тысяч жителей; три храма; воскресный вечер. По приказу епархиального начальства служатся праздничные вечерни. Захожу. Церковь полна до тесноты, не менее тысячи человек. Опять знакомая картина. Поет и читает один псаломщик; диакон совсем не служит; священник человек с голосом. Подает из глубины алтаря еле слышные возгласы; в церкви какая-то тоска; народ только стоит, именно стоит... Спешно, в 20 минут окончили вечерню, народ разошелся... Зачем он сюда приходил? Что он отсюда вынес? Здесь уже и на обеспеченность малую духовенству ссылаться нельзя, и нельзя занятиями домашними объяснить спешность службы: приходы дают здесь священнику очень хорошее обеспечение.

Недалеко большая казачья станица. Воскресная служба; народу множество. Ухитрится утреню и обедню кончить ровно 1 час и 20 минут! Можно судить по этому времени, как совершается служба. Я присутствовал на такой службе не раз. Зная наизусть всю службу, я не мог разобраться, что поют и что читают. Что же может вынести казак, простой человек? И какое преобразующее влияние окажет служба церковная на его душу, уставшую после недельного труда? Крещение – 5 минут; бракосочетание – 15 минут; в погребение все выпущено до такой степени, что оно становится короче панихиды. Все сведено к форме. И слышится устрашающий голос: «Горе вам, пастыри израилевы! Се Аз на пастыри!»

В одном большом епархиальном городе образовался пастырский проповеднический кружок при братском храме. Вошел в него и сам Преосвященный. Духовенство города все было образованное, наполовину с академическим образованием. На первую проповедь архиерея явилось много духовенства. Преосвященный начал изъяснять Символ Веры и рассчитал беседы на целый год. Нужно было видеть, с одной стороны, усмешки и иронию со стороны духовенства, с другой – внимание пасомых, которые все в большем количестве сходились по воскресеньям и праздничным вечерам слушать простое изложение Веры Православной. Один из ревностных наших и ученых архипастырей, отмечая это отсутствие катехизической проповеди, со справедливой горечью как-то говорил: «Я думаю, скоро наш народ разучится совершать крестное знамение».

Да, прав владыка, куда уж дальше: усмешки и ирония священников на разъяснение Символа Веры... Если бы только это – не так велика забота, не такой страшной была бы деградация Церкви и ее служителей. Но ведь не о пустяках сокрушается о. Иоанн, а все же не хватило у него смелости подать записку по начальству. В ней – самое главное: о повсеместном пренебрежении народа к вере вообще. Что уж тут говорить о так называемом высшем обществе, которое толпится в приемных разных начальников, на лестницах Зимнего двора, ища выгоды. Тут давно хороший тон – кичиться своим атеизмом.

Но офицерство! Такого не было никогда – лейб-гвардейцы идут в полковой собор на службу толпой, нередко пьяные, с шутками и хохотом. Некоторые капелланы не отстают: погружаются либо в пьянство, либо в соблазны ересей, тонут в разврате, мужеложстве, педофилии... Ну почему все литераторы – действительно все, кроме разве что Николая Лескова

и Сергея Нилуса, не решаются изобразить умного, честного, скромного священника, любящего Бога и паству свою всем сердцем?

Что ни прочтешь, начиная с Пушкина, – так священник непременно пьяница, дурак или развратник. Без поборов отказывается крестить или отпевать. И что же в том удивительного, что уходит, тает уважение к Вере, к Отечеству, к Самодержавному монарху. Тут уже ни в чем нельзя быть уверенным. Если возникнет смертельная угроза для трона – не для Романовых, а для Царя вообще, который и есть Удерживающий Россию от сатанинского соблазна разрушительства, от желания склониться перед Антихристом, – то кого выбрал бы сегодня наш народ? Защитит ли он Святую Русь? Сохранит ли Третий Рим? Уже тот факт, что я задаю себе вопросы о том, что еще совсем недавно было бесспорным, доказывает, насколько далеко мы ушли. Только непонятно, куда – вперед к цивилизации или назад к дикому существованию, к доисторическому варварству. И это в начале XX века – века торжества прогресса, великих открытий в науке и промышленности, когда человек совершил величайший прорыв – сумел подняться в небо в аппарате, который тяжелее воздуха, может переговариваться на дальних расстояниях по беспроволочному телеграфу, опускаться в морские глубины в подводных аппаратах – величайшем изобретении инженерной мысли! Если бы мужик только разучился крестное знамение совершать – не беда, то есть беда, но не катастрофа. А не схватит ли он топор и не обрушит ли его на святые образа? Не начнет ли сбрасывать церковные колокола на землю, сбивать кресты с куполов? Исторический пример этого мы имеем: как это делается, нам показал сам Петр Великий. И тут совершенно не важны причины. Главное, что такое уже однажды стало возможным. Значит, можно и в другой раз. Оправдание найдется всегда. Вот что самое страшное – четвертому Риму не быть! А столыпинскими розгами и виселицами благочестия народу не прибавить – только умножишь ненависть».

Николай даже не подозревал тогда, девять лет назад, как он оказался сокрушающе близок к истине.

Когда родители приблизились, дети сразу поняли по их лицам: произошло что-то серьезное. Выслушали новость молча и с недетской тревогой.

– Хотелось бы надеяться, что наш курс – Романов-на-Мурмане, – по-военному деловито заявил Алексей.

Он и в самом деле был военным – сначала ефрейтором, потом младшим унтер-офицером. Унтера дал ему сам Верховный Главнокомандующий, когда Алексей вместе с отцом был в Ставке в Могилеве. По случаю повышения в чине Алексей заявил матери, что теперь он имеет право на 20 рублей ежемесячного содержания от государства; ефрейтором он получал десять рублей. Мать повздыхала – она оставалась по-немецки экономной, но закон есть закон. Назначила новому унтеру российской армии новое жалование (из своего кармана) и к нему выдала единовременно еще 20 рублей.

Алексей, как и отец, с самого начала войны ходил только в военном, повсюду сопровождал отца, и сердца самых хмурых офицеров таяли, когда перед ними вытягивался во фронт десятилетний ефрейтор, четко отдавал честь и молодецки прищелкивал каблуками.

– Что за военный у нас появился? – с максимальной серьезностью спросил его начальник генштаба генерал Алексеев при первой встрече. – Новый призыв?

– Ефрейтор стрелковых войск его императорского величества Алексей Романов, ваше превосходительство! – Он, как и положено, старательно ел глазами начальство. – Прибыл на Ставку для несения общестроевой службы.

– Хорошо, хорошо, ефрейтор Романов! – кивнул одобрительно Алексеев. – Хвалю. Продолжайте служить.

Продолжая пожирать генерала глазами, Алексей выкрикнул, что было силы:

– Рад стараться, ваше высокопревосходительство! Разрешите идти?

– Разрешаю.

Алексей четко сделал поворот кругом и строевым шагом направился к царскому поезду.

На Ставке царь каждый день давал обеды. На них обязаны были присутствовать все высшие чины. В ресторан-салоне царского поезда рядом с обеденным столом был еще один, поменьше, круглый, на котором были выставлены бутылки и графины с четырьмя-пятью сортами водки и настоек и две-три бутылки хорошего вина крымских сортов. Поздоровавшись с каждым за руку, царь говорил:

– Не угодно ли закусить?

Выпивали не больше одной рюмки.

Покончив с первым блюдом, царь доставал из нагрудного кармана гимнастерки свой небольшой тонкий серебряный с чернью портсигар, извлекал оттуда папиросу, набитую душистым турецким табаком и предлагал портсигар гостям:

– Не угодно ли закурить?

Курильщики, кроме царя, было трое – генерал Рузский, генерал Иванов и, как ни странно, главный протопресвитер русской армии Георгий Шавельский. Впрочем, он не особенно себя травил: ограничивался одной-двумя папиросами в день. Царь же курил много – одну за другой – во время обеда и после него. Выкуривал папиросу до половины и отправлял в пепельницу, откуда, если дело было во дворце, окурки часто воровали дочери и тайком дымили на чердачной лестничной площадке. Иногда они таскали окурки и после матери, которая курила не меньше отца, но только египетские пахитоски через длинный янтарный мундштук³³.

После обеда тот, кто хотел, мог позволить себе еще рюмку мадеры или хереса, но лишь в том случае, если царь давал знак официанту налить и ему. Чаше гости оставались без вина.

Однажды на десерт подали арбуз. Для нижнего чина Романова арбуз разрезали пополам, он взял половинку и незаметно забрался под стол, где и расправился с ним. Потом также незаметно выбрался, тайком прокрался за спинами гостей к Великому князю Сергею Михайловичу и неожиданно нахлобучил полосатую зеленую полусферу ему на голову. Князь замер на несколько секунд в своей каске, истекающей соком. Гости застыли, в ужасе глядя на царя – что сейчас будет? Царь, внутренне помирал от смеха, но все же нашел в себе силы строго посмотреть на нижнего чина и приказать:

– Рядовой чин Романов! Как можно? Немедленно извинитесь!

– Не сердитесь, пожалуйста, – тут же попросил великого князя цесаревич. – Простите меня, я ведь только пошутил!..

– Ну что вы, Алексей Николаевич! – ответил Сергей Михайлович, снимая арбузную каску с мокрой головы. – Я ведь тоже шутить люблю!

У собравшихся отлегло от сердца, генералы заулыбались.

– А вы тоже сотворите какую-нибудь шутку со мной! – предложил Алексей.

– Непременно, непременно пошучу! – пообещал великий князь.

Алексей потянулся за второй половинкой арбуза, но его остановил отец.

– Ты, наверное, решил, что на том дело и кончилось? – спросил Николай. – Ошибаешься. Такой поступок не может остаться безнаказанным. Дисциплину и субординацию никто не имеет права нарушать, даже царь, не говоря уж о цесаревиче! Извольте получить трое суток гауптвахты, то есть домашнего ареста!

– Трое суток? – огорчился Алексей. – Пожалуйста, не надо... это много очень!..

³³ В 1914 году императрица курить бросила, приняв обет по случаю войны.

– Как, изменить срок?

– Да, пожалуйста, папа, очень прошу...

– Если ты, когда станешь Главнокомандующим, будешь менять свои решения по несколько раз в день, у тебя вся армия развалится, и ты останешься без войск, – назидательно произнес Николай. – Тут, правда, случай особый... Так уж и быть. Учитывая чистосердечное раскаяние, – сутки. Можешь отправляться к себе. Время ареста пошло. Кругом! Шагом марш!

– Так точно, ваше императорское величество! Рад стараться! – Алексей вытянулся во фрунт, щелкнул каблуками и направился к выходу. Но перед дверью остановился и снова обратился к отцу:

– Ваше высокопревосходительство! Господин Верховный Главнокомандующий! Разрешите обратиться?

– Разрешаю, – усмехнулся Николай. – Что еще?

– Прикажете отбывать гауптвахту не здесь.

– А где же?

– На посту. В охране.

– Приказываю, – разрешил царь.

Через полчаса Алексей, в шинели, сапогах, в портуpee, в солдатской бараньей шапке, со своей любимой игрушечной винтовкой – точной копией трехлинейки Мусина, стоял у входа в ресторан-салон, строго требуя от всех проходить мимо и не задерживаться. Так он простоял два часа, пока часового не снял с поста Верховный Главнокомандующий. За добросовестную службу ефрейтор Романов через неделю был пожалован младшим унтер-офицером и награжден Георгиевским крестом³⁴.

– Да, теперь я абсолютно уверен – повезут на север! – важно повторил Алексей. – Других вариантов просто нет и быть не может.

Ему нравилась роль бывалого: еще бы – за плечами служба в армии!

– Как бы нас там не оставили до конца наших дней, – мрачно отметила Татьяна.

– А что? – сказала Мария. – Ссылка на север – очень даже неплохо. Во всяком случае, лучше, чем здесь. Хорошо бы поселиться под чужими именами! Начать совершенно новую жизнь – такой шанс редко выпадает. Кому еще может так повезти?

– Ты полностью права, – поддержала сестру Ольга. – Ссылка – не беда. Господь милостив к гонимым. Разумеется, там будет лучше, чем в Царском. Не будем, по крайней мере, раздражать и без того раздраженную публику. И потом – север... там чистота, свет. Рядом святая Соловецкая обитель. Белые ночи летом, там они продолжаются дольше, чем у нас.

– Да-да! И черные ночи зимой. Они там тоже дольше держатся, чем у нас, – бросила реплику Татьяна. – Холод и вьюга, снег и пурга.

– Зато покой, – возразила Мария. – В любом случае надо подальше отсюда.

Алексей мечтательно сказал:

– Пока мы будем там, кончится война. И дядя Джордж тогда может спокойно послать за нами эскадру. Сейчас через Балтику все равно плыть нельзя. Германские субмарины потопят нас в два счета.

– Ну, это вряд ли – теоретически, разумеется, – сказал отец. – Дядя Вилли обещал нас беспрепятственно пропустить, если мы соберемся плыть в Англию морем.

– Обещал!.. – хмыкнула Татьяна. – Сколько стоят такие обещания?

– Во время войны никому доверять нельзя! – категорически заявил Алексей. – А противнику – и подавно, даже если это родной дядя.

³⁴ По другим сведениям, за пребывание в местах боевых действий (авт.).

– Правильно, фельдмаршал! – воскликнула Мария. – Поганый Вилли немец-перец-колбаса еще раньше обещал не начинать войну против нас. А мы поверили. Если бы не он, ничего бы этого не было – революции, отречения, ареста, ссылки...

Наступила тяжелое, грустное молчание. В самом деле: если бы не эта проклятая война!..

– Ну, ладно! Хватит заниматься самоедством, – заявила Мария. – А скажи-ка мне, Гай Юлий Цезарь, а что Керенский? – обратилась она к брату, – Керенскому можно доверять?

Алексей задумался, но так ничего и не сказал.

– Я отвечу тебе, – сказал отец. – Керенскому я доверяю. Я так ему и сказал. Вы сами должны понимать – у нас попросту нет выбора. Приходится доверять – и basta! Он дал нам на сборы пять суток. Заканчивайте свои аграрные хлопоты и за дело.

– Как же мы там без огорода? – огорчилась Анастасия. – Жалко оставлять. Я так хотела попробовать капусту!..

– Новый разобьем, – пообещал отец. – Выпишем стойкие северные сорта, выведем новый, морозоустойчивый сорт капусты... Оранжерею построим, можно будет даже апельсины выращивать, как когда-то монахи в Валаамской обители. Работы хватит. Скучать будет некогда!

Пять дней прошли как один – бесконечный, угарно-изматывающий, когда от усталости не замечаешь, как утро переходит в день, а вечер в ночь. Все это время Александра пребывала в состоянии сильнейшего страха.

– Ничего не получится, – бормотала она. – Нас обманут, конечно, обманут... Врут, что предоставят отдельный поезд. Где они его возьмут? Железные дороги разрушены, паровозов России почти не осталось.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась Ольга. – Ты же нигде не бываешь, как и все мы.

– Рита пишет... От нее и знаю, что творится в нашей родной и несчастной России.

Рита, фрейлина Маргарита Хитрово, как и все придворные, доступа к Романовым не имела. Однако бросить императрицу она не могла и старалась находиться как можно ближе к Александре, хотя прекрасно понимала: любая ее попытка установить контакт с императрицей кончится арестом и заключением в Петропавловскую крепость. Своими первыми зверствами Временное правительство уже ясно дало понять, что ожидает тех, кто не захотел публично объявить о своей ненависти к самым высокопоставленным врагам народа.

Хитрово сняла квартиру недалеко от дворца, каждый день писала императрице письма и находила самые удивительные способы передавать их во дворец.

Однажды она использовала в качестве почтальона даже царскосельского золотаря. Керенский подозревал, зачем Хитрово поселилась в Царском, и приказал установить за ней слежку. Однако конспиратором она оказалась хорошим, и ей удавалось пока не давать новой власти повода для ареста. Столь же хорошо Хитрово осознавала, что ее могут схватить в любой день и час без вины и безо всякого повода и бросить в каземат Петропавловской крепости, как было сделано с Вырубовой.

Вырубову арестовали через несколько дней после того, как при Временном правительстве была создана чрезвычайная следственная комиссия для расследования преступлений царского режима – ЧСК. Естественно, комиссия не имела никакого правового статуса и цель ее заключалась не в том, чтобы найти какую-то истину, а провести акцию террора против бывших слуг или сторонников прежней власти. В ней было всего два-три адвоката. Остальные не имели никакого отношения к юстиции как, например, поэт Александр Блок. Тем не менее, члены комиссии, получив беспредельную и бесконтрольную власть, сразу поняли задачу. Выступая в газете «Новое время», на митингах в университете, в солдатских казармах, вла-

стителю дум русских либералов и лидер партии кадетов профессор П. Миллюков, дал массам хорошо понятный лозунг:

– Нам от самодержавия достался отвратительный человеческий материал! – сообщил профессор-гуманист. – Его переделать, улучшить и оздоровить невозможно. Гангренозные язвы проникли слишком глубоко в общественный организм. И нам остается только одно – решительная ампутация! Сейчас каждый гражданин новой России, если он только не враг народа и не лакей самодержавного деспотизма, должен участвовать в гигантской чистке общества, чтобы новая Россия могла влиться семью цивилизованных стран. Предлагаю всем, кто хочет доказать, что имеет право на жизнь в новой демократической России войти в сношения с ЧСК и сообщать о явных и скрытых врагах народа. Справедливая кара не заставит их ждать!

Первыми попали в мясорубку «чрезвычайки» царские министры. Сначала в Петропавловку отправили последний состав кабинета, потом добавили бывших. Решения «Чрезвычайка» выносила не на основании каких-либо законов – правовой базы у нее не было и не могло быть; даже столыпинские кровавые военно-полевые суды или впоследствии большевистские «тройки» имели хоть иллюзорное правовое обеспечение. У членов ЧСК в избытке имелось только горячее желание расправы, какое испытывает каждое ничтожество, получившее огромную власть над чужой жизнью и смертью – особенно над теми, перед кем они еще вчера дрожали.

Самым трудным для членов ЧСК было внятно сформулировать обвинение. Но потом была найдена универсальная формула: «За поддержку и обслуживание преступного самодержавного режима» или для разнообразия – «За связь с преступным режимом», преступность которого так никто и по сей день не доказал. Да и, в конце концов, все подданные Российской империи так или иначе «имели связь с режимом». Так что формула подходила всем без исключения. Приговоренные получали (без судебного приговора) либо длительные сроки заключения, либо комиссия, проявляя революционный гуманизм, назначала ссылку.

Через два месяца работы в ЧСК пошли разговоры, что надо немедленно восстановить смертную казнь. Правда, до нее не дошло – не успели. Впрочем, на деле казни уже пошли. Бывший премьер-министр уже преклонный старик Горемыкин, которого бросили в каземат одним из первых, обошелся без виселицы или расстрела – скончался в камере от страха, сырости и издевательств. За ним последовало еще несколько таких же «врагов народа». Так что смертную казнь можно было официально не вводить.

Неслыханным мучениям подвергала охрана «демократических» властей бывшего премьера Штюмерера. Издевались, истязали, мочились на лицо, в конце концов, перестали кормить, и он так и умер в крепости.

Часто сами члены ЧСК не знали, кто у них сидит под стражей, за что и в чем обвиняются узники.

Однако были среди них и счастливицы: чудом вырвался из крепости бывший комендант Зимнего дворца Воейков: хлопотами друзей его удалось перевести в сумасшедший дом, откуда он вскоре бежал на юг, а там и за границу.

Необыкновенно повезло и Вырубовой. Демократическая власть продержала ее в без допросов несколько месяцев: никак не могли придумать обвинение покруче. Наконец была найдена формула: «Преступная половая связь с врагом народа религиозным мракобесом и хлыстом Григорием Распутиным, вместе с которым означенная Вырубова фактически управляла империей в интересах Германии и Японии, подчинив царя и царицу своей гипнотической власти».

Услышав обвинение, Вырубова сначала решила, что она сошла с ума: такое услышать о себе? После нескольких допросов Вырубова пришла к противоположному выводу: с ума сошли некоторые члены следственной комиссии. Однако и тут она ошибалась, поскольку

у нее до сих пор не было опыта общения с демократами. То, что постигло Вырубову, и не только ее, было самым обычным проявлением демократии – явления тогда еще нового на российской почве и потому воспринимавшегося свежим человеком как крайняя степень коллективного умопомешательства.

Бывшая фрейлина и наперсница императрицы долго не могла этого осознать и потому поначалу просто отрицала обвинения, предлагая следователям, которые одновременно были и ее судьями, и палачами, доказать ее вину. Она даже пыталась стыдить своих следователей. Но «чрезвычайщики» только усмехались и не отставали. Вновь и вновь задавали ей одни и те же вопросы.

Их чрезвычайно интересовали подробности ее половых связей и их особенности – что в них было традиционного, а что нового. Наконец, тюремщики-судьи довели Вырубову до такого состояния, что она все-таки нашла в себе силы переступить через собственный стыд. Краснея, запинаясь, шепотом, но под протокол, и почти теряя сознание от того, что она и священнику не доверила бы, Вырубова выдала свой последний, хоть и позорный, но непробиваемый козырь. Заявила чрезвычайщикам, что у нее в жизни вообще никогда не было ни одной связи с мужчиной. Муж ее, офицер гвардии Вырубов, оказался импотентом и наркоманом, отчего пришлось с ним развестись, а больше никого не было и не могло быть у нее, у верующего человека, для которого связь вне брака есть грех.

– Так что же, она до сих пор в девицах? – не поверил Керенский. Будучи тогда министром юстиции, он держал работу ЧСК под неусыпным контролем. – Врет, конечно!

– Вы, безусловно, правы. Александр Федорович! Врет! – подтвердил товарищ председателя ЧСК бывший стряпчий Муравьев.

– А вот здесь мы ее и разоблачим! Выведем на чистую воду раз и навсегда! – заявил Керенский. – Имейте в виду: нам не сама Вырубова так нужна. Нам нужны ее показания против ее бывших хозяев. Так что берите ее на крючок – с гарантией.

На следующий день к Вырубовой в камеру пришел гинеколог. Пробыв у нее пятнадцать минут, он вернулся к членам комиссии, с нетерпением ждавшим его выводов тут же в доме коменданта крепости.

– Ну что? – спросил Муравьев.

Врач развел руками.

– Девственна.

– Не может быть!

– Нет, все так, – сказал врач. – Нет даже признаков попытки дефлорации.

– М-да, – огорчился Муравьев. – Прямо скажу: вы, гражданин лекарь, не оправдали доверия, которое вам оказала обновленная и свободная Россия.

Гинеколог напрягся. Он догадался, чем может для него обернуться разочарование демократической России. Он мгновенно вспотел, хотя в комендантском доме, как и казематах, было не теплее, чем на дворе: стоял март – месяц для Петрограда вполне еще зимний, а дров в крепости почти не было.

– М-да, – повторил Муравьев и сочувственно покачал головой. – Даже не знаю теперь, что с вами дальше делать... И как помочь вам оправдать доверие демократии? Ума не приложу. А если другой специалист обследует ее и обнаружит, что плевра повреждена? Можно установить время повреждения?

– Сразу после коитуса – можно. Через десять-двенадцать часов – с меньшей точностью. А недели через две-три уже никто не сможет сказать, когда она потеряла девственность, – понял вопрос гинеколог.

Муравьев помолчал многозначительно, попыттел, набывчившись, и, наконец, сказал:

– Вы свободны. Пока! – подчеркнул он. – Но, возможно, снова понадобится. Через пару дней. Предстоит деликатная акция. Не вздумайте уезжать из города. Наша молодая

демократия великодушна ко всем, но враги уже знают, потому что испытали на себе: у нее длинные руки!

Врач кланялся, выходя задом из кабинета. Не веря своему счастью, вернулся домой, мгновенно собрал дорожный саквояж и тем же вечером явился в Парголово, где жил его двоюродный брат. Наследственной профессией почти всех жителей этого маленького приграничного поселка была контрабанда, и в ту же ночь врач уже оказался в Финляндии. Длинные руки демократии не дотянулись до него. А для Вырубовой наступил ад.

То, что она выжила, просидев восемь месяцев в камере № 70 Трубецкого бастиона, в самом страшном тюремном помещении в Петропавловской крепости, можно назвать чудом.

Комендант крепости Кузьмин постарался создать для нее особо «привилегированные» условия. Для начала убрали тощий тюфяк с кровати, чтобы спала голой на железной решетке. Одеядо или теплые вещи из дома были ей запрещены. В первый же день солдаты-охранники сорвали с ее шеи образок-ладанку и принялись стаскивать с пальцев золотые кольца, при этом глубоко поранили шею. Вырубова закричала от боли, зарыдала. Тогда охранники стали ее избивать на глазах десятка своих сотоварищей, сбежавшихся на зрелище. Напоследок плюнули в лицо и оставили лежать на бетонном полу.

На другой день, вспоминает несчастная, «пришла какая-то женщина, раздела меня донага, надела на меня изношенную арестантскую рубашку, в которой было холоднее, чем вообще без одежды. Раздевая, женщина увидела на моей руке запаянный золотой браслет, который я никогда не снимала. И помню, как было больно, когда на зов женщины прибежали солдаты вместе с комендантом Кузьминым и принялись стаскивать браслет с руки. И тогда даже Кузьмин, увидя, как слезы текли по моим щекам, грубо крикнул: «Оставьте, не мучьте! Пусть она только скажет, что никому не отдаст!»

...Голодала страшно. Два раза в день приносили полмиски какой-то бурды, вроде супа, в который солдаты плевали и бросали толченное стекло. Часто от него воняло тухлой рыбой, так что я затыкала нос, чтобы меня не вырвало, и проглатывала немного, чтоб только не умереть с голода; остальное же выливали в клозет – выливали по той причине, что раз заметив, что не съела всего, тюремщики угрожали убить меня, если это повторится. Ни разу за все месяцы мне не разрешили принести из дома еду или что-нибудь из теплых вещей. Всякие занятия были запрещены в тюрьме. Я была очень слаба после перенесенной кори и плеврита. От сырости в камере я схватила бронхит. Температура поднималась за 40° градусов. Я кашляла день и ночь... От слабости и голода у меня часто бывали обмороки. Почти каждое утро, поднимаясь с кровати, теряла сознание. Солдаты, входя, находили меня на полу. Из-за сырости от кровати до двери образовалась огромная лужа воды. Помню, как я просыпалась от холода, лежа в этой луже и весь день после дрожала в промокшей рубашке. Иные солдаты, войдя, ударяли меня ногой. Бывало, другие жалели и волокли меня на кровать. А положат, захлопнут дверь и запрут... Главным мучителем был тюремный доктор Серебренников. Он сдирал с меня при солдатах рубашку, нагло и грубо насмехаясь, говоря: «Вот эта женщина хуже всех, она от разврата отупела». Когда я на что-нибудь жаловалась, он бил меня по щекам, называя притворщицей и задавая циничные вопросы об «оргиях» с Николаем и Алисой... Даже солдаты иногда осуждали его поведение... Самое страшное – это были ночи. Три раза ко мне в камеру врываются пьяные солдаты, грозя изнасиловать, и чудо меня спасало. Первый раз я встала на колени, прижала к себе икону Богородицы и умоляла во имя моих стариков родителей и их матерей пощадить меня. Тогда они ушли... Положение было тем ужаснее, что мне и другим арестантам было запрещено куда-либо жаловаться...»

Спасла Вырубову обычная непоследовательность Керенского. Он, выслушав предложение Муравьева вторично подвергнуть Вырубову экспертизе, поморщился и неожиданно приказал узницу немедленно выпустить. Пожалуй, это было его единственное разумное

решение за все время пребывания у власти. Муравьеву он объяснил, что выпускает Вырубову для того, чтобы она вывела правосудие на своих сообщников, которые еще более опасны, чем она.

Через неделю Вырубова тоже была в Финляндии, где спокойно дожила до 1964 года.

Так что Маргарита Хитрово никаких иллюзий по поводу своего положения не строила, однако, оставить Александру она не могла: считала предательством. Совесть ей не позволяла присоединиться к тем верным слугам и наперсникам императрицы, которые пусть и не обливали ее сейчас помоями, но и ни звука не произносили в ее защиту. Открыто присоединиться к Романовым здесь было невозможно. Все, кто остался с ними во дворце, распоряжением Керенского автоматически считались арестованными. Поэтому Хитрово решила отправиться за семьей уже в Тобольск, но – позже и обычным поездом. Однако она не доехала. Керенский распорядился ее схватить, отобрать паспорт и под усиленным конвоем доставить в Петроград. «Означенная Хитрово, – говорилось в приказе Керенского, который телеграфом получили новые начальники старой полиции на всех крупных станциях, – направляется в Тобольск с целью помочь Романовым бежать от правосудия и народной кары и потом переправить их за границу. Означенная Хитрово является врагом революции и народа, опасной преступницей, профессиональной террористкой, которая многие годы скрывалась под личиной фрейлины, – предупреждал Керенский. – Поэтому при ее задержании необходимо проявить максимум осторожности. Буде Хитрово окажет сопротивление закону или совершит попытку к бегству, возможно применение радикальных мер».

Что такое радикальные меры при попытке бегства, жандармам объяснять не надо было. Удивительно только, что они ее все-таки пощадили и живой доставили в столицу, хотя и в цепях.

В Петрограде Маргарита Хитрово была брошена в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. И кто знает, умерла бы она там сама или чрезвычайщики назначили бы ей кару. Хитрово от мести Керенского спасли большевики, совершившие переворот 25 октября и освободившие из тюрем всех, кого Временное правительство посадило по политическим соображениям.

– А я почему-то уверена, что Керенский все-таки даст нам поезд, – возразила матери Ольга. – Мы ему здесь не нужны. Даже мешаем, особенно после того, как выяснилось, что ни папа, ни ты не были шпионами дяди Вилли.

– Ох, девочка моя! – с мукой в голосе произнесла Александра. – Свят, свят, свят! Не поминай имени Дявола и бесов его!.. Господь не дал нас в обиду. Значит, Он непременно спасет и вразумит нашу несчастную родную Россию.

– Когда? – спросила Анастасия.

– Это знает только Он, – строго ответила мать.

Но через час она снова дрожала от страха.

– Может, Керенский и даст поезд, – говорила она Ольге. – Но ведь мы ничего не сможем увезти! Нам нужно, по крайней мере, два состава. Где он их возьмет?

– Это его хлопоты, – успокаивала ее Ольга. – Не волнуйся, мама, пощади свое сердце. Верь мне – все будет хорошо. Я почему-то уверена, что наши испытания продлятся недолго. Через год мы все будем свободны. Не могу тебе объяснить почему – чувствую это и все.

Она ошиблась всего на две недели.

Сбором и упаковкой вещей распоряжались обер-гофмаршал князь Долгоруков, гофмаршал Татищев и министр двора граф Фредерикс. Все трое решили разделить ссылку с цар-

ской семьей. У Фредерикса были дополнительные основания покинуть Петроград. В первые же дни Февральской революции был ограблен и сожжен его дом. Граф остался без крыши над головой. И буквально перед самым отъездом царской семьи, за несколько часов до отправления поезда, он был схвачен отрядом революционной милиции, которым командовал польский революционер Пшекруцкий. Фредерикс занял ту камеру в Петропавловской крепости, где когда-то сидел писатель Чернышевский. Здесь Фредерикс вскоре после смерти Горемыкина и скончался, не выдержав заключения, чувства безысходности и почти ежедневных, совершенно бессмысленных допросов.

По всему дворцу метались лакеи. Наполняли и перетаскивали в вестибюль сундуки, чемоданы, плетеные корзины и несколько книжных и платяных шкафов, которые по предложению Фредерикса были использованы в качестве контейнеров. Укладывали шубы, бекеши, десятка два нагольных тулупов, пальто, военные мундиры, сапоги и дамские ботинки, платья, нижнее белье и тысячи других предметов – от нескольких сотен икон и ладанок до баночек с кольдкремом, а также зубные щетки, нитки, иголки, корсеты из китового уса... Отдельно укладывали книги, правда, их было немного. Особенные хлопоты возникли с драгоценностями. Они были не только у царицы. Девушки тоже имели собственные драгоценности, но это были большей частью бриллианты: по традиции, которую ввела Александра, каждая девочка на день рождения получала бриллиант – к будущему приданому. Всего различных изделий из золота и серебра, драгоценных камней и жемчуга набралось три с половиной пуда – чуть меньше пятидесяти килограммов. Большую часть удалось уместить в сундуках и чемоданах с двойным дном. Отдельные камни были утоплены в баночках с мазями и кремами. Еще раньше крупные золотые предметы были переплавлены на длинные и толстые куски проволоки. Их можно унести на руках и ногах, свернув в виде браслетов. И, наконец, самые мелкие бриллианты были зашиты в платья и женские лифчики и в мужские жилеты.

Вестибюль и залы на первом этаже были завалены багажом почти до потолка.

Прошло пять обусловленных дней. Потом еще пять. Но от Керенского не было ничего.

– Ну, что я тебе говорила? – спрашивала царица Ольгу. – Вот видишь? Убедилась? Им нельзя доверять ни в чем!

Она находилась в непрерывной волнообразной истерике. Сильно похудела, красные пятна на бледно-желтом лице Александры горели днем и ночью, и оно издали напоминало шляпку осеннего мухомора. Ольга, как могла, успокаивала мать:

– Надо еще немножко потерпеть, – говорила она. – Ты же видишь, я совсем не волнуюсь. Потому что знаю наверное и определенно: через день-два мы уедем. Ты, мама, можешь не верить. Но ведь ты давно знаешь и должна уже твердо убедиться: моя интуиция никогда не обманывает.

Это было действительно так. Старшая дочка – крупная, сильная, молчаливая, внешне – настоящая русская девушка, словно крестьянка с картины Венецианова. Человек, стоящий рядом с ней, физически ощущал тепло, спокойствие и даже какую-то тонкую непрерывную радость, исходившие от нее. Тот, кто был способен чувствовать, бессознательно впитывал невидимый свет, который излучала Ольга Романова, и долго время не мог понять, откуда у него в душе появляется ощущение легкости и прозрачного счастья. Если Ольга вдруг говорила, что может и что должно произойти, это оказывалось наверняка. У нее был дар предвидения, но сама она над этим не задумывалась.

...Через день после того, как отец получил последнее письмо от Распутина, Александра тайком показала его старшей дочери. Ольга медленно почитала, беззвучно заплакала и вернула письмо, прибавив:

– Все так и может быть... Но Бог милостив.

Скоро обнаружилось, что Распутин неожиданно исчез. Дочь его Матрена заявила: отец собрался ночью в гости к Феликсу Юсупову, а на ее вопрос, почему так поздно и когда вер-

нется, вдруг грубо крикнул: «Тебе-то что?! И ты записалась в соглядатаи? Может, и никогда! Вот и порадуя всех вас!» Александра обменялась с Ольгой многозначительными взглядами. Им обeim сразу все стало ясно.

Так что после разговоров со старшей дочерью Александра успокаивалась, но всего лишь на несколько часов. Потом снова ее колотила нервная лихорадка.

Утром 31 июля Николаю сообщили, что приехал Керенский – как всегда, внезапно, без предупреждения.

Николай торопливо вышел ему навстречу, издалека протягивая для приветствия обе руки.

– Как я рад вас видеть, уважаемый Александр Федорович! – взволнованно заговорил он. – Мы, правду сказать, совсем заждались! Когда же?..

– Не буду вас томить, – ласково и загадочно улыбаясь, ответил глава правительства. – Сегодня! – и крепко пожал бывшему императору обе руки.

– Александр Федорович! Голубчик! В котором же часу?

– Пока мне самому неизвестно, глубокоуважаемый и высокочтимый мною Николай Александрович. Вернее, немножко известно. Но я вам сообщу позже. Необходимо соблюдать и дальше конспирацию. Как вы понимаете, для вашего же блага. Это я вам говорю как старый революционер!

– Помилуйте, Александр Федорович, – развел руками Николай. – Я не революционер, конечно, но какая тут уж конспирация? Весь свет знает о нашем отъезде. Столько шуму и суеты...

Керенский улыбнулся еще шире и радостнее.

– И, тем не менее, дорогой Николай Александрович, потерпите немного.

Николай подошел ближе.

– Но, может быть, – дрогнувшим шепотом спросил он, – вы теперь можете сказать о конечной цели? Мы, кажется, догадались и, как вы советовали, собрали достаточное количество теплых вещей.

Керенский поднял обе ладони, словно защищаясь.

– Не говорите ничего! Не произносите ничего, даже если знаете наверное!.. Ничего вслух! Скоро все прояснится и так.

– Так что же нам делать?

– Ждать.

Глава Временного правительства резко повернулся и, не попрощавшись, немедленно уехал.

Он снова появился после обеда и через Долгорукова потребовал разговора с Николаем наедине.

– Передайте гражданину Романову, – приказал он бывшему гофмаршалу, – исключительно *entre-pous*³⁵! И немедленно, без доклада! У меня каждая секунда на счету. Мое время мне не принадлежит. Оно принадлежит России.

Долгоруков отвел премьер-министра в комнату, которая служила Николаю одновременно кабинетом и спальней. Царь сидел за столом и писал свой дневник, но, увидев Керенского, неожиданно вошедшего вместе с Долгоруковым, вскочил, опрокинув при этом чернильницу.

Керенский бросился на помощь, опередив Долгорукова, схватил чернильницу двумя пальцами, отставил ее в сторону, взял промокашку и положил ее в черную лужицу. Скосив глаза на тетрадь, он сумел прочесть: *«После обеда ждали назначения часа отъезда, кото-*

³⁵ Наедине (фр.).

рый все откладывается по непонятным причинам...» Николай, заметив его уловку, деликатно кашлянул. Министр вытер лужицу, испачкав пальцы, швырнул мокрую промокашку под стол в корзинку для бумаг и резко повернулся к царю.

– Сегодня, – сказал он и глубоко вздохнул.

– Я это уже знаю! – воскликнул Николай. – Вы утром уже говорили.

– В десять вечера, – добавил Керенский.

– Куда? В Англию? В Романов-на-Мурмане?

Керенский опять улыбнулся своей неизменной медово-ласковой улыбкой.

– Я приготовил вам сюрприз, – не отвечая на вопрос, сообщил он.

– Какой еще? – обессилено спросил Николай. – В последнее время я боюсь сюрпризов. Скажите только...

– Не скажу! – словно нетерпеливому мальчишке, укоризненно ответил Керенский. – На то он и сюрприз. Еще потерпите.

Премьер резко повернулся и исчез.

К девяти вечера Татищев сообщил Николаю, что пока ничего не прояснилось. Поезд не подан, грузовиков тоже нет, из канцелярии Керенского посоветовали ждать особого распоряжения. Он заявил, что отъезд не состоится, по крайней мере, в назначенное время, и будет перенесен, потому что за оставшийся час погрузиться невозможно. Похоже, гофмаршал оказывался прав. Большие дворцовые часы пробили десять, но из Петрограда никаких распоряжений так и не поступило. Николай уже собирался предложить всем готовиться ко сну, как вдруг прибежал Долгоруков и, запыхавшись, взволнованно сообщил, что по дороге к дворцу снова движется автомобиль Керенского.

Через несколько минут вошел министр-председатель.

– Вот мой сюрприз! – объявил он и указал на дверь.

Она открылась, в комнату робко вошел Михаил – долговязый, почти в два метра ростом, смущенно улыбающийся, в темно-сером твидовом костюме; как обычно, гладко причесан, набриолинен, стэк в правой руке: Миша всегда был подчеркнутым англоманом, но в дендизме великого князя было что-то провинциальное. Николай и старшая сестра Ольга поначалу подшучивали и посмеивались над «сэром-пэром Майклом», а потом привыкли.

– Брат!.. – шагнул к нему Николай.

Они обнялись и оба одновременно посмотрели на Керенского.

– Говорите! Пожалуйста! Смело говорите. Я ничего не слышу, – Керенский демонстративно заткнул пальцами уши и отвернулся к окну.

Оно было открыто, снаружи, на свободе была теплая ночь, редкая для петербургского августа. Полная луна освещала каждый листок на деревьях, а елки светились, словно изнутри, волшебным серебром.

Братья смотрели друг на друга, похлопывая по плечам и не знали, что говорить.

– Ну вот... – сказал Михаил и пожал плечами.

– Да, – кивнул Николай. – Вот оно как! А? – а сам думал: «Господи, неужели это Мишка? Что-то в нем... не то. Неужели это он когда-то малышом обливал отца, грозного императора Александра Третьего, из детской поливалки, и оба они хохотали так, что остановиться не могли... Разве это он удрал за границу, чтоб обвенчаться с разведенкой Вульферт, а я послал за ним полицейских агентов, чтоб они не допустили венчания? А он, сукин сын, молодец, всех филеров обвел вокруг пальца, нашел сербского священника, обвенчался все-таки и стал самым счастливым человеком на свете! Зачем он отказался от престола! Мы бы не сидели здесь в мышеловке...»

Из-за этого брака, которым Михаил грубо нарушил важнейший закон – о престолонаследии, Николай запретил брату возвращаться в Россию навечно, лишил Михаила наследного права на престол, а его будущих детей – права именоваться великими князьями. После

революции и после манифеста 17 октября, который частично разрушил, а частично деформировал законодательство империи, Николай смягчился, велел брату возвращаться и даже пожаловал своей новой невестке титул графини Брасовой.

Михаил понял, о чем думает Николай, и тихо сказал:

– Прости меня, Ники... Но у меня по-другому не получилось бы. Я совершенно цивилизный человек.

Николай тяжело вздохнул, поднял вверх руку и потрепал брата по плечу.

– Что уж теперь! Разве поправишь что-нибудь? На все Божья воля. Наши приключения только начинаются.

– Да, – кивнул Михаил. – Узнать бы, что дальше? Жаль, отца Григория нет. Некому заглянуть в будущее... – и он робко засмеялся: мол, видишь, я тоже немного мистик, но ты понимаешь, это же всего лишь шутка, правда?

Однако Николай неожиданно вздрогнул, стал покручивать правый ус, левое веко у него мелко задергалось.

– Он уже все сказал – успел перед смертью.

Великий князь оглянулся на Керенского. Тот по-прежнему любовался луной, однако, пальцы из ушей вынул.

– И что? – шепотом спросил Михаил.

Николай отрицательно покачал головой:

– Я не могу тебе сказать. Не скажу. Не хочу... не надо. Потом сам когда-нибудь узнаешь. То, что случилось на сегодняшний день, он предсказал точно. А я всерьез тогда не принял. За что и расплачиваюсь. И хватит об этом... Ну а ты что же – едешь? Если не секрет, куда? – и Николай незаметным жестом указал на дверь.

– Нет, Ники, – смущенно усмехнулся Михаил. – Куда мне? Там у меня ничего нет, и никто меня не ждет. Да вот и Наташа отказывается наотрез. У нее же все-таки после Вульфберта осталось небольшое имение. Земли там есть немного. Возьму пример с тебя – займусь огородом! – и он смущенно засмеялся. – Кстати, жена велела тебе кланяться. И еще... велела просить прощения за все, чем мы тебя огорчали.

Глаза Николая увлажнились, он вытащил носовой платок и несколько раз высморкался.

– Я очень рад, – откашлялся Николай. – Как же все-таки хорошо, что я тебе тогда запретил жениться! – увидев, как от удивления вытянулось лицо Михаила, пояснил: – Тем сильнее стали ваши чувства, и крепче ваш союз. При более комфортных условиях люди меньше дорожат друг другом. И если уж царь не смог вас разлучить, то никто более не сможет...

Михаил встrepенулcя, хотел еще что-то сказать, но Керенский обернулся к братьям и постучал пальцем по своим наручным часам величиной с кофейное блюдце: последнее достижение швейцарских мастеров – большая редкость.

– Время, время, граждане братья! Оно не терпит, оно не ждет. Пора!

– Я бы хотел... – обратился к нему Михаил. – Я бы просил... попрощаться...

– С племянниками? – лучезарно улыбнулся Керенский.

– Да.

– И невесткой тоже? – улыбка премьера засияла еще ярче.

– Разумеется.

– Ни в коем случае! – внезапно отрубил Керенский. – Запрещено.

– Помилуй Бог, Александр Федорович! – недоуменно попытался возразить Николай. – Для чего же запрет? Кто знает, когда еще мы увидимся.

– Запрещено! – повторил Керенский и слегка взмахнул согнутой в локте правой рукой, которая сегодня опять беспомощно висела у него на черном платке; снова премьер жаловался – совсем отнялась из-за бесчисленных рукопожатий уже не только с единомышленниками, поклонниками и поклонницами, но и со всем русским народом.

– Послушайте! – сказал Николай, и Михаил впервые в жизни услышал, как в голосе брата прозвучал металл. – Неужели прощание с родственниками представляет такую опасность для революции!.. Да и кто же запретил? Зачем? Не думаю, что это был очень умный человек.

– Запрет наложил я! – заявил Керенский. – Я никогда не отказываюсь от своих слов или действий. Тем более что решение было вызвано настоятельной революционной необходимостью.

Михаил бросил испуганный взгляд на брата, но к тому снова вернулось его знаменитое самообладание. Он только усмехнулся в усы. «Смотри-ка, – удивленно отметил Михаил. – Ники-то вон что – седеет... А ведь еще месяц назад был безупречно рыжий...» Николай пренебрежительно пожал плечами и кивнул в сторону Керенского, и Михаил прочел в его глазах: «Кто его разберет, зачем ему надо? Демонстрация силы. Одно слово – идиот».

– Гражданин Романов! – скомандовал премьер-министр. – Я обращаюсь к бывшему великому князю. Да, к вам! Свидание окончено. Извольте следовать за мной к моему мотору. Я отвезу вас в Петроград. А вы, милостивый Государь, – обратился он к Николаю, – будьте готовы через час. К этому времени я вернусь. Прощаться.

Братья обнялись еще раз и расстались навсегда.

Лакеи принялись, чуть ли не бегом перетаскивать багаж вниз. Когда гора вещей заполнила вестибюль чуть ли не до потолка, выяснилось грузовиков как не было, так и нет. И неизвестно, когда будут. Долгоруков несколько раз звонил в приемную правительства. Но оттуда ничего узнать не удалось. В конце концов, дежурному чиновнику гофмаршал надоел, и он приказал барышням на телефонном узле больше не соединять его с Александровским дворцом. За дело взялся начальник охраны полковник Кобылинский. После его получасовых переговоров с министерством почт и сообщений, пришли первые автомобили. Загрузили. Но куда их отправлять, опять– таки выяснить не удалось. Никто не знал, куда и в котором часу будут поданы железнодорожные составы.

В управлении николаевской железной дороги на Московском вокзале в десятый раз отвечали одно и то же: там насчет составов ничего не известно, а распоряжение об их отправке может дать только министр Коновалов или, в крайнем случае сам Керенский. На счастье, Долгорукову удалось связаться с личным секретарем Керенского. Секретарю удалось перехватить шефа в его личных апартаментах на Галерной улице. Пятнадцать минут спустя в Александровский дворец позвонили от Коновалова и сообщили, что даны два состава. И они будут находиться под парами на перегоне между Царским Селом и Александровской платформой.

– Как? Прямо в чистом поле? – не поверил Долгоруков.

– Я же ясно вам сказал: на перегоне! – огрызнулся чиновник и отключился.

Снова забегали слуги. Заревели моторы грузовиков, и снова все остановилось. Никто не мог сказать, где находится середина между Царским и Александровской. Наконец решение принял Татищев. Он приблизительно прикинул, где может быть та самая середина дистанции, съехал на одном из грузовиков с шоссе к рельсам и приказал выгружать сундуки прямо на землю. Тем временем перевалило полночь, повеяло предрассветным холодом, звезды в небе стали постепенно тускнеть, сильно запахло полевыми цветами и травами.

Дети ежились от сырости, Анастасия даже захныкала. Очень хотел спать Алексей, хотя старался не подавать виду. Николай и Александра не знали, что и сказать детям, только повторяли: «Нужно терпеть. Это теперь наше главное занятие».

К тому же оказалось, что вся конспирация Керенского оказалась ерундой: несмотря на тяжелое предрассветное время, неподалеку стал собираться народ, наблюдавший за отъезжающими. В основном это были слуги и придворные из дворца – из тех, кто отказался добровольно отправиться в изгнание с Романовыми. Но были и местные. Сначала народ кучко-

вался поодаль, потом стали незаметно приближаться. В конце концов, публика выстроилась полукругом около Романовых, вещей и сопровождающих. Толпа молчала, словно на похоронах. В предрассветной тишине даже было слышно коллективное дыхание собравшихся. Многие наблюдали за Романовыми с жарким любопытством, словно ожидали большего, нежели просто посадку изгнанников в поезд. У некоторых был такой вид, будто они ждали, что вместо поездов Романовым подадут виселицу.

Издали послышался свисток, потом рев паровозов. Лязгая буксами и буферами, подошли сразу два поезда – один за другим. На стенах вагонов первого класса, выкрашенных, видимо, для той же конспирации в зеленый цвет³⁶, было написано огромными белыми буквами: «Международная миссия Красного Креста». Над котлами паровозов развевались флаги – белые с красным кругом посередине.

– Япония! – недоумением отметил Николай. – Это зачем? – спросил он у Долгорукова.

– Сказали – для нашей защиты, Ваше величество, – пожал плечами Долгоруков. – Иностраный флаг, неприкосновенность. Теперь поезд – вроде территория другого государства.

Николай усмехнулся.

– Определенно! Остается надеяться, что возможные супостаты хорошо разбираются в международном праве. И так же хорошо знают государственные флаги мира.

– Может быть, среди них кто-нибудь воевал в Манчжурии... – предположил Татищев.

Николай зябко передернул плечами.

– Полагаете, что после нашего победоносного окончания японской кампании найдутся в России люди, испытывающие если не любовь, то хотя бы уважение к японскому флагу?

Вместо ответа Татищев сказал:

– Разрешите, Ваше величество, начать погрузку.

– Пожалуйста! В этом деле я – только ваш подчиненный.

Необычайно быстро, всего через полтора часа оба состава были загружены.

– Ну – с Богом! – сказал Николай, обращаясь к семье. – Пошли.

Но тут оказалось, что попасть в вагоны не так-то просто. Лишь подойдя к дверям, высокопоставленные пассажиры осознали, что они действительно находятся в чистом поле, а не на перроне Царскосельского вокзала. Нужно было карабкаться в вагоны вверх по крутым стальным ступенькам.

Николай с девочками легко поднялись, подтягиваясь на поручнях. Алексея перенес с земли в вагон его матрос Клементий Нагорный. Но Александре, скособоченной от радикулита, попытка забраться в вагон обернулась пыткой. Наконец с помощью слуг ей удалось влезть наверх, и она сразу же заняла свое место в салоне, где она, вся в слезах от боли и унижения, легла на диван и уже не шевелилась.

Вагоны были мягкими, комфортными, однако, что-то в них появилось новое, непривычное, трудноопределимое. Позже Николай понял: запах. Пахло в комфортабельных царских вагонах не теплом, уютом и французскими духами, а нуждой, войной и страданиями. Эти вагоны, по распоряжению Александры, использовались в составе санитарных поездов. И именно этот запах помог Николаю окончательно понять: *все!* Жизнь царя, хоть и отрекшегося и арестованного, но все же монарха, кончилась. Отныне только испытания, возможно, страдания и муки. К ним он и жена готовились уже двенадцать лет назад, хотя надеялись, что судьба не будет к ним чрезмерно жестока. И все обойдется.

Двенадцать с лишним лет назад они посетили Дивеевскую обитель – на открытии мощей Серафима Саровского, предсказанном им же самим перед своей физической смертью. Царская чета отправилась в пустынь с молением о наследнике. Их молитвы были услы-

³⁶ Третий класс. Синие – второго и желтые – первого класса.

шаны. Однако тогда же они узнали и пророчество о себе, о будущем страны и династии. Это настолько потрясло Николая и Александру, что потом они уже никогда не смогли оправиться и жить так, как прежде. «Не следует все-таки человеку так точно знать свое будущее», – повторял тогда Николай, и Александра была с ним полностью согласна. Поэтому они поклялись друг другу не рассказывать ничего детям – по крайней мере, до тех пор, когда скрывать что-либо будет просто невозможно. Однако Александра подозревала, что им что-то известно – как минимум, Ольге.

Поезда пыхтели под парами, но стояли и стояли. Время нудно тянулось и вытягивало из отъезжающих все нервы. На беспрестанные вопросы Долгорукова и начальника охраны полковника Кобылинского, когда отправление, машинисты озлобленно отвечали: «Специального приказа не было!»

И вот уже когда показалось солнце, издалека слышался клаксон мотора. Прямо к рельсам подъехал паккард с открытым, несмотря на утреннюю свежесть, верхом. В моторе сидел Керенский – бледно-зеленый и усталый. Сразу было видно, что он эту ночь провел в больших государственных заботах. Он просто не мог позволить себе спать, когда в России свершаются дела громадного исторического масштаба.

Керенский обеими руками, в том числе и парализованной, крепко ухватился за поручни. Легко, точно гимнаст, поднялся в царский вагон, прошел в салон, увидел на столе гудящий самовар и широко улыбнулся.

– Вот видите. Как хорошо! – сказал он. И неожиданно прибавил: – Ваше величество.

У Николая отвисла челюсть. У Александры брови поползли вверх.

– Все будет прекрасно! – заявил Керенский. – Статус японской миссии Красного Креста сослужит вам службу.

– Куда же должен прибыть поезд, какова все-таки конечная остановка? – устало и уже без всякого интереса к ответу снова подступил к нему Николай.

Сияющая улыбка Керенского внезапно погасла. Он отступил на шаг и заявил мрачно и с нажимом:

– Николай Александрович! Здесь очень много слишком любопытных глаз. И еще больше ушей! И не только среди охраны и obsługi поездов. Но даже и в первую очередь среди вашей свиты. Но одну тайну я теперь. Наконец могу вам открыть. Последние два месяца каждый день, каждый час вы и ваша семья пребывали на волосок от гибели. Слава Богу, *«та-ва-ри-щам»* из Петросовета не удастся попить вашей крови. А им очень хотелось! Мне несколько раз едва удавалось отвести от вашей головы тяжкий меч слепой мести. Эти товарищи из совдепа, вернее, их опричники, и сейчас рыщут и вынюхивают, когда и в какое убежище я намереваюсь вас отправить, и собираются пустить поезд под откос. У них на этот счет большой опыт – вспомните судьбу вашего деда, а также отца. Да что же я говорю! Вы ведь тоже были в том поезде, который товарищи бомбисты пустили под откос недалеко от Харькова у станции Борки...³⁷

Николай только кивнул. Как же можно забыть то крушение поезда и то счастливое вмешательство самого Господа! Погибло несколько слуг, находившихся в царском вагоне, но никто из Романовых не пострадал.

– Отец держал на спине крышу вагона, пока нас не вытащили из-под обломков... – проговорил Николай.

– Вот! Видите! – воскликнул Керенский.

Что надо «видеть» Николай не понял, но переспрашивать не стал.

– Теперь-то, надеюсь, вы мне доверяете?

³⁷ Крушение около Борок произошло из-за непозволительно высокой скорости поезда.

Николай дрогнувшим голосом ответил:

– Безусловно, Александр Федорович! Вы единственный человек из всех, кому принадлежит нынче власть, которому я доверяю бесконечно...

Николай на самом деле Керенскому не доверял никогда – ни на минуту. Он уже понял, что от вдохновенного лжеца и «бонапартика», как Александра Федоровича прозвали злые языки, можно ждать всякой пакости.

Николай еще совсем недавно сказал детям, что верит этому кумиру истерических петербургских барышень, так как все равно другого выхода нет. В то же время он прекрасно понимал, что все слова Керенского о том, что тот изо всех сил старается сохранить жизнь царя и семьи, – сплошь вранье. Потому что уже в апреле, всего через месяц после февральского переворота, Николаю донесли, что именно Керенский, а не параноик Гучков на предложение Милюкова обсудить дальнейшую судьбу царской семьи, для которой лучшим убежищем была Англия, вскочил и громовым голосом воскликнул: «Какая Англия?! Какое еще убежище? Вы революционеры, господа или тайные монархисты? Повесить! Причем, повесить на кронверке Петропавловской крепости, где его прадед повесил пятерых декабристов!»

Керенского тогда осадили все министры, без исключения. Было понятно, что театральная выходка бывшего эсера – всего лишь грубая попытка прибавить себе популярности. И о необходимости казнить Романовых он больше никогда не заговаривал. Тем не менее, о возможности цареубийства первым на официальном уровне заявил именно он, молодой министр юстиции. Поэтому каждый раз, когда Александр Федорович твердил, что ему дорога жизнь Романовых и он все предпримет, чтобы они были в безопасности, Николай охватывал мгновенный страх. Электрическая волна секундного ужаса пробежала по его спине и сегодня – когда Керенский вдруг назвал его «Ваше величество».

– Я от всей души желаю вашему величеству счастья и легкой дороги, – в меру поклонился Керенский.

Из своего салона вышла, держась за стенку, Александра. И премьер наклонился в ее сторону ниже, поцеловал ей руку, которую та не успела отдернуть. Глядя прямо в глаза императрице, он с бесконечным теплом и уважением в голосе, произнес:

– До свидания, Ваше величество! В душе я всегда произношу ваш титул. И буду его произносить.

Александра обеспокоено переглянулась с мужем.

– А теперь несколько общих слов и рекомендаций, – продолжил Керенский. – Ни на одной из станций остановок не будет, кроме тех, которые нужны для заправки паровозов углем и водой. Занавески на окнах должны быть задернуты постоянно. Это для вашей безопасности. Прогулки только в открытом поле при полном безлюдье. Вы меня поняли, гражданин полковник? – обратился Керенский к начальнику охраны полковнику Кобылинскому.

– Так точно, господин министр! – ответил Кобылинский и четко козырнул.

– Ну вот, – поморщился Керенский и пожаловался Николаю. – Ведь не министр я, не просто министр! А председатель правительства. Министр-председатель. И какой еще «господин»? Нет у нас господ. Все суть теперь граждане. И козырять запрещено правительством уже давно... Понимаю, сразу не привыкнуть. Я хочу еще раз основательно, сильно подчеркнуть, Евгений Степанович, – снова повернулся к полковнику Керенский. – Не забывайте: вы сопровождаете императора, хотя и бывшего. Его величество и семья ни в чем не должны испытывать лишений, недостатков. Разумеется – полная безопасность и неприкосновенность! Защищать ваших подопечных всеми средствами, вплоть до применения оружия, если понадобится... Не исключаю, что могут быть попытки схватить их, похитить, расправиться. Им больше не на кого надеяться – только на вас! Других спасителей не будет, да и быть не может...

Александра ухватила за локоть мужа и шепнула ему по-английски: «Он меня пугает». Николай успокаивающе улыбнулся жене и погладил ее по руке.

– Получите, гражданин полковник! – Керенский протянул Кобылинскому небольшой пергаментный конверт с сургучными печатями, скрепленными шелковым шнурком.

После чего премьер еще раз откланялся и прыгнул на землю. Перед ним стоял взвод охраны.

– Солдаты! – закричал Керенский своим глубоким и мощным баритоном, словно с трибуны на уличном митинге. – Вы доблестно и добросовестно выполняли приказ революционного правительства и надежно охраняли семью бывшего императора здесь, в Царском Селе. Вы должны и дальше так же добросовестно продолжать службу и охранять семью Романовых все то время, покуда будете при ней находиться. Обеспечивать им безопасное существование везде, куда вам прикажет за ней следовать правительство. Подчиняться вы должны только революционному правительству. Никто другой не имеет права отдавать вам приказы. И ежели найдется человек, на каком бы высоком посту он ни находился, или организация, как бы она себя ни называла, – и если найдутся те, кто попытается дать вам какой-либо приказ помимо правительства, вы должны немедленно арестовать этих людей как врагов народа! Солдаты свободной России! Помните: лежачего не бьют! Держите себя по отношению к Романовым вежливо, а не по-хамски. Я уверен, я знаю, что вы – brave молодцы, заслуженные боевые воины и по-другому не можете и не будете. Довольствие будете получать от Петроградского военного округа, к которому остаетесь приписанными до конца службы... А теперь слушай мою команду: по вагонам! Свисток!

Царский поезд медленно и почти бесшумно тронулся с места. Толпа, собравшаяся поодаль, придвинулась ближе – молчаливая, мрачная. Несмело поднялся вверх чей-то котелок. Мелькнул женский платок. Кто-то опустил на колени и перекрестил уходящие поезда.

Выйдя на пределы города, составы с максимальной скоростью помчались на север.

Когда миновали Волхов, Николай по названиям станций и направлению солнца понял: поезд идет на восток. Значит, Сибирь.

– Сибирь – сказал он, войдя в салон жены и сядя на стул рядом с диваном.

Она молча кивнула.

– Я догадалась. Он должен был нас обмануть. Такие люди по-другому не могут. Ложь и злоба – вот чем они живут.

Александра села на диване, взяла со столика бутылочку с ароматическим лосьоном, вытерла им руки и нанесла спирт на виски.

– Наклонись, Ники, солнце мое! – велела она, смочила лосьоном салфетку спиртом и вытерла мужу шею. – Становится жарко. Ванна в поезде не работает. Говорят, нет воды. Угля тоже нет.

– Ничего, – отозвался Николай. – Немножко потерпим. Дальше будет прохладнее – по мере того, как начнем приближаться к Уралу. Ванну Валя³⁸ приведет в порядок. Он мне говорил.

– Хорошо бы, – отозвалась Александра. – Измучимся... Сколько нам ехать? Ах, да. Тебе этот шут гороховый так и не сказал?

Николай отрицательно покачал головой.

– Да, – печально вздохнула Александра. – Вот и вся Англия.

Николай вытащил из нагрудного кармана френча тонкий золотой портсигар и вытащил папиросу. Ящик прекрасного турецкого табака он получил в подарок от султана – еще до войны. Никакого другого табака у него не было. «Надо экономить, – подумал он, прикури-

³⁸ Долгоруков.

вая папиросу от ароматической восковой спички. – Такой теперь нескоро будет, а может, и никогда. Турция наш противник. А что будет после войны – узнаем ли?»

– Признаться, – сказал он, – я до сих пор надеялся, что мы не совсем правильно поняли батюшку Серафима... Или он ошибся...

– Ну, как ты мог такое думать? – недоуменно спросила Александра. – Разве можно, чтобы пророчество батюшки Серафима было ошибочным... Ники, – вдруг с неожиданной и упорной убежденностью в голосе сказала она, – Ники! Не каждому выпадает такая честь – быть отмеченным самим святым Серафимом! Он послал нам Алексея, он не оставит нас, что бы дальше нам ни пришлось пережить. Чем больше страдания и муки, тем выше милость Господня! – она перекрестилась на медную иконку святого Серафима на стене салона, рядом с небольшой иконой Распутина.

В дверь постучали.

– Разрешите, Ваше величество? – послышался голос гофмаршала Долгорукова. – Здесь полковник Кобылинский с докладом.

– Пожалуйста, Василий Александрович, – отозвался Николай. – Просите.

– Проходите, Евгений Степанович, – радушно сказала императрица Кобылинскому. – Милости просим. Нет-нет, сюда, поближе. Садитесь к нам, к столу. Я слышала, – обратилась она к Долгорукову, – там собирались ставить самовар? Попьем вместе чаю. Так? Ставили?

Долгоруков не успел ответить: в дверях показался лакей Трупп с большим серебряным подносом в руках, на котором стояли стаканы в таких же серебряных подстаканниках, два графинчика – с водкой и вишневой наливкой, вазочки с вареньем – клубничным и черносмородиновым, бутерброды с белугой и ветчиной и пtifуры из творога. Их испекали специально для Александры – она даже рыбу ела редко.

– А вот и наш Алоизий Егорович! – сказал Николай. – Вы, как всегда, вовремя.

Трупп поставил поднос на стол и поклонился.

– Самовар будет готов через пятнадцать минут, Ваше величество.

И, поклонившись еще раз, вышел.

– Чем порадуете, Евгений Степанович? – спросил Николай полковника. – Сидите, пожалуйста!

– Разрешите доложить, Ваше величество?

Николай кивнул.

– Прошу вас. Я весь внимание.

Кобылинский протянул Николаю пергаментный пакет со сломанными печатями. Нам нем было написано: «Вскрыть через шесть часов после отправления». Николай открыл конверт, вытащил узкую полоску бумаги, на которой было напечатано всего одно слово: «Тобольск».

– Ах, вот оно что! – вырвалось у Александры. – Но ведь это... – она изумленно посмотрела на мужа, – это родина Друга! Покровское ведь в Тобольской губернии? Мы едем к Нему? В ту сторону?

Николай словно не расслышал ее слов. Кобылинский понял, что Александра имеет в виду Распутина. Он встал.

– Разрешите идти, Ваше величество?

– Да. Евгений Степанович, спасибо. Ступайте, голубчик, – разрешил Николай. Напоминать о приглашении на чай он не стал.

Потом стал на колени перед иконами и медленно, усердно перекрестился.

– Он спасет нас! Господь нас направляет к нему, как Он когда-то направил его к Алешеньке сотворить чудо!.. – проговорила Александра.

Да, иначе как чудом, невозможно назвать то, что удавалось только Распутину и не могло удасться ни одному врачу, ни одному человеку.

Несколько раз мальчик был на краю гибели. Распутин спасал Алексея от смерти даже на расстоянии, находясь за двадцать тысяч верст от столицы, в своей деревне Покровском. Здесь он молился о здоровье наследника и отсылал в Зимний дворец телеграмму: «Маленький будет жить». Или: «Он уже здоров». И каждый раз происходило одно и то же чудо: Алексей, не зная о том, что отец Григорий о нем молится, после прихода телеграммы преображался на глазах. Смертельные боли, не отпускавшие его иногда неделями, через несколько минут исчезали, кровь останавливалась, и несчастный ребенок крепко засыпал.

– Он спасет нас! – повторила Александра.

– Однако отца Григория там сейчас нет, – проговорил Николай.

– Телом, конечно, нет, но дух его с нами – везде!

Николай стал перед женой на колени, целуя ее бледные, похолодевшие руки.

– Я тоже хочу верить, как и ты, родная моя Аликс, – прошептал он. – Всегда помню, что человеку воздается по вере его. Но почему отец Григорий не предвидел свою смерть, почему дал себя убить?..

– Это не по нашему разумению! Это скрыто от нас... Вспомни Ники, – укорила Николая жена. – Вспомни хорошенько! Он как раз предвидел свою смерть и даже время точно назвал, и указал на круг возможных убийц. Все ведь подтвердилось – абсолютно все! А почему не спасался?.. Здесь промысел Божий, у Господа свои причины, свой смысл...

Николай поднялся с колен и дернул шнурок звонка. Тут же в дверях показался Долго-руков.

– Василий Александрович, голубчик. Позовите детей, – распорядился он.

Дети появились через две минуты. С радостными голодными криками уселись за стол. Алексей схватил пирожное, но Ольга легонько шлепнула его по руке.

– Молитва, – осадила она брата.

Алексей нехотя, надувшись, положил пирожное на место. Но, зыркнув по сторонам, тарелку с птифурами придвинул к себе поближе.

Сегодня была очередь Анастасии читать «Отче наш». Скороговоркой произнеся молитву, она запустила руку в тарелку с птифурами. Алексей хотел на нее прикрикнуть, но вмешалась мать:

– Дети! Гражданье Романов! Прекратить шум. Настя, передай-ка мне тарелку – та-та, именно ту, на которую ты нацелилась.

– Прошу внимания – сказал Николай. – Дети! Итак, только что я узнал, куда мы направляемся. Нас везут в Тобольск.

Ответом была тишина. Звякнула серебряная ложечка, которую Алексей положил в стакан после того, как умудрился незаметно два-три раза зачерпнуть из вазочки клубничного варенья.

– Вы, разумеется, знаете, что в тех краях родился и жил наш друг и спаситель, – заметила Александра.

– Отец Григорий? – спросила Татьяна.

– Yes, – подтвердила Александра.

Дети по-прежнему молчали.

– Аликс, – наконец сказал отец, – полагаю, сейчас самое время настало рассказать им все, что мы знаем и что нас может ждать...

Он говорил без малого час. В салоне по-прежнему стояла мертвая тишина. И только у Алексея вырвалось:

– Если убивать будут, пусть бы только не мучили!

* * *

Строго секретно
Посольство Великобритании в России
Санкт-Петербург

Лорду Бальфуру
форин-офис
Лондон

Многоуважаемый сэр!

Министр иностранных дел Временного правительства сообщил мне сегодня, что Керенский, который видел вчера императора, условился относительно его отъезда в Сибирь – в город Тобольск во вторник. Его величество Николай II предпочел бы уехать в Крым, но, по-видимому, остался доволен предложением переменить место жительства. Я выразил надежду, что в Сибири свобода императора не будет так ограничена, как в Царском Селе, и что ему разрешат свободу передвижения. Несмотря на то, что он совершил много ошибок и несмотря на слабость его характера, он не преступник, и к нему должны относиться с возможно большим вниманием. Министр иностранных дел отметил также, что Керенский, вполне разделяя это мнение, готов всецело идти навстречу желаниям его величества. Он дал ему разрешение выбрать лиц, которые будут сопровождать его. Истинной причиной переезда императора является растущая среди социалистов боязнь контрреволюции.

Разумеется, эта причина никакого отношения к действительности не имеет. Контрреволюция и император не были связаны никоим образом, не связаны и никогда не могут быть связаны. За императора Николая II сегодня никто проливать кровь не станет. Мало того, любая партия, которая решится использовать императора как знамя, немедленно подпишет себе смертный приговор. Такова сейчас общественная атмосфера.

Истинная причина высылки императора, на мой взгляд, в Сибирь совершенно другая: там гораздо проще осуществить физическое уничтожение династии, нежели в любой из столиц. Позволю себе высказать свои соображения относительно проблемы. Мы ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не должны касаться этой темы, по крайней мере, внешне, но вместе с тем признавать важным тот факт, что исчезновение императора может иметь определенные позитивные результаты.

Бьюкенен

8. ПОДРУГА МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА

УЖЕ больше сорока лет почти каждое утро Раиса Максимовна просыпалась на час раньше мужа. Полежав минут пять, тихонько выскользнула из постели. Надела красный бархатный халат до пят, на цыпочках направилась в ванную. Потом прошла в свою небольшую комнату, которую с легкой иронией называла «будуаром». И стала умело, легкими и быстрыми движениями накладывать на лицо грим. Еще ни разу в жизни муж ее не видел без макияжа.

Остановившись в какой-то момент, долго и пристально смотрела в зеркало, потом вздохнула. У нее на столике всегда была лучшая косметика мира, самые дорогие виды омолаживающего крема, в том числе и на гормонах, однако, время не победить никакими гормонами. Она стареет. Медленно, незаметно, но неотвратимо. Старческие веснушки появи-

лись на скулах. Вчера грим немного растаял, муж заметил пятнышки и нежно поцеловал их, приговаривая: «Солнышко снова любит мою звездочку. Значит, опять в нашей жизни наступает весна!»

Но как раз все наоборот: зима наступает в их жизни, – зима, приближается шагами Гулливера. Внезапное чувство ужаса и бессилия перед неумолимой старостью охватило ее так, что Раиса Максимовна на секунду потеряла сознание, ее качнуло в кресле, она едва успела ухватиться за туалетный столик... Обморок тут же прошел.

Когда туман перед глазами рассеялся, она со страхом подумала: слишком частыми стали эти мгновенные обмороки. К тому же появились приступы непонятной слабости, которые могли длиться несколько дней. Тогда она даже не подозревала, что это первые признаки смертельной болезни – лейкемии, от которой она через несколько лет умрет в одном из госпиталей Германии (в России к тому времени система здравоохранения будет уничтожена). Последствия Фороса? Да, и это, наверное. Муж не предупредил ее тогда ни о чем, впервые в жизни не посвятил в свои планы, и в августе девяносто первого, она действительно поверила: произошел настоящий, а не игрушечный переворот – самое страшное, что могло быть в СССР. И там, в Крыму, где они остались без связи, а «путчисты» то приезжали к мужу, о чем-то советовались и спорили, то уезжали, то снова приезжали, ее преследовала жуткая картина из кинохроники: валяющиеся на задворках грязного скотного двора трупы главы Румынской социалистической республики Николае Чаушеску и его жены Елены, убитых преступно, по-бандитски, без суда и следствия. В восемьдесят девятом году, когда ЦРУ совместно с КГБ легко, быстро и жестоко обеспечили в Румынии смену власти и строя, она впервые увидела эти страшные кадры по телевизору. Раиса Максимовна вцепилась в локоть мужа и закричала: «Ну, зачем же так? Неужели ты не мог приказать, чтобы их просто посадили в тюрьму?!» На что он ответил, разведя руками: «Иногда, звездочка, увы, события выходят из-под контроля».

В девяносто первом, после форосского «плена», события тоже вышли из-под контроля. Все получилось точь-в-точь так, как предсказал Сталин. Как-то ей попала в руки книга желчного, но талантливого публициста Юрия Мухина, который анализировал ход «путча» и привел длинную цитату из пятого тома работ Сталина. Ее потрясло тогда буквальное совпадение событий, словно вождь СССР, превращенный теперь в великого государственного преступника, всю августовскую оперетту сумел прозреть сегодняшние события сквозь многие десятилетия. Раиса, бывший преподаватель марксистско-ленинской философии, в свое время изучала Сталина. Но этой работы не знала. И она несколько раз перечитала отрывок, пока не обнаружила, что знает его почти наизусть.

«Искусство стратега и тактика состоит в том, – писал Сталин, – чтобы умело и своевременно перевести лозунг агитации в лозунг действия, а лозунг действия также своевременно и умело отлить в определенные конкретные директивы».

– Здесь, – комментировал Мухин, – и оценка степени готовности ситуации к возможным действиям, и оптимальный выбор непосредственного момента начала действия. Тактика отступления в порядке. Роль меры в процессе пробы сил. Оценка необходимого темпа движения. Пределы возможных соглашений. Организаторы августовского путча, видимо, не читали этих работ Сталина. Или у них не хватило ума принять во внимание изложенные им условия успешности политической борьбы. К «гэкачепистам» в полной мере могут быть отнесены следующие его слова (как будто специально написанные на семьдесят лет вперед): «Несоблюдение этих двух условий может повести к тому, что удар не только не послужит исходным пунктом нарастающих и усиливающихся общих атак на противника, не только не разовьется в громовой сокрушающий удар..., а наоборот, может выродиться в *смехотворный путч*, угодный и выгодный правительству и вообще противнику в целях поднятия своего престижа, и могущий превратиться в повод и исходный пункт для разгрома партии или, во всяком случае, для ее деморализации». Организаторы «путча» в 91-м потерпели позорный

провал именно потому, что не понимали того, что Сталину было ясно уже в 1920 году. И результат был именно таков, как он и указывал: *смехотворность выступления, вся выгода от него политическому противнику, деморализация собственных сторонников*. Абсолютно ясно: если бы инициаторы путча предвидели такой его исход, они его никогда бы не начали.

– Если оценивать содержание этих сталинских работ по общепринятым в науке критериям, – заключал Мухин, – то выводов здесь больше, чем на очень сильную докторскую диссертацию по специальности «политология» или, точнее, «политическая технология». При чем своей актуальности они не утратили и спустя много лет. Здесь не красивых слов, ярких образов «высокого» литературного стиля – только технология политики. То есть по существующим ныне критериям, Сталин по достигнутым научным результатам был доктором философии еще в 1920 году. Еще более блестящи и до сих пор никем не превзойдены его достижения в экономике...»

Тогда она сказала мужу:

– Смотри-ка, ужасно: в августе все прошло, как по написанному. Какое необыкновенное совпадение! – и прочитала отрывок наизусть.

Впервые в жизни она увидела в черных острых глазах мужа бешенство.

– Меня не интересует кровавая бесовщина этого коммунистического палача! – крикнул он.

– Мишенька, родной, – изумленно проговорила Раиса Максимовна. – При чем тут определения? Что за слова ты выучил? Где ты видишь бесовщину? Это же история. И уже потому интересна. Может быть, если бы знать, вовремя подумать и учесть прошлый опыт – да хоть сталинский! – то тебе удалось бы достичь своей цели.

– Цели я достиг, – отрезал муж. – Правда, – он снизил тон и произнес, словно оправдываясь, – не совсем той, о которой все кричат справа и слева...

– Что ты имеешь в виду?

– Объясню. Как-нибудь потом... Не сердись, родная звездочка. Даже тебе и даже сегодня я еще не могу все сказать. Я дал слово нашему общему другу.

– Кому?

– Джорджу. Президенту Джорджу Бушу.

– Это когда вы встречались с ним на Мальте? На военном корабле? В открытом море? Чтобы вас не могли подслушать даже жены? – улыбнулась она.

– Да, – неохотно подтвердил он и тоже натянуто улыбнулся. – И многого не знает даже его ЦРУ, не говорю уже о нашем кровавом КГБ. Я потом тебе все расскажу, потом... Попозже³⁹.

На том их разговор и закончился. Он так ничего ей и не рассказал. А тогда она не стала обращать внимание мужа на еще одну поразившую ее деталь из мухинской книги: Сталин, оказывается, владел методами скорочтения и читал в день 350–400 книжных страниц. Только на его ближней даче в библиотеке было больше двадцати тысяч томов, и на всех книгах – его собственноручные пометки. Значит, не просто читал, но и размышлял и спорил с авторами. Она попыталась прикинуть, сколько сама прочла книг, хотя бы по специальности. Читать она любила, но все равно больше тысячи не набиралось.

Да, невероятно, но факт: все получилось как по написанному – как Сталин предсказал. Все сбылось. И пьяный бык Ельцин отобрал у них все. Хорошо, хоть квартиру оставил. А все самые лучшие друзья на Западе – и Буш, и Ширак, и их жены, и Марго Тэтчер – все забыли их с Мишей в один день. Правда, Гельмут Коль пока не забывает, хотя чаще бежит к Ельцину в баню. А ведь это не Ельцин, а они с Мишей ему такой шикарный подарок бесплатно

³⁹ По конфиденциальным данным, имеющимся в нашем распоряжении, тогда Горбачев обсудил с президентом США Бушем-старшим сценарий развала СССР, прологом к которому должен стать опереточный «августовский путч» 1991 года.

сделали – целое государство, Восточную Германию, Германскую Демократическую Республику. Хорошее, кстати, было государство. Много вложил Советский Союз в ГДР: немцам надолго хватит.

Еще совсем недавно все они расстилались перед ней, понимали, что главную политику в СССР делает она, что Миша по большому счету – трусишка, серьезные решения принимать не способен. Печатали фотографии на первых страницах журналов: «Rayissa Gorbacheva в Лувре философствует», «Rayissa – у королевского ювелира в Лондоне. Впервые за всю историю британской династии сюда пустили постороннюю», «Тайное оружие Кремля: Rayissa примеряет корону русских императоров». «Rayissa – главная надежда западной цивилизации и демократии». Про корону тогда глупость написали. Никакой короны не было. Была бриллиантовая диадема, да и все равно она тогда ее не купила. Но сегодня другое больше мучит ее: непонятно откуда взявшийся постоянный страх смерти. Надо с психиатром проконсультироваться, но нельзя: Ельцин тут же объявит ее сумасшедшей.

Закончив с макияжем, Раиса Максимовна вернулась в спальню, проскользнула под одеяло. Муж все еще спал, тревожно шевеля во сне полными губами. Она нежно поцеловала его в висок, потом шепнула в ухо: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» Он легко открыл глаза, вздохнул, улыбнулся и, не говоря ни слова, обнял ее и мягко прижал к себе ее маленькое хрупкое тельце. Она попыталась его приласкать, делала это, как всегда, осторожно и умело. Он даже сладко замер, сердце на какое-то время забилося у него чаще, но это продолжалось недолго. Ничего у него не получилось.

– Я плохо спал, звездочка, прости, – виновато сказал он. – Может, мне попринимать что-нибудь... м-м-м... такое? Вон сколько разных средств напридумали. «Золотой орел», «Мощный рог»...

– Да, Мишенька, ты во сне стонал, а один раз даже заплакал. Я не стала тебя будить, потому что старики говорят: «Кто плачет во сне, будет счастливым».

– Старики? – звонко переспросил Горбачев. – А что говорим мы, молодые?

– А молодые говорят, что нам нужно отдохнуть! – улыбнулась Раиса Максимовна и легко вскочила с постели. – Куда-нибудь поехать. На Гавайи. Мы ведь никогда не были на Гавайях! – запахнула халат и вдруг пошатнулась, побледнела до светлой зелени в лице и осела на широкую кровать.

– Что с тобой, звездочка? – в страхе вскочил муж. – Опять плохо? Врача?

– Нет, – прошептала она. – Это со сна. Я еще не проснулась. Мне нужно еще немного полежать. Ты вставай, не жди меня.

Он еще полежал немного рядом с ней, держа ее за руку. Потом встал, натянул красные шелковые трусы и футболку с надписью «Gorby» и направился в ванную.

Едва он взялся за электробритву, как его остановило тонкое пение телефонного звонка. Трубка вертушки, обычной, административной, висела тут же на стене. Кремлевскую Ельцин у него отобрал.

– На проводе, – сказал он.

– Миша? Доброе утро, – услышал он хриловато-мычащий голос Яковлева. – Не спишь?

– Привет, Саша, привет, Николаич... Какой спишь? Уже часа три как на ногах.

– Значит, ты уже знаешь, что это алкаш снова вытворяет?

– Что? Что? – испугался Горбачев. – Говори! Говори! Не тяни! Говори сейчас же!

– Прислал какую-то шпану в черных масках к «Горбачев-фонду», перекрыл все ходы-выходы, никого не впускают и не выпускают.

– Демонстрация? Митинг? Пикет?

– Какой там! Если бы... ОМОН прислал, сукин сын!

– Зачем?

– Спроси у него, дурака. Сейчас тебе будет звонить Шостаковский. Он все объяснит, – и Яковлев, как всегда, не попрощавшись и без предупреждения, положил трубку.

Зазвонил городской телефон. Шостаковский, бывший ректор Высшей партийной школы при ЦК КПСС, а теперь главный администратор «Горбачев-фонда», говорил медленно и четко.

Оказывается, ОМОН прибыл с подачи управляющего делами президента России с предписанием немедленно очистить ровно половину занимаемой площади. На исполнение два часа. После чего указанные помещения будут опечатаны вместе с имуществом.

– На каком основании?! – кричал Горбачев. – Он что – с ума сошел? А где закон? Справедливость? Где демократия?

– О демократии ничего в бумаге не сказано, – спокойно сообщил Шостаковский. – Что же касается состояния чьего-либо ума, то не мне судить, Михаил Сергеевич. Тем более по телефону.

«Труса празднует, – подумал Горбачев. – Боится, что Борька прослушивает».

Вслух же громко сказал – в расчете на прослушку:

– Я сейчас немедленно позвоню Борису Николаевичу Ельцину! Он умный, широко мыслящий и великодушный человек, он во всем разберется. Не может быть, чтобы он не понимал и чтобы не пошел навстречу... Ведь, понимаете, демократия, обратно же гласность, плюрализм мнений в глазах широкой международной общественности не могут не вызвать понимания и представления... – он, как всегда, запутался в словах, словно в речной осоке.

– Не знаю, Михаил Сергеевич, – спокойно перебил его Шостаковский. – Может, и стоит позвонить, только, думаю, в таком случае не Борису Николаевичу, а самому Коржакову. Хотя вряд ли что это даст...

– Вы так уверены, что даже Коржаков не поможет? – спросил Горбачев.

– Сейчас нельзя быть уверенным ни в чем, – отпарировал Шостаковский. – Но в любом случае надо действовать быстро. Сегодня они половину площадей заберут, завтра – все здание. Я уже и прессу вызвал. Вот, вижу в окно – пришел автобус с телевизионщиками.

– Вы там без меня не начинайте! – забеспокоился Горбачев. – Я очень быстро!

– А это, Михаил Сергеевич, уже не надо, – мягко, но с нажимом возразил Шостаковский. – Думаю, не совсем уместно первому президенту СССР и лауреату Нобелевской премии заниматься публично административно-хозяйственными дрызгами.

Горбачев подумал и согласился.

– Хорошо! Я буду действовать в своем направлении. И вы действуйте в своем. И доложите!

Он бросил трубку и некоторое время смотрел на нее. «Смотри-ка, он лучше знает! Много гонору набрал, как только я из Кремля съехал». Тем не менее, каким-то дальним уголком мозга он если не понимал, то ощущал, что Шостаковский прав. Не понимал пока только, почему прав. Ему самому даже в голову никогда не приходило, что самое опасное для любого государственного деятеля показаться смешным или мелким. Он до сих пор не признавал, что в глазах подавляющего большинства своих сограждан он давно остался и навсегда останется болтливым кретином. Он считал – мало того, был в этом уверен! – что народ его любит искренне и еще более горячо, чем до его свержения в декабре девяносто первого. Правда, в последнее время в печати его стали называть предателем, а то и хуже – государственным изменником. Одна только выходка заместителя генерального прокурора Виктора Илюхина чего стоила. Где это видано: прокурор возбуждает уголовное дело по статье «Измена Родине» – против кого? Против собственного президента! Теперь почти каждый день пишут об этом в левых газетах. Недавно прочтя о себе, что он – сложившийся изменник Родины, Горбачев сначала перепугался не на шутку: решил, что это ельцинская команда через коммунистов запустила пробный шар, чтобы подготовить общественное мнение, все-

таки арестовать его, устроить показательный процесс и посадить. А то и расстрелять, как Николая Второго. Или как Чаушеску. В лучшем случае, сослать куда-нибудь. Но ему было невдомек, что Ельцин никогда не стал бы, в отличие от самого Горбачева, делать из своего врага мученика. Да и тему государственной измены ему трогать тоже опасно. Нет, Ельцин понимал: чтобы добить Горбачева, его нужно не возвышать репрессиями, а унижить, превратить в просителя, заставить кланяться – неважно что, но для себя лично: кланяться по пустякам и много. И тогда можно будет заявлять народу: «Нет, он неисправим, выкормыш партаппарата! Обнаглел: и пенсию ему, и машину, и охрану, и спецполиклинику... Походил бы пешочком на работу, поездил бы на трамвае в поликлинику... Как я, президент России! Слабо?»

Однако сейчас Горбачев ясно понимал только одно: в самом деле, пусть Шостаковский занимается ОМОНОм, а он сам займется президентом России. Вернее, пусть Шостаковский так думает.

– Кто там, Миша? – спросила из спальни Раиса.

– Саша звонил, Яковлев. Потом Шостаковский, – отозвался он. – Ерунда, какие-то проблемы с арендой в фонде, – добавил он, входя в спальню. – Без меня справятся.

– Пустяки? – приподнялась она на локте. – В самом деле? А не борькина лапа опять?

– Нет, звездочка, нет, – заверил он. – Да и брось об этом. Давай подумаем о другом. Давай, действительно, подумаем о Гавайях. Или, может, в Ниццу съездим или на Канары, как эти... «новые русские»?

– В Ниццу! Господь с тобой, Фунтик! – так она его называла в минуты депрессии или недомогания, чтобы за ласковым прозвищем скрыть свое состояние. – Какая Ницца, какие Канары! Этот носорог нас за границу вдвоем не выпустит! Или домой не впустит. Эмиграция, знаешь, не для меня...

– А вот здесь ты не права! – с жаром возразил Горбачев. – Вот тут он не посмеет. Ему Клинтон не позволит и Хельмут, понимаешь, Коль! Он от Маргошки такую вздрючку получит – век будет помнить! Ну, ладно, ты отдыхай, а мне пора.

Он вернулся в ванную, включил свой «филиппс», приложил бритву к правой щеке. Почти бесшумное шуршанье бритвы его успокаивало. Однако бриться все не начинал. Мало того, выключил бритву и отложил ее в сторону, сел к зеркалу и внимательно рассмотрел свое лицо. Оно было обычного «рабочего» сине-коричневого цвета, словно он не дома был, в ванной, а стоял на трибуне и выступал перед народом часа два. Значит, опять подскочил сахар. Вот почему его второй день сопровождает тошнотная истома. Простой советский человек давно перешел бы на инсулин, но Горбачев в последнее время все меньше страдал от своего недуга, поскольку стал регулярно пить дефицитнейший чай «Калли» по рецепту американского китайца доктора Чена. Однако «Калли» закончился неделю назад, а похлопотать о новой посылке некому – все помощники разбежались. Не пошлешь же в Нью-Йорк старую калошу Шахназарова. Правда, есть еще один чудодейственный бальзам «санбриз» от того же Чена – грамм на вес золота. Горбачев достал из шкафчика крохотную бутылочку, отвинтил пробку, два раза капнул себе на язык и подождал, пока тысячи сосудов в полости рта впитывают резкую на вкус, как скипидар, маслянистую жидкость. Прошло три-четыре минуты. Синюшность с лица стала спадать, потом постепенно начал исчезать коричневый оттенок, в голове просветлело, и тошнотная слабость постепенно отступила. Нужно посидеть еще минут пять, и тогда уровень сахара в крови опустится до нормы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.